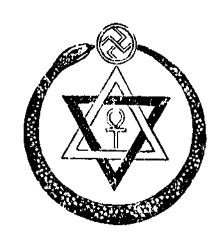

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

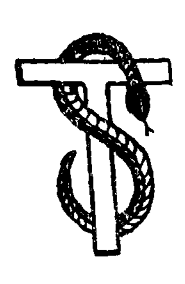
РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

7 февраля.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1909

Отъ Редакцiи. Статьи, присылаемыя для напечатанiя въ „Вѣстникѣ Теософiи", подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенiямъ и исправленiямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченiе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

„ВОПРОСЫ ТЕОСОФІИ",

ВЫПУСКЪ II.

Сборникъ будетъ посвященъ памяти *Е. П. Блаватской.*

Сборникъ предполагается въ размѣрѣ 10 печатныхъ листовъ въ форматѣ in 8° по образцу изданія „Вопросы Теософіи" вып. 1.

Цѣна по подпискѣ 1 рубль.

Въ зависимости отъ успѣха подписки, изданіе предполагается выпустить весною 1909 г.

Послѣ выхода въ свѣтъ цѣна Сборника будетъ повышена.

Подписка принимается **только** въ Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи",—С.-Петербургъ, Кабинетская, 7, кв. 1.

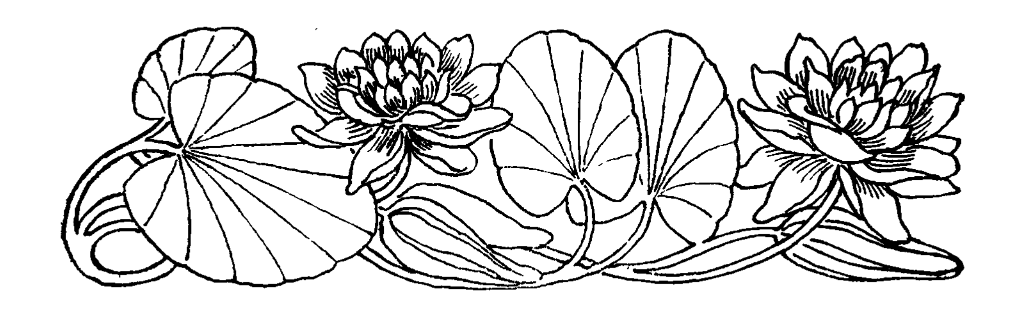
Спб. Городская Типографія. Садовая, 55, уг. Вознесенскаго.

СОДЕРЖАНІЕ

февральской книжки „Вѣстника Теософіи“.

== Лицъ, не получившихъ очередного номера, просятъ сообщать о томъ въ Редакцію не позже времени выхода слѣдующаго №, такъ какъ позднѣйшія заявленія Газетная Экспедиція Городского Почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія. ==

Редакція.

Іога*).

Анни Безантъ.

Братья,—во всѣ вѣка, во всякой цивилизаціи, въ предѣлахъ всякой религіи всегда существовало стремленіе духа человѣческаго въ высь, всегда дѣлались попытки достигнуть единенія съ Божествомъ. Не важно, какова та особая форма религіи, которую исповѣдуетъ человѣкъ, преданный религіозному идеалу; не важно то, подъ какимъ именемъ онъ поклоняется Божеству; не важно съ точки зрѣнія переживаемой имъ внутренней борьбы, какова та форма, въ которой онъ пытается выразить или осуществить свои стремленія. Но знаменателенъ тотъ фактъ, что стремленіе это имѣется налицо, постоянно свидѣтельствуя міру о реальности духа, постоянно свидѣтельствуя объ истинѣ духовной жизни. Говоря точнѣе, стремленіе это является даже единственнымъ свидѣтелемъ существованія божественнаго начала, какъ во вселенной, такъ и въ людяхъ. Ибо, подобно тому какъ вода пролагаетъ себѣ путь черезъ всякія препятствія, стремясь подняться до уровня своего источника, такъ и духъ въ человѣкѣ стремится все выше и выше къ тому источнику, изъ котораго онъ истекъ. Если бы онъ не исходилъ изъ Божества, онъ не пытался бы подняться до Него. Если бы онъ не былъ отпрыскомъ Божества, то онъ и не стремился бы возсоединиться съ Нимъ, и уже самый фактъ существованія этого стремленія, уже то, что дѣлаются хотя бы и неумѣлыя усилія, чтобы достигнуть единенія съ Богомъ—постоянно и неизмѣнно свидѣтельствуетъ о божественномъ происхожденіи

*) Предлагаемая статья представляетъ собою переводъ одной главы изъ книги г-жи Анни Безантъ „The Building of the Cosmos". Книга эта составилась изъ лекцій, читанныхъ Анни Безантъ индусамъ въ Адьярѣ въ 1893 г.

человѣка, вѣчно свидѣтельствуетъ о томъ, что искра можетъ снова стать пламенемъ. Будучи пламенемъ по своему происхожденію, она снова можетъ разростись въ пламя, какъ бы ничтожна она ни была въ предѣлахъ ея проявленія.

Слово „Іога“, какъ извѣстно, значитъ единеніе; въ немъ выражено все, чего можетъ желать духъ человѣческій, ибо въ этомъ словѣ „единеніе“ подразумѣвается все существующее. Какъ все исходитъ изъ Божества, такъ и единеніе съ Божествомъ означаетъ обладаніе всѣмъ—всевѣдѣніемъ, всемогуществомъ, совершенной чистотой, полнотой любви; и то одно слово, подъ которымъ подразумѣвается это единеніе, указываетъ на высочайшее стремленіе, доступное человѣку. Я сказала, что стремленіе это наблюдается во всякой религіи. Возьмемъ одну изъ позднѣйшихъ религій—господствующее на западѣ христіанство,—и мы найдемъ въ немъ совершенно тѣ же попытки достигнуть единенія съ Божествомъ, которыя такъ методически дѣлаются въ наиболѣе древней изъ всѣхъ религій—индусской. Существенная разница между обѣими религіями въ методѣ. Въ христіанствѣ существуетъ стремленіе, но обыкновенно отсутствуетъ систематическая подготовка, хотя и вѣрно, что одинъ изъ орденовъ римско-католической церкви обладаетъ извѣстнымъ знаніемъ тѣхъ методовъ, при помощи которыхъ можно достигнуть единенія. Но если взять христіанство какъ цѣлое, то мы видимъ скорѣе стремленія, чѣмъ систематическія и обдуманныя усилія [1]). Впрочемъ въ жизнеописаніяхъ людей, признаваемыхъ христіанами святыми, время отъ времени встрѣчаются описанія достигнутаго ими состоянія, которое каждый изъ васъ, изучавшій предметъ, призналъ бы тождественнымъ съ состояніемъ, извѣстнымъ намъ подъ именемъ „Самадхи“ (Samâdhi), состоянія, при которомъ сознаніе возносится въ высшую сферу или, вѣрнѣе, сосредоточивается внутри, превращаясь изъ нормальнаго сознанія въ сознаніе божественное, и хотя это и достигается какъ бы исключительно силой благоговѣнія [2]),—состояніе это все же свидѣтельствуетъ о томъ, что во всякой религіи есть возможность единенія съ Богомъ. Этого и слѣдуетъ ожидать, если

1) Если не ошибаемся, такимъ знаніемъ обладало нѣсколько орденовъ римско-католической церкви. Что же касается Восточной церкви, то есть указанія на глубокое эзотерическое знаніе въ анонимномъ сочиненіи „Добротолюбіе“ и въ писаніяхъ цѣлаго ряда христіанскихъ подвижниковъ. *Ред.*

2) Слово англійское devotion въ сущности лучше всего передается выраженіемъ „любовь къ Богу“ или, какъ говоритъ О. Феофанъ: „Богупреданность“, ибо въ него въ равной мѣрѣ входятъ и любовь, и благоговѣніе.

мы будемъ помнить, что всѣ души по существу едины, какъ бы онѣ ни были отдѣлены другъ отъ друга происхожденіемъ или религіозными взглядами. И это, какъ мнѣ кажется, фактъ чрезвычайной важности; важенъ онъ потому, что онъ постоянно свидѣтельствуетъ о единствѣ, лежащемъ въ основѣ различныхъ вѣръ, и потому, что онъ содѣйствуетъ разрушенію разныхъ перегородокъ, являющихся такой помѣхой для всякой духовности,—перегородокъ неустранимыхъ, пока мы остаемся въ чисто интеллектуальной сферѣ.

Но при всемъ томъ, я не могу не утверждать—какъ на основаніи логическихъ доводовъ, такъ и на основаніи опыта,—что громадное преимущество религіи индуизма заключается въ томъ, что въ ней не только сознается цѣль Іоги, но и имѣется ясное понятіе о ея методѣ. Религія эта не только ставитъ цѣлью то, что христіане называютъ „блаженнымъ созерцаніемъ“, но и учитъ тому, какимъ путемъ достигнуть этого созерцанія. Благодаря этому міранинъ можетъ въ значительной степени узнать тѣ шаги, которые ему необходимо сдѣлать въ настоящей жизни, чтобы въ будущемъ воплощеніи быть въ состояніи достигнуть успѣха въ Іогѣ; тѣ же, которые уже болѣе подготовлены для дальнѣйшаго совершенствованія, могутъ, получивъ особыя наставленія, научиться тому, что шагъ за шагомъ поведетъ ихъ по пути къ единенію съ Божествомъ.

Понятно, что въ публичной лекціи, каковой является настоящая, внутренняя сторона Іоги въ сущности должна остаться не затронутой. Іога въ строгомъ смыслѣ слова никогда не преподается при иныхъ условіяхъ, какъ учителемъ ученику, когда они наединѣ, и когда умы ихъ находятся въ тѣсномъ общеніи; это не есть тема для публичнаго обсужденія и преній. Преніямъ нѣтъ мѣста въ истинной Іогѣ. Пренія относятся къ области разсудочнаго мышленія, а не къ области духовнаго; Іога же постигается духомъ, а не разсудкомъ. Первоначальныя ступени могутъ быть и предметомъ публичнаго обсужденія; но сокровенная сущность Іоги доступна только для тѣхъ, кто, понявъ, что духовная истина достижима, всѣми силами своей души предаются исканію этой истины. Такіе люди ищутъ истины не путемъ споровъ на интеллектуальномъ поприщѣ, считая себя отнюдь не ниже того, кого они номинально признаютъ своимъ учителемъ. Они готовы итти къ тому, кто болѣе освѣдомленъ въ духовныхъ предметахъ, чтобы учиться у него въ молчаніи и покорности, будучи благодарны за каждый лучъ свѣта, выпадающій на ихъ долю; они не станутъ

бросать вызовъ свѣту, потому что духъ, обитающій въ нихъ, узрѣлъ проблескъ того источника, изъ котораго онъ исходитъ. Сегодня я хочу лишь попытаться познакомить васъ съ первоначальными шагами, которые постепенно сдѣлаютъ человѣка способнымъ искать наставленія въ Іогѣ; я попытаюсь указать вамъ на то, что вы сами можете найти въ вашемъ священномъ писаніи относительно уже обнародованныхъ шаговъ,—если я могу ихъ такъ назвать—ведущихъ къ вратамъ самаго храма. Но въ храмъ каждый изъ васъ долженъ войти одинъ, чтобы тамъ встрѣтить своего Учителя. Вамъ можно указать лишь тропу, ведущую къ вратамъ; отъ васъ зависитъ вступить на нее, какъ только вы рѣшитесь это сдѣлать.

Для того, чтобы вы могли понять интеллектуальную сторону процесса соединенія съ Божествомъ, вамъ необходимо понимать вашу собственную психо-физическую организацію. Это первый шагъ на пути къ Іогѣ. Правда, душевная и тѣлесная организація человѣка въ значительной мѣрѣ состоитъ лишь изъ тѣхъ орудій, при помощи которыхъ онъ можетъ найти свое истинное *я*. Тѣмъ не менѣе онъ долженъ умѣть пользоваться этими орудіями, такъ какъ иначе онъ не будетъ въ состояніи сдѣлать и первоначальныхъ шаговъ; ибо прежде чѣмъ вступить на путь Іоги, необходимо преодолѣть извѣстныя препятствія. А эти препятствія лежатъ въ собственной природѣ человѣка; они входятъ въ составъ его собственной душевной и тѣлесной организаціи. И эти внѣшнія препятствія должны быть разрушены прежде, чѣмъ станетъ возможенъ какой бы то ни было дѣйствительный прогрессъ въ Іогѣ. Итакъ достигнуть пониманія, и притомъ пониманія интеллектуальнаго своей душевной и тѣлесной организаціи—вотъ тотъ первый шагъ, который необходимо сдѣлать каждому, стремящемуся къ Іогѣ.

Изучая начала, входящія въ составъ человѣческаго существа, слѣдуетъ начинать съ теоріи и затѣмъ уже переходить къ практикѣ. Это необходимо въ виду того, что психо-физическая организація человѣка можетъ разсматриваться какъ въ ея нормальномъ соотношеніи съ различными сферами вселенной, такъ и съ точки зрѣнія практики, т. е. съ точки зрѣнія того, какъ можно, для изслѣдованія этихъ сферъ, отдѣлять другъ отъ друга различныя начала, входящія въ составъ нашего естества. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ возможны различныя подраздѣленія, но между всѣми ними можетъ быть установлено извѣстное соотношеніе.

Итакъ, повторяю, подраздѣленія дѣлаются съ цѣлями то теоретическими, то практическими. Изъ теоретическихъ подраздѣленій наиболѣе полнымъ является раздѣленіе на семь началъ, съ которымъ всякій можетъ познакомиться, прочитавъ любую книгу о теософіи. Вы можете найти слѣды этой классификаціи въ вашихъ собственныхъ священныхъ книгахъ, хотя не безъ нѣкотораго труда, такъ какъ эти книги отдаютъ предпочтеніе классификаціи на пять началъ. Это послѣднее дѣленіе соотвѣтствуетъ природѣ человѣка, каковой она является на настоящей ступени развитія; два же высшія начала не упоминаются въ виду того, что средній человѣкъ въ настоящее время не можетъ возвыситься до нихъ. Поэтому, чтобы не вносить путаницы въ умы, было сочтено болѣе цѣлесообразнымъ не обнародывать классификаціи, которая не могла быть понятна. Однако мѣстами были сдѣланы намеки и на седмеричную классификацію, чтобы человѣкъ, достигнувшій высшаго, чѣмъ нормальный, уровня развитія, могъ воспользоваться тѣмъ знаніемъ, для усвоенія котораго онъ былъ достаточно подготовленъ. Поэтому попадаются намеки въ родѣ „пламени о семи языкахъ“, о которомъ я упоминала въ предыдущей лекціи [1]). Такъ вы найдете намеки на то, что есть семь гласныхъ звуковъ; вы найдете, что Агни [2]) мчится на колесницѣ, запряженной семью конями. Такъ большая змѣя (обыкновенно именуемая пятиглавой) иногда называется и семиглавой. Такимъ образомъ вы встрѣтите время отъ времени намеки на нѣчто, лежащее за предѣлами пяти, т. е. пятиричной организаціи человѣка, символизируемой пентаграммой [3]), буквой М, зодіакальнымъ знакомъ Макара, т. е. Крокодила [4]). Все это должно указывать вамъ на то, что, тогда какъ пять низшихъ началъ всегда даны вамъ въ дѣйствительномъ опытѣ для изученія, есть и нѣчто, лежащее за предѣлами ихъ для тѣхъ, кто, обладая интуитивной способностью, умѣетъ воспользоваться дѣлаемыми намеками.

При классификаціи на семь началъ истиннымъ „я“ считается *Атма* [5]), высшее духовное начало, которое, постепенно раскрываясь въ процессѣ эволюціи, обнаруживается чрезъ посредство

[1]) См. The Building of the Cosmos“, гл. „Fire“. (Прим. пер.).

[2]) Индусскій богъ огня. (Прим. пер.).

[3]) Звѣзда о пяти концахъ. (Прим. перев.).

[4]) У индусовъ этотъ знакъ соотвѣтствуетъ нашему знаку Козерога. (Прим. перев.).

[5]) Атма или Атманъ есть божественная искра, живущая въ каждомъ человѣкѣ, залогъ возможности его возсоединенія съ Логосомъ. *(Перев.).*

ряда послѣдовательныхъ покрововъ; эти послѣдніе сами являются лишь дифференціаціями Атмана. Такимъ образомъ различаются: *Буддхи* (Buddhi) или „духовная душа“ (Spiritual Soul) [1]); *Манасъ*, т. е. разумная или человѣческая душа; *Кама*, или животная душа, къ которой относятся всѣ страсти и желанія; *Прана* жизненная сила, циркулирующая по эфирному тѣлу; это эфирное тѣло называютъ *Линга Шарира*,—терминъ неудачный, такъ какъ онъ употребляется въ другомъ значеніи въ индусскихъ священныхъ книгахъ. Наконецъ мы имѣемъ и грубо-матеріальное тѣло, *Стхула Шарира*, матеріальный внѣшній покровъ человѣка. Такимъ образомъ получается седмеричная классификація, или шесть началъ и Атма, какъ седьмое, причемъ Атма въ сущности есть все, всѣ начала вмѣстѣ взятыя, и лишь дифференцируется при проявленіи. „Оно пожелало: я размножусь“.

Но обратимся теперь къ болѣе извѣстной многимъ изъ васъ классификаціи, согласно которой человѣкъ разсматривается какъ Атма, духъ облекающійся въ пять различныхъ покрововъ. Это чрезвычайно ясная классификація, такъ какъ она вся цѣликомъ построена на понятіи покрова, затемняющаго наше истинное *я*; такъ что сущность процесса Іоги здѣсь сводится къ тому, что человѣкъ послѣдовательно освобождается отъ покрова за покровомъ, пока его истинное *я* снова не предстанетъ одно, какимъ оно было съ самаго начала. Въ этой классификаціи тѣлу соотвѣтствуетъ пищевой покровъ (Аннамайя Коша); затѣмъ идетъ жизненный покровъ (Пранамайя Коша), которому въ теософической классификаціи соотвѣтствуютъ эфирное тѣло и жизненная сила (Прана), такъ какъ эфирное тѣло есть лишь матеріальный проводникъ Праны. Далѣе мы имѣемъ два подраздѣленія, принимающихъ во вниманіе двойственную природу ума (Манасъ), высшаго и низшаго, различаемыхъ въ сочиненіяхъ о теософіи [2]); въ разсматриваемой нами теперь классификаціи низшій Манасъ и Кама, какъ начала, вмѣстѣ погибающія послѣ смерти, соединяются вмѣстѣ и отдѣляются отъ разумной природы человѣка, вы-

[1]) Когда это начало развивается въ человѣкѣ, онъ сознаетъ свое единство со всѣми прочими существами и реально переживаетъ ихъ радости и страданія, сливаясь съ міровой душой. Это начало является какъ бы промежуточнымъ звеномъ, соединяющимъ міръ Божественный съ міромъ индивидуальныхъ существъ. *(Перев.).*

[2]) Это дѣленіе болѣе или менѣе, хотя далеко не вполнѣ, соотвѣтствуетъ принимаемому Кантомъ и Гегелемъ дѣленію умственныхъ способностей человѣка на разсудокъ и разумъ (Verstand и Vernunft). *(Перев.).*

свобождающейся изъ астральной сферы и переходящей въ высшую сферу, т. наз. Девалока [1]). Такимъ образомъ мы имѣемъ покровъ разсудка (Маномайя Коша), куда включаются также элементы животной души (Кама), т. е. страсти и желанія. Этотъ покровъ участвуетъ въ формированіи тѣла (астральнаго, Камарупа индусовъ. Прим. перев.), въ которомъ человѣкъ живетъ въ теченіе своего пребыванія въ астральной сферѣ (Камалока). Далѣе идетъ покровъ, соотвѣтствующій различительной способности ума [2]). Виджніанамайя Коша—названіе, произведенное отъ слова Gniânam, знаніе, съ приставкой Vi, означающей различеніе и анализъ, процессъ разложенія и подраздѣленія всего того въ области знанія, что поддается подраздѣленію; такъ что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ знаніемъ, различительнымъ по существу. Поэтому иногда этотъ терминъ употребляютъ для обозначенія шестидесяти четырехъ наукъ, перечисляемыхъ въ нѣкоторыхъ системахъ индусской философіи. Этотъ покровъ соотвѣтствуетъ тому, что въ теософіи называется Манасъ, т. е. способность различенія, за исключеніемъ силлогистической стороны умственной дѣятельности, относящейся къ низшему Манасъ [3]). Наконецъ мы имѣемъ послѣдній покровъ—покровъ блаженства, Анандамайя Коша—то же, что въ предыдущей классификаціи было названо Буддхи, ибо Буддхи по существу есть ни что иное, какъ блаженство.

Предположимъ теперь, что вмѣсто этой пятеричной классификаціи мы желаемъ узнать, какъ долженъ разсматривать себя человѣкъ, для практическихъ цѣлей, когда онъ желаетъ изслѣдо-

---

[1]) Астральная сфера (Камалока индусовъ) соотвѣтствуетъ чистилищу, а Девалока—раю католиковъ. *(Перев.)*.

[2]) Здѣсь идетъ рѣчь не объ элементарной способности различенія въ психологическомъ смыслѣ, безъ участія которой невозможенъ ни одинъ простѣйшій умственный актъ, а о способности разума анализировать содержаніе опыта и классифицировать его по категоріямъ. Такимъ образомъ функція высшаго Манасъ, разума какъ таковаго, есть различеніе, созданіе системы категорій. Но поскольку разумъ находится подъ вліяніемъ высшаго духовнаго начала, Buddhi, онъ является въ то же время способностью объединенія всего человѣческаго знанія и стремится установить связь между всѣми категоріями и вывести всѣ ихъ изъ единаго начала; подобную попытку, правда еще несовершенную, мы имѣемъ, наприм., въ Логикѣ Гегеля. Этимъ конечно еще не исчерпывается характеристика функцій высшаго Манасъ, способности у большинства людей находящейся еще лишь въ зачаточномъ состояніи, но здѣсь мы не имѣемъ возможности остановиться дольше надъ выясненіемъ этого вопроса. Читатель найдетъ болѣе подробныя свѣдѣнія въ книгахъ Анни Безантъ „The seven principles of man“ и д-ра Pascal'а „Les sep principes de l'homme“. *(Перев.)*.

[3]) Т. е. разсудку, въ отличіе отъ разума. *(Перев.)*.

вать различныя сферы вселенной. Оказывается, что въ такомъ случаѣ подраздѣленіе на семь началъ, или только что разсмотрѣнное дѣленіе на духъ (Атма) и его пять покрововъ, — непригодно, такъ какъ не всѣ выше перечисленные покровы могутъ быть отдѣляемы другъ отъ друга. Въ этомъ случаѣ приходится прибѣгнуть къ тройственному подраздѣленію. Для всѣхъ практическихъ цѣлей Іоги въ человѣкѣ можно различать лишь три основныхъ начала. Есть лишь три „Упадхи“ [1]) или матеріальныхъ основы, чрезъ посредство которыхъ могутъ проявлять присущія имъ энергіи различныя начала или покровы. Низшая изъ этихъ матеріальныхъ основъ есть „Стхулопадхи“; сюда включаютъ и грубо-физическое тѣло, хотя по существу эта матеріальная основа совпадаетъ съ эфирнымъ тѣломъ, такъ какъ грубо-физическое тѣло, при этой классификаціи, можетъ быть совершенно оставлено безъ вниманія; въ данномъ случаѣ на него приходится смотрѣть лишь какъ на помѣху, отъ которой слѣдуетъ избавиться. Настоящіе органы чувствъ находятся въ эфирномъ тѣлѣ, и одни лишь внѣшніе ихъ покровы принадлежатъ нашему грубо-матеріальному тѣлу, которое кажется намъ такимъ реальнымъ. Далѣе слѣдуетъ „Сукшмопадхи“ или „тонкая“ (т. е. состоящая изъ матеріи болѣе утонченной, чѣмъ даже матерія эфирнаго тѣла. Прим. перев.) матеріальная основа, которую иногда называютъ также Линга Шарира или Линга Деха. Потому то и сказано выше, что очень досадно, что въ теософической терминологіи эти послѣднія названія употребляются для обозначенія болѣе низкаго начала, а именно астральнаго или эфирнаго [2]) тѣла. Это „Сукшмопадхи“ является матеріальной основой для началъ „Кама“ (животныя страсти. Прим. перев.) и „Манасъ“ (здѣсь имѣется въ виду лишь низшій „Манасъ“, т. е. разсудокъ. Прим. пер.) и при помощи его человѣкъ можетъ ознакомиться со всей душевной сферой вселенной. Наконецъ, имѣется такъ называемое „Каранопадхи“ [3]), которое

[1]) „Упадхи“ (въ дословномъ переводѣ „экипажъ“, повозка) ничто иное какъ какая-либо часть человѣческаго естества, разсматриваемая, какъ матеріальная основа, чрезъ посредство которой можетъ проявляться болѣе духовное начало. Тройственное подраздѣленіе на „Упадхи“ соотвѣтствуетъ христіанскому подраздѣленію человѣческаго естества на душу и тѣло. *(Перев.).*

[2]) Въ современной теософической терминологіи терминъ „астральное тѣло“ не означаетъ то же, что эфирное тѣло или эфирный двойникъ, а употребляется исключительно для обозначенія тѣла, соотвѣтствующаго нѣсколько болѣе высокому началу, называемому „Кама“, т. е. животнымъ страстямъ и желаніямъ. „Сукшмопадхи“ соотвѣтствуетъ „духовному тѣлу“, о которомъ говоритъ Ап. Павелъ.

[3]) Соотвѣтствуетъ духовному тѣлу“, Ап. Павла. *(Перев.).*

есть не что иное, какъ Буддхи-Манасъ (т. е. чистый разумъ, находящійся въ общеніи съ высшимъ духовнымъ началомъ. Прим. перев.); разсматриваемый, какъ покровъ „Атмы". Эта матеріальная основа, соотвѣтствующая покрову, въ предыдущей классификаціи названному „Анандамайя Коша", является тѣмъ постояннымъ тѣломъ, въ которомъ то, что въ теоріи называется безсмертной тріадой [1]), живетъ въ теченіи всей „Манвантары" [2]). Таково тройственное дѣленіе, которымъ пользуются для цѣлей Іоги, и эти три перечисленныя матеріальныя основы соотвѣтствуютъ тремъ сферамъ проявленной вселенной: физической, астральной или душевной и духовной. Грубо-матеріальный физическій міръ является, такъ сказать, лишь внѣшнимъ проявленіемъ эфирной [3]) сферы, такъ что для всѣхъ практическихъ цѣлей грубо-физическій міръ и эфирную сферу можно разсматривать, какъ одно цѣлое. Къ этой сферѣ принадлежитъ Стхулопадхи, затѣмъ слѣдуетъ душевная сфера вселенной, которая включаетъ въ себя всю область страстей и желаній, а также и ума, къ ней принадлежитъ Сукшмонадхи. Наконецъ, есть еще и высшая сфера духовная, къ которой принадлежитъ Каранопадхи. Такимъ образомъ, эти три Упадхи или тѣла соотвѣтствуютъ тремъ сферамъ вселенной: 1) эфирной и грубо-физической, разсматриваемымъ какъ одно цѣлое, 2) душевной — высшей и низшей — и 3) духовной, самой высшей. И эта то классификація и избирается для практическихъ цѣлей Іоги, такъ какъ сознаніе можетъ функціонировать въ каждой изъ трехъ упомянутыхъ сферъ и въ каждой изъ нихъ ему должно соотвѣтствовать, такъ сказать, тѣло, или вѣрнѣе, извѣстная матеріальная основа (vehicle — повозка. Прим. перев.)—въ которой оно могло бы обитать. Іога возможна лишь благодаря существованію этихъ тѣлъ, при помощи которыхъ сознаніе можетъ функціонировать въ трехъ великихъ космическихъ сферахъ. Іога содѣйствуетъ развитію этихъ тѣлесныхъ основъ и подчиненію ихъ контролю нашего *я*, такъ что оно можетъ сосредоточиться въ любой изъ нихъ, можетъ пріобрѣтать опытъ въ каждой изъ трехъ сферъ и можетъ объединить всѣ эти

[1]) Т. е. „Атма-Буддхи-Манасъ". Здѣсь подъ „Манасъ" разумѣется лишь высшій Манасъ. *(Перев.).*

[2]) Слово „Манвантара" означаетъ эволюціонный циклъ, въ теченіе котораго существуетъ какая-либо планета. *(Перев.).*

[3]) Переводимъ такимъ образомъ слово „Astral", потому что, какъ уже было упомянуто въ одномъ изъ предыдущихъ примѣчаній, въ настоящее время въ теософическихъ сочиненіяхъ это слово употребляется не въ томъ смыслѣ, который ему придаетъ здѣсь авторъ. *(Перев.).*

различныя начала. Ибо весь процессъ проявленія вселенной имѣетъ лишь одну цѣль: развить это объединяющее сознаніе; вселенная существуетъ, какъ гласятъ священныя книги, лишь ради души. Все то считается доброй Кармой [1]), что угодно Ишварѣ [2]), все то дурная Карма, что неугодно Ему. Ибо „Ишвара" есть ни что иное, какъ терминъ, означающій Высшаго Духа, который единъ съ духомъ, обитающимъ въ человѣкѣ. Поэтому эти тѣлесныя основы развиваются для того, чтобы, благодаря ихъ эволюціи, сдѣлалось возможнымъ совершенное объединеніе человѣческаго духа съ Божествомъ и чтобы духъ могъ обозрѣвать произвольно любую изъ сферъ вселенной и въ каждой изъ нихъ обладать всѣмъ тѣмъ знаніемъ, которое въ ней можетъ быть пріобрѣтено. Понимать это необходимо для достиженія той цѣли, которую мы имѣемъ въ виду.

Теперь является вопросъ: каково соотвѣтствіе между выше перечисленными сферами и тѣлесными основами или Упадхи съ одной стороны и состояніями сознанія или формами проявленія Атмана (духа) съ другой стороны? Вы найдете, что въ вашихъ Шастрахъ [3]) употребляются различные термины, смотря по тому, разсматривается ли вопросъ съ точки зрѣнія Атмана и тѣхъ условій, которымъ онъ подчиняется при проявленіи, или же извнѣ, съ точки зрѣнія различныхъ состояній сознанія. Разсмотримъ сначала эти послѣднія. Здѣсь мы имѣемъ три ступени: бодрственное сознаніе (Джагратъ), сонъ со сновидѣніями (Свапна) и глубокій сонъ безъ сновидѣній (Сушупти). Есть, правда, и четвертое состояніе—Турія, но это не есть состояніе сознанія, достижимое въ ограниченныхъ предѣлахъ міра внѣшнихъ проявленій; это есть расширеніе сознанія, при которомъ ограниченный центръ сознанія переступаетъ за предѣлы своего *я* и сливается со всѣмъ. И поэтому это состояніе сознанія лежитъ за предѣлами всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами тѣлесныхъ оболочекъ и Атма, духъ, здѣсь существуетъ самъ по себѣ. Онъ сбрасывалъ съ себя покровъ за покровомъ, пока не обрѣлъ себя. Пока мы имѣемъ дѣло съ тѣлесными основами, съ покровами, мы имѣемъ лишь три состоянія сознанія безъ четвертаго, такъ называемаго Турія. Человѣкъ можетъ достигнуть и этого состоянія сознанія, но для

[1]) Слово „Карма" здѣсь употреблено въ смыслѣ „дѣятельности". *(Перев.)*.

[2]) „Ишвара" значитъ Господь и всегда относится къ проявленному Божеству, Творцу вселенной, называемому Словомъ или Логосомъ у христіанъ и неоплатониковъ.

[3]) „Шастрами" называются священныя книги индусовъ. *(Перев.)*.

этого онъ долженъ разстаться со всѣми своими тѣлесными покровами. Это есть состояніе освобожденія. Это то состояніе, котораго достигаетъ „Дживанмукта“ [1]), но душа [2]) при этомъ или окончательно порываетъ всякую связь со всѣми тѣлесными оболочками или же, достигнувъ этого состоянія сознанія и снова ставши духомъ чистымъ и простымъ, возвращается опять въ свой тѣлесный покровъ; но покровъ не можетъ вмѣстѣ съ духомъ перенестись въ это состояніе, такъ какъ оно лежитъ за предѣлами всякихъ ограниченій; оно есть *единое* и *все*.

Теперь обратимся къ одной изъ Упанишадъ, именно къ Мандукіопанишадъ, короткой, но безцѣнной, если избрать ее предметомъ размышленій съ тѣмъ, чтобы открыть ея внутренній смыслъ. Здѣсь мы читаемъ уже не о состояніяхъ сознанія, а объ условіяхъ проявленія Атмана. Прежде всего упоминается *Вайшванара*, соотвѣтствующее бодрственному состоянію сознанія, такъ какъ въ этомъ состояніи духъ познаетъ внѣшній міръ. Сказано, что духъ здѣсь соприкасается съ внѣшнимъ міромъ,—такова природа этого состоянія. Тѣлесной оболочкой, соотвѣтствующей этому состоянію, является, разумѣется, низшая изъ трехъ. Отсюда духъ переходитъ въ состояніе лучезарности или *Тайджаза* [3]). Въ этомъ состояніи — такъ сказано въ Упанишадѣ — духъ изучаетъ внутренніе объекты. Тѣлесная оболочка, соотвѣтствующая ему, есть Сукшмопадхи, находящаяся во внутреннемъ, психическомъ мірѣ. Наконецъ, изъ этого состоянія Атма еще разъ переходитъ въ состояніе знанія или *Праджнія*; тогда, какъ говорится въ Упанишадѣ, знаніе становится единообразнымъ, тогда природа духа —блаженство, а уста его —знаніе.

Это многозначительныя слова, бросающія яркій свѣтъ на вопросъ и заслуживающія особеннаго вниманія. „Природа его—блаженство“; эти слова указываютъ на присутствіе покрова блаженства (Анандамайя Коша). „Уста его—знаніе“; въ этихъ словахъ—если подумать надъ ними—нельзя не видѣть намека на то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ то, что можетъ стать произнесеннымъ словомъ, но еще не есть таковое; съ возможностью рѣчи безъ самой рѣчи, такъ какъ эта послѣдняя относится къ болѣе

[1]) „Дживанмукта“ значитъ „освобожденная душа“. *(Перев.)*.

[2]) Слово „Джива“, употребленное здѣсь въ подлинникѣ, значитъ собственно духовный центръ сознанія, индивидуализированный духъ. *(Перев.)*.

[3]) Называемое такъ потому, что вещество двухъ сферъ (астральной и умственной), соотвѣтствующихъ этому состоянію, кажется какъ бы свѣтящимся—вѣрнѣе и есть ни что иное, какъ живой свѣтъ. *(Перев.)*.

низкой сферѣ. „Уста его—знаніе“, значитъ уста, органъ рѣчи, имѣются на лицо, но природа духа въ этомъ состояніи—блаженство. Когда Атма, духъ, исходя изъ этого состоянія, проявляется во внѣ, то онъ нисходитъ въ царство рѣчи, и уста могутъ произнести слово; но въ духовной сферѣ рѣчи не существуетъ. Здѣсь существуетъ лишь возможность проявленія звука, но нѣтъ самаго звука. Далѣе слѣдуетъ четвертое состояніе—Турія. Это состояніе опредѣляется лишь отрицательно, такъ какъ оно не поддается описанію. Это Атма самъ по себѣ, Брахманъ самъ по себѣ. Это священное Слово [1]), разсматриваемое, какъ единое цѣлое, а уже не какъ отдѣльныя буквы. Сначала даются три буквы: А, У, М, причемъ каждая изъ нихъ соотвѣтствуетъ одному изъ состояній Атмана, подъ конецъ произносится все слово сразу, такъ какъ духъ, Атма, снова возвратился къ первоначальному единству и буквы уже не могутъ существовать въ отдѣльности другъ отъ друга. Итакъ вы видите, какъ много поучительнаго можно извлечь изъ священныхъ книгъ даже при такомъ поверхностномъ объясненіи текста, ибо то, что я вамъ сообщила теперь, есть лишь внѣшнее объясненіе. Вы сами должны найти кроющійся за текстомъ внутренній смыслъ, вдумываясь въ встрѣчающіеся мѣстами намеки; но и данное мною объясненіе поможетъ вамъ при исканіи пути къ Іогѣ, такъ какъ въ немъ указаны три ступени, три шага, три состоянія Атмана.

Но какъ же можно добиться того, чтобы пережить эти состоянія на дѣлѣ? И объ этомъ мы можемъ узнать кое-что, хотя можно сообщить лишь весьма немногое въ такомъ элементарномъ очеркѣ, какъ этотъ. Попытаемся все же выяснить, каковы тѣ предварительные шаги, которые необходимо сдѣлать, чтобы все это теоретическое знаніе превратить до извѣстной степени въ практическое; что необходимо для того, чтобы—какъ было сказано выше—человѣкъ, живя обыкновенной жизнью міранина и исполняя всѣ связанныя съ нею обязанности, семейныя, общественныя и гражданскія, могъ бы въ то же время, по крайней мѣрѣ, подготовлять себя къ истинной жизни. Мы можемъ выяснить здѣсь, покрайней мѣрѣ, этотъ вопросъ и, кромѣ того, коснуться слегка и дальнѣйшихъ шаговъ по пути къ Іогѣ. Ясно, что невозможно человѣку отъ обыденной жизни сразу перейти къ практическому изученію истинной Іоги. Сдѣлать это—значило бы навѣрное потерпѣть неудачу, такъ какъ, хотя пламенное жела-

[1]) Священное слово буддистовъ и брахманистовъ „Омъ“ или вѣрнѣе „Аумъ“. (Перев.).

ніе можетъ привести и неподготовленнаго человѣка къ начальнымъ ступенямъ Іоги, но онъ никогда не могъ бы имѣть стойкости, необходимой для того, чтобы перенести потрясенія, неизбѣжно сопровождающія первыя, исполненныя энтузіазма попытки проникнуть во внутренніе тайники духа. Нельзя сдѣлать какой-нибудь внезапный шагъ, не испытавъ столь же внезапной реакціи. Прыгнувъ очень высоко, нельзя, при возвращеніи на землю, не испытать сильнаго толчка. Поэтому мудрость древнихъ не позволяла сразу переходить отъ обыденной жизни къ жизни аскета. Это было воспрещено за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда перевоплощалась душа, достигнувшая очень высокой ступени развитія, и съ самаго дѣтства была видна наклонность къ духовной жизни. Обыденную мірскую жизнь старались устроить такимъ образомъ, чтобы она представляла рядъ послѣдовательныхъ ступеней, соотвѣтственно которымъ человѣкъ могъ бы удѣлять религіи болѣе или менѣе силъ и времени, смотря по своимъ склонностямъ. Жизнь была построена на религіозныхъ началахъ, и религіозные обряды отмѣчали всѣ ея важнѣйшіе моменты; но каждый могъ по желанію влагать въ эти обряды больше или меньше духовной силы. Онъ могъ исполнять ихъ лишь ради формы, причемъ они все же напоминали ему о существованіи какой-то иной жизни, кромѣ чисто-физической; или же онъ могъ относиться къ нимъ съ нѣсколько большимъ благоговѣніемъ и, благодаря этому, нѣсколько приблизиться къ идеалу духовной жизни; если же онъ влагалъ въ эти обряды всю свою душу, то они могли служить дѣйствительнымъ подготовленіемъ къ ожидавшей его позже религіозной жизни. Въ послѣднемъ случаѣ семьянинъ (Грихастха), покончивъ съ семейной жизнью и исполнивъ всѣ связанныя съ ней обязанности, могъ, если онъ того желалъ, сдѣлать дальнѣйшій шагъ и стать отшельникомъ, аскетомъ; выполняя все болѣе и болѣе совершенно свои религіозныя обязанности, онъ тѣмъ самымъ подготовлялъ себя настолько, что могъ найти себѣ учителя (Гуру) и жить истинно-духовной жизнью.

Изъ подготовительныхъ шаговъ, ведущихъ къ Іогѣ, прежде всего всегда указываютъ на прекращеніе безнравственнаго образа жизни. Это требованіе самое простое, являющееся чистѣйшимъ труизмомъ во всякой религіи. Но труизмъ нисколько не менѣе истиненъ, оттого что онъ труизмъ. И такъ какъ никакая Іога немыслима безъ выполненія этого условія, кромѣ Іоги, ведущей къ погибели, то первымъ шагомъ необходимо является усиліе достигнуть чистоты жизни—отказъ отъ порочныхъ привычекъ. Тотъ,

кто не откажется отъ безнравственныхъ привычекъ, тѣмъ самымъ дѣлая первый шагъ по пути къ Іогѣ, требующей полнаго покоренія нашей чувственной природы и разсудка духовному началу,— кто не откажется отъ порочной жизни, тотъ не можетъ найти Атмана. Итакъ, вотъ первый и самый простой шагъ; и всякій, кому укажутъ на этотъ необходимый предварительный шагъ,— почти всякій пожимаетъ плечами и говоритъ: „само собою разумѣется", но на дѣлѣ не поступаетъ такъ. А покуда не сдѣланъ этотъ шагъ, никакое практическое изученіе Іоги немыслимо. Возможны лишь разговоры на эту тему, пока человѣкъ не дѣлаетъ усилій для достиженія чистоты жизни; пока онъ не научится быть вполнѣ искреннимъ какъ въ своемъ мышленіи, такъ и въ своей рѣчи; пока онъ не добьется того, что никакіе внѣшніе соблазны не будутъ въ состояніи заставить его отклониться отъ пути честности; пока по крайней мѣрѣ всѣ его мысли и стремленія не будутъ направлены къ добру; пока, сколько бы разъ онъ ни падалъ, онъ не будетъ признавать паденіе паденіемъ и не будетъ пытаться снова воспрянуть съ новыми силами; пока онъ не попытается, по крайней мѣрѣ, создать себѣ идеалъ праведной жизни и осуществить этотъ идеалъ на практикѣ. Все это, повторяю, азбучныя истины, являющіяся достояніемъ всякаго религіознаго ученія, но въ то же время это-то именно вначалѣ и бываетъ всего труднѣе выполнить на практикѣ. Тѣмъ не менѣе для огромнаго большинства людей, не пытающихся сообразовать свою жизнь съ этимъ требованіемъ,—Іога—одно лишь слово и не можетъ быть ничѣмъ инымъ; для такихъ людей всякая попытка изучать Іогу на практикѣ подобна попыткѣ ребенка бѣжать, не научившись еще ходить; и единственный результатъ, котораго эти люди могутъ достигнуть, будетъ тотъ, котораго достигаетъ ребенокъ, слишкомъ торопящійся при ходьбѣ: онъ падаетъ и падаетъ, пока не научится быть осторожнымъ и сохранять равновѣсіе.

Я говорю все это потому, что есть много упражненій, которымъ можно научиться и не заботясь о чистотѣ жизни, но всѣ эти упражненія въ такомъ случаѣ принесутъ вредъ, а не пользу. Гораздо легче взять книгу о Іогѣ и продѣлывать въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, или одного или двухъ часовъ, или хоть цѣлаго дня какое-нибудь указанное въ этой книгѣ упражненіе, чѣмъ неустанно слѣдить за своей повседневной жизнью и ежеминутно стараться сдѣлать ее какъ можно болѣе чистою. Первое гораздо легче, но за то оно и гораздо менѣе полезно, и потому дисциплинированіе тѣла и ума является первымъ шагомъ на пути прак-

тическаго изученія Іоги. Въ обыденной жизни можно придумать для этой цѣли всевозможные методы. Если человѣкъ дѣйствительно рѣшится дисциплинировать умъ и тѣло, то онъ, по мѣрѣ возможности, установитъ для своей повседневной жизни извѣстныя правила—какія именно, это не важно, лишь бы они были безвредны,—и, разъ установивъ ихъ, будетъ строго придерживаться ихъ. Иначе говоря, онъ введетъ въ свою жизнь извѣстную систему, онъ установитъ опредѣленные часы, и въ эти часы онъ заставитъ себя дѣлать именно то, чѣмъ онъ заранѣе рѣшилъ заниматься въ это время. Пояснимъ это самымъ обыденнымъ примѣромъ. Положимъ человѣкъ рѣшилъ, что долженъ вставать въ извѣстномъ часу, но когда часъ этотъ наступаетъ, то онъ почему-нибудь оказывается не въ состояніи встать. Онъ или чувствуетъ себя слишкомъ лѣнивымъ, или соннымъ, или что-нибудь другое мѣшаетъ ему. Разумѣется, самый тотъ фактъ, что онъ встанетъ на четверть часа раньше или позже опредѣленнаго часа еще не представляетъ какой-либо важности; но для него важно исполнить то, что онъ твердо рѣшилъ исполнить, такъ какъ выполненіе какого-нибудь рѣшенія, несмотря на нежеланіе исполнить его, усиливаетъ волю, а никакой успѣхъ въ Іогѣ немыслимъ, если воля не сильна и если умъ и тѣло непокорны; а сила воли всего лучше развивается, если для упражненія воли постоянно пользоваться обстоятельствами повседневной жизни. Когда же умъ и тѣло подчинены духу и послушны ему, несмотря ни на какія искушенія,— будь то лѣнь или что бы то ни было другое, тогда человѣкъ сдѣлалъ первый шагъ на пути Іоги, потому что умъ и тѣло покорились началу высшему, чѣмъ они. Развивая силу воли, человѣкъ приготовляетъ одно изъ орудій, которымъ онъ будетъ пользоваться для дальнѣйшаго своего развитія.

Затѣмъ, коснемся вопроса о пищѣ, вопроса не первостепенной важности, но все-таки заслуживающаго вниманія. Людямъ, ведущимъ духовную жизнь, воспрещаются извѣстные роды пищи. Пища должна соотвѣтствовать тѣмъ цѣлямъ, которыя человѣкъ преслѣдуетъ въ своей жизни. Не существуетъ какого-нибудь одного правила, которое годилось бы для всѣхъ. Смотря по жизненнымъ цѣлямъ, которыя ставятъ себѣ различные люди, и правила діэты должны быть различные. Смотря по тому, чего вы желаете достигнуть въ вашей жизни, и пища, принимаемая вами для питанія и поддержанія жизни вашего тѣла, должна быть такой или иной. Поэтому, когда быть браминомъ значило быть человѣкомъ, далеко подвинувшимся по пути духовной жизни и

желающимъ и впредь возможно быстрѣе развиваться духовно, правила относительно того, что дозволено и недозволено ѣсть брамину, были очень строги; ему рекомендовалось употреблять въ пищу преимущественно вещества, обладающія свойствомъ „Саттвы“ [1]), и, наоборотъ, онъ не долженъ былъ вводить въ свое тѣло, которое онъ желалъ очистить, никакой пищи, обладающей свойствами „Раджасъ“ и „Тамасъ“, которая тянула бы его внизъ, вмѣсто того, чтобы облегчить развитіе его духовной природы. Правда, тѣло лишь низшая часть нашего естества, но отсюда не слѣдуетъ, что имъ иадо пренебрегать. Когда вы хотите взойти на высокую гору, то для васъ очень важно уменьшить насколько возможно вѣсъ того багажа, который вы несете съ собой. Багажъ, разумѣется, самъ по себѣ не тянетъ васъ къ верху, но если уменьшить его вѣсъ, то вамъ будетъ легче всходить на гору. И это все, что слѣдуетъ имѣть въ виду для правильнаго обращенія съ своимъ тѣломъ. Тѣло не помогаетъ развитію духовной жизни, оно задерживаетъ его. И вамъ надо стараться уменьшить, насколько возможно, зависимость духа отъ тѣла. Такова, по существу, роль всякихъ правилъ, касающихся діэты, образа жизни и т. п. Если мы имѣемъ дѣло съ однимъ лишь внѣшнимъ, матеріальнымъ, если нѣтъ никакого подъема кверху, то почти безразлично, велика или мала тяжесть; она все равно всегда останется на землѣ, земля иесетъ ее на себѣ, и тяжесть ничему не мѣшаетъ подыматься. Привяжите каменную глыбу къ столбу, и будетъ безразлично, тяжела ли эта глыба или легка, такъ какъ столбъ не обладаетъ способностью подыматься отъ земли. Но привяжите ту же самую глыбу къ воздушному шару, стремящемуся летѣть вверхъ, и, по мѣрѣ того, какъ вы будете уменьшать вѣсъ глыбы, будетъ приближаться моментъ. когда шару можно будетъ взлетѣть; въ концѣ-концовъ сила, тянущая шаръ вверхъ, окажется больше тяжести глыбы, и онъ поднимется отъ земли, унося съ собой каменную глыбу, вѣсъ которой уже недостаточенъ, чтобы сдерживать шаръ. Съ такой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на тѣло и на всякія внѣшнія правила. Поэтому-то, когда духъ освободится, всякія внѣшнія формы становятся безразличны. Даже религіозные обряды и церемоніи, обязательные для тѣхъ,

---

[1]) Саттва, Раджасъ и Тамасъ—три „Гуны“ или основныя свойства матеріи. „Раджасъ“ значитъ подвижность, энергія, стремленіе къ дѣятельности, „Тамасъ“ — инертность, темнота, а „Саттва“ является какъ бы равновѣсіемъ этихъ двухъ противоположныхъ качествъ и всего лучше передается словами „гармонія“, „свѣтъ“. *(Перев.)*.

чьи души еще не освободились, становятся безполезными, когда душа достигла свободы, ибо тогда она уже не можетъ быть связана ничѣмъ. Такъ какъ религiозные обряды должны быть тѣми крыльями, при помощи которыхъ душа должна парить въ высь, несмотря на тяжесть тѣла, приковывающаго ее къ землѣ, то естественно, что когда душа освободилась, и сдерживающая ее тяжесть исчезла, то она уже болѣе не нуждается въ этихъ крыльяхъ. Теперь она въ своей собственной атмосферѣ, гдѣ она достигла равновѣсiя, гдѣ для нея нѣтъ ни низу, ни верху, ибо она въ томъ центрѣ, который есть Все.

Я говорю это потому, что все это надо принимать въ соображенiе, если вы *находите нужнымъ* судить другихъ людей. Впрочемъ было бы гораздо лучше, если бы вы совсѣмъ воздержались отъ этого. Кто далъ кому-нибудь изъ васъ право судить брата? Что вы знаете о его прошломъ? Что вы знаете о его кармѣ? Развѣ вамъ извѣстны тѣ условiя, въ которыхъ протекала его жизнь? Что вы знаете о той внутренней борьбѣ, которую онъ переживаетъ, о его стремленiяхъ и о его ошибкахъ? Какое вы имѣете право судить его? Осуждайте самихъ себя, но не судите другихъ, потому что, когда вы кого-нибудь осуждаете, судя поверхностно, по одной лишь внѣшней видимости, по тому, исполняетъ онъ или не исполняетъ извѣстные обычаи, вы вредите себѣ гораздо больше, чѣмъ этому человѣку: вы судите въ самой низкой сферѣ и тѣмъ самымъ вредите своему болѣе глубокому сознанiю, которое затуманивается подъ влiянiемъ недоброжелательства и недостатка симпатiи.

Существуетъ цѣлый рядъ правилъ и упражненiй, испытанныхъ на опытѣ и рекомендуемыхъ тѣмъ, кто желаетъ облегчить себѣ то дисциплинированiе тѣла, о которомъ шла рѣчь выше. Многiя изъ этихъ правилъ и упражненiй очень полезны, но есть и такiя, которыя чрезвычайно опасны. Взять, напримѣръ, хотя бы чрезвычайно полезное упражненiе, не только не опасное, но даже очень здоровое, если практиковаться въ немъ съ умѣренностью въ такой странѣ, какъ Индiя, гдѣ способность къ нему передается наслѣдственно въ теченiе многихъ вѣковъ и выработана практикой многихъ тысячъ поколѣнiй. Я имѣю въ виду т. наз. „Пранаяма", т. е. упражненiе въ прiостановкѣ дыханiя, извѣстное если не всякому индусу, то, по крайней мѣрѣ, почти каждому брамину. Упражненiе это дѣлается съ совершенно опредѣленной цѣлью, а именно для того, чтобы устранить всѣ внѣшнiя впечатлѣнiя и, отвлекши душу отъ чувственныхъ воспрiятiй, сосредо-

точить ее въ умственной сферѣ—что является первой ступенью практической Іоги. Устраненіе физическимъ путемъ впечатлѣній, передаваемыхъ органами внѣшнихъ чувствъ, достигаемая физическими средствами, пріостановка дыханія—все это, такъ сказать, облегчаетъ ту тяжесть, которой духъ прикованъ къ землѣ, и позволяетъ уму отвлечься отъ внѣшняго міра. Но когда за эти упражненія, правила для которыхъ были до извѣстной степени опубликованы,—безъ всякой подготовки принимаются люди, совершенно неспособные къ нимъ вслѣдствіе отсутствія извѣстной физической наслѣдственности, и притомъ принимаются за нихъ съ большимъ рвеніемъ и свойственной европейцамъ энергіей, не имѣя къ тому же возможности получить необходимыя указанія отъ человѣка болѣе опытнаго,—то при такихъ условіяхъ упражненія эти могутъ оказаться чрезвычайно опасными. Если перейти за предѣлы, предписываемые осторожностью, то при этомъ могутъ быть серьезно повреждены нѣкоторые органы и даже можетъ послѣдовать смерть. Поэтому даже вамъ, азіатамъ, неблагоразумно предаваться этимъ упражненіямъ черезчуръ усердно безъ руководства опытнаго наставника, который могъ бы остановить васъ при первыхъ же признакахъ опасности. Европейцу же совсѣмъ не слѣдуетъ браться за это дѣло, такъ какъ по условіямъ наслѣдственности онъ не обладаетъ соотвѣтствующей физической организаціей, да и матеріальная и духовная среда, въ которой онъ живетъ, не благопріятствуютъ этого рода стремленіямъ, сильно воздѣйствующимъ на физическую и психическую жизнь; поэтому они могутъ быть весьма опасны, и для европейца, приступающаго къ изученію Іоги на практикѣ, физическая подготовка начнется съ другого. Въ этомъ случаѣ опять-таки было бы весьма несправедливо осуждать человѣка, не принявши во вниманіе всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, вы, можетъ быть, осуждали его—за что? За то, что онъ не дѣлаетъ упражненій, которыя могли бы вызвать у него опасныя кровоизліянія въ легкихъ, вслѣдствіе чего онъ совсѣмъ лишился бы той тѣлесной оболочки, въ которой, быть можетъ, онъ могъ бы достигнуть бо̀льшаго успѣха при иномъ, болѣе осторожномъ обращеніи съ ней.

Такая физическая тренировка, разумѣется, доводится иногда до гораздо болѣе крайнихъ предѣловъ въ такъ называемой „Хатха-Іога“ (Hatha-Yoga“). Въ самой крайней формѣ она практикуется аскетами, избирающими какое-нибудь одно опредѣленное упражненіе,—напр. держаніе поднятой руки въ одномъ и томъ же по-

ложеніи, пока она не отсохнетъ; или сжиманіе руки въ кулакъ до тѣхъ поръ, пока ногти не вростутъ въ ладонь, или устремленіе взора прямо на солнце; или держаніе туловища въ согнутомъ положеніи и т. п. Существуетъ множество подобныхъ пріемовъ, и нѣкоторымъ изъ васъ вѣроятно случалось встрѣчать аскетовъ, занимающихся такимъ самоистязаніемъ. Имѣютъ ли такія аскетическія упражненія какую-либо цѣнность или нѣтъ? Какимъ образомъ могутъ люди предаваться имъ? Какова ихъ цѣль и ихъ истинная цѣнность? Было бы невѣрно сказать, что они не имѣютъ никакого значенія. Прежде всего они цѣнны въ томъ отношеніи, что въ такой вѣкъ, какъ нашъ, они постоянно свидѣтельствуютъ о силѣ внутренняго стремленія, преодолѣвающаго всякія физическія страданія и всякія плотскія искушенія ради того, чтобы добиться обладанія чѣмъ то, что признается болѣе важнымъ, чѣмъ плотская жизнь. Было бы несправедливо, высказывая сужденіе о подобныхъ пріемахъ, упускать изъ виду ту пользу, которую они приносятъ человѣчеству. Ибо не лишено всякой цѣнности то, что въ мірѣ, гдѣ почти всякій стремится къ обладанію земными благами, гдѣ люди ставятъ себѣ главной цѣлью пріобрѣтеніе денегъ, выгоднаго мѣста, власти, славы, похвалы людской, что въ такомъ мірѣ находятся хотя немногія личности, поступающія иначе, отказывающіяся отъ всего того, что такъ цѣнятъ другіе, и провозглашающія самымъ фактомъ своего исполненнаго мученій существованія, что духъ въ человѣкѣ есть нѣчто реальное, и что есть въ человѣкѣ нѣчто дѣйствительно цѣнное, что не затрагивается плотскими страданіями. Такъ что мнѣ кажется, что никому не слѣдовало бы отзываться пренебрежительно объ этихъ людяхъ, какъ о глупцахъ, хотя бы мы и не соглашались съ ними, не одобряли ихъ и находили ихъ методъ неправильнымъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что эти люди обладаютъ замѣчательно сильнымъ религіознымъ энтузіазмомъ, позволяющимъ имъ пренебрегать всѣми требованіями своего тѣла ради того, чтобы найти свою душу. Хотя бы методъ ихъ и былъ ошибоченъ,—съ чѣмъ я соглашаюсь,—тѣмъ не менѣе и самыя ошибки ихъ болѣе благородны, чѣмъ обыденная жизнь, направленная на пріобрѣтеніе преходящихъ благъ; ибо благороднѣе стремиться къ высшему и въ поискахъ за нимъ падать, чѣмъ стремиться лишь къ обладанію земными благами и тратить всѣ свои силы на погоню за тѣмъ, что преходяще.

Можно посмотрѣть на этотъ вопросъ еще и съ другой стороны, именно съ той точки зрѣнія, что люди, предающіеся такому

аскетизму, будутъ вознаграждены за это въ одной изъ будущихъ жизней. Правда, этимъ путемъ они никогда не проникнутъ въ высшія сферы бытія. Но не менѣе вѣрно и то, что, ведя аскетическую жизнь, они развиваютъ въ себѣ силу воли, которая въ слѣдующее ихъ перевоплощеніе, быть можетъ, позволитъ имъ сдѣлать дальнѣйшіе шаги на пути къ Іогѣ. Думали ли вы когда-нибудъ о томъ, какой громадной силой воли они должны обладать—не тогда, когда принимаемая ими поза стала уже автоматической, а вначалѣ, когда каждая протекающая минута приноситъ новыя мученія? Въ это-то время и развиваются силы души, и тутъ-то, уплативъ необходимую дань страданію, аскетъ можетъ пріобрѣсти тѣ способности, къ обладанію которыми онъ стремится. Онъ подвергаетъ себя страданіямъ ради того, чтобы развить силу воли, и эта пріобрѣтенная имъ сила воли должна остаться его неотъемлемымъ достояніемъ и въ будущей его жизни. И, быть можетъ, благодаря силѣ религіознаго энтузіазма, позволяющаго человѣку вести подобный аскетическій образъ жизни, къ сильной волѣ присоединится и болѣе ясное разумѣніе, и обѣ эти силы, вмѣстѣ взятыя, позволятъ ему найти путь къ истинному знанію. Хотя, быть можетъ, въ теченіе данной земной жизни такому человѣку и не удастся разбудить въ себѣ духовное начало, но въ слѣдующей жизни преданность религіозному идеалу и сила воли, вмѣстѣ взятыя, могутъ двинуть его далеко по пути развитія, гораздо дальше тѣхъ, кто мнятъ себя болѣе мудрыми, потому что они не фанатики,—каковыми, откровенно говоря, и я считаю подобныхъ аскетовъ. Вы, можетъ быть, скажете: „Что же, и намъ слѣдуетъ предаваться такимъ аскетическимъ упражненіямъ?“ Отнюдь не слѣдуетъ, отвѣчу я; подобный аскетизмъ, какъ сказано, я считаю ошибкой. Я упомянула объ этомъ лишь потому, что приходится слышать по адресу этихъ людей столько глупыхъ насмѣшекъ и безсмысленныхъ издѣвательствъ со стороны лицъ, которыя недостойны подойти и на разстояніе мили къ тѣмъ, кто по крайней мѣрѣ признаетъ возможность духовной жизни и пытается итти ведущимъ къ ней путемъ.

Слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ о другомъ образѣ жизни, не связанномъ съ настоящимъ самоистязаніемъ, но требующимъ полнаго удаленія отъ міра и отшельнической жизни въ лѣсу. Говорятъ, что такой образъ жизни эгоистиченъ; въ очень многихъ случаяхъ эгоистическіе мотивы, быть можетъ, и играютъ при этомъ извѣстную роль; но не всегда это бываетъ такъ. Благодаря людямъ, живущимъ духовною жизнью, сохраняется духов-

ная атмосфера, мѣшающая всей странѣ пасть такъ низко, какъ она могла бы пасть, не будь этихъ людей. Благодаря этимъ людямъ, сохраняется сознаніе реальности духовной жизни, которую каждый можетъ пробудить въ себѣ; и если для Индіи еще возможно возрожденіе, то она въ значительной мѣрѣ обязана этимъ тѣмъ живущимъ въ лѣсахъ и тростниковыхъ заросляхъ отшельникамъ, благодаря которымъ въ странѣ могла сохраниться духовная атмосфера, способная воспринять вибраціи, могущія затѣмъ воздѣйствовать и на внѣшнюю жизнь людей.

Посмотримъ же теперь, въ чемъ состоитъ то зерно истины, которое лежитъ въ основѣ Хатха-Іоги. Оно состоитъ въ томъ, что когда развитіе человѣчества будетъ закончено, то тѣло будетъ послушнымъ слугой духа и разовьется въ такомъ направленіи, что духъ будетъ обладать тѣлесными органами, при помощи которыхъ ему можно будетъ воздѣйствовать на внѣшній матеріальный міръ. Такова истина, лежащая въ основѣ всѣхъ упражненій Хатха-Іоги. Они имѣютъ цѣлью тренировать тѣло. Благодаря имъ пробуждается дѣятельность въ т. наз. „чакрамъ"—центрахъ, становящихся органами внутренней, психической жизни. Это тѣ органы, при помощи которыхъ внутренняя психическая жизнь можетъ оказывать вліяніе на матеріальный міръ и могутъ быть производимы т. наз. чудесныя явленія. Эти явленія не могутъ быть производимы непосредственнымъ воздѣйствіемъ высшаго проявленія духа на низшую форму матеріи, т. е. прямымъ воздѣйствіемъ Атмана на матеріальный міръ; пропасть между ними слишкомъ широка, и черезъ нее долженъ быть переброшенъ какой-нибудь мостъ. И если вы желаете получить власть надъ матеріальнымъ міромъ и надъ физическими законами, то необходимо развить извѣстные тѣлесные органы и астральные органы, находящіеся въ связи съ тѣломъ, которые, находясь въ непосредственномъ соприкосновеніи съ физическимъ міромъ съ одной стороны и съ разумомъ и духомъ съ другой, позволятъ духу, какъ бы углубляясь при помощи ихъ въ матеріальный міръ, производить въ немъ тѣ физическіе результаты, которые ему желательны. Методы Хатха-Іоги вытекаютъ изъ признанія этой истины и имѣютъ цѣлью дать ей практическое примѣненіе въ низшей сферѣ. Упражненіе Хатха-Іоги вліяютъ прежде всего на тѣло и развиваютъ многіе изъ вышеупомянутыхъ органовъ настолько, что человѣкъ пріобрѣтаетъ власть надъ извѣстными внутренними психическими силами. Благодаря этимъ упражненіямъ тѣло можетъ быть легко приводимо въ такое состояніе, что оно стано-

вится способнымъ воспринимать болѣе утонченныя вибраціи; оно становится послушнымъ орудіемъ духа.

Такимъ образомъ тотъ, кто прибѣгаетъ къ методамъ Хатха-Іоги, можетъ сравнительно легко пріобрѣсти власть надъ нѣкоторыми силами матеріальнаго міра. При этомъ пробуждается также и астральное тѣло, и начинаютъ вибрировать астральные центры, причемъ опять-таки пріобрѣтаются замѣчательныя способности, дающія власть надъ внѣшней природой. Но способности эти являются зломъ въ извѣстномъ отношеніи, а именно въ томъ, что при пользованіи методами Хатха-Іоги развивается прежде всего низшая, психическая природа, и пробуждаются къ дѣятельности органы эфирнаго и астральнаго тѣла, причемъ нѣтъ соотвѣтствующаго усиленія дѣятельности ума и высшей духовной природы; а благодаря этому скоро достигается тотъ предѣлъ, дальше котораго, при этихъ условіяхъ, уже не можетъ итти развитіе. Пріемы Хатха-Іоги искусственно стимулируютъ развитіе органовъ эфирнаго и астральнаго тѣла вмѣсто того, чтобы содѣйствовать естественному эволюціонному процессу. Стимулы для развитія этихъ органовъ должны исходить изъ высшаго духовнаго начала, а не изъ низшей тѣлесной природы, такъ какъ только въ такомъ случаѣ достигнутое въ теченіе *одной* жизни развитіе ихъ можетъ сдѣлаться постояннымъ достояніемъ, наслѣдуемымъ и при слѣдующихъ воплощеніяхъ; при упражненіяхъ же Хатха-Іоги стимулы исходятъ изъ низшей тѣлесной природы, подобно тому, какъ и при гипнотизаціи, когда начинаютъ съ того, что парализуютъ органы внѣшнихъ чувствъ, причемъ постепенно можетъ развиться постоянная атрофія и полный параличъ. Тотъ, кто долго предавался упражненіямъ Хатха-Іоги, въ теченіе того же воплощенія уже не можетъ достигнуть успѣха въ Раджа-Іогѣ. Потому-то наиболѣе мудрыя изъ вашихъ книгъ возстаютъ противъ этихъ упражненій; потому-то и говорится, что слѣдуетъ стремиться лишь къ Раджа-Іогѣ и не рекомендуется примѣнять методы Хатха-Іоги. Это не значитъ, что никакія упражненія, развивающія тѣлесную природу, совершенно не нужны, или что даже на позднѣйшихъ ступеняхъ духовной эволюціи отнюдь не должны быть развиваемы никакія анормальныя психическія способности; это значитъ лишь, что развитіе этихъ способностей должно быть естественнымъ результатомъ духовной эволюціи, а не должно быть искусственно вызываемо развитіемъ сначала физическаго, а потомъ астральнаго организма. Начать съ этого значило бы ограничить развитіе психической сферой. Если же развитіе начинается съ высшей духов-

ной природы, то объединяются начала, соотвѣтствующія всѣмъ сферамъ. Въ этомъ и состоитъ существенная разница между двумя формами Іоги. Раджа-Іога—путь болѣе трудный и медленный, но за то болѣе вѣрный. Пріобрѣтенныя этимъ путемъ способности являются постояннымъ наслѣдіемъ, не утрачиваемымъ при послѣдующихъ земныхъ жизняхъ; если же слѣдовать исключительно методамъ Хатха-Іоги, то развитіе будетъ ограничено предѣлами одной лишь психической сферы.

Теперь я сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній относительно этихъ упражненій,—какъ я ихъ буду называть,—которыя могутъ быть разумно примѣняемы въ повседневной жизни. Какъ вы, быть можетъ, помните, въ Айтарейупанишадѣ говорится, что человѣкъ послѣ того, какъ онъ сотворенъ, *оживляется*—если можно такъ выразиться—Девами [1]) и что тогда высшая душа задаетъ вопросъ: „Какъ я войду въ него?"—и входитъ черезъ то мѣсто, гдѣ волосы на головѣ образуютъ проборъ, т. е. черезъ Брахмарандру или центръ черепа. Душа избираетъ три мѣста: правый глазъ, „внутренній органъ" и сердце,—три мѣста, въ которыхъ она пребываетъ. Эти три мѣста многозначительны. Правый глазъ означаетъ внѣшнія чувства, внутренній органъ—мозгъ и связанныя съ нимъ умственныя способности, а сердце—внутреннее *я*. И душа вступаетъ послѣдовательно въ каждое изъ этихъ мѣстъ—сначала въ глазъ, потомъ во внутренній органъ, т. е. умъ, и наконецъ въ сердце, т. е. въ окончательное обиталище свое, гдѣ она постоянно пребываетъ. Такова основная идея всѣхъ тѣхъ тройственныхъ подраздѣленій, о которыхъ я говорила вамъ въ началѣ лекціи. Каждое изъ этихъ обиталищъ души соотвѣтствуетъ одной изъ ступеней или одному изъ состояній Атмана, о которыхъ я упоминала. И когда мы приступаемъ къ упражненіямъ Іоги, мы принимаемся за развитіе одного изъ этихъ началъ, что представляетъ ступень Іоги, доступную и міррянину, еще не нашедшему своего учителя (Гуру); это можетъ сдѣлать и каждый изъ васъ, и такимъ образомъ, овладѣвъ первоначальными ступенями Іоги, сдѣлать для себя доступными и послѣдующія ступени. Итакъ, если вы стремитесь найти свою душу, вы начнете съ внѣшнихъ чувствъ. Можно остановиться на какомъ-нибудь умственномъ образѣ и сосредоточить на немъ свое вниманіе до такой степени,

---

[1]) „Девами" индусы называютъ различныя божества, т. е. существа въ психической и духовной сферахъ, соотвѣтствующія элементамъ, различнымъ силамъ природы и т. п. *(Перев.)*.

чтобы внѣшніе стимулы не могли производить никакого впечатлѣнія. Это есть сосредоточеніе ума въ его собственной сферѣ и отвлеченіе его отъ внѣшнихъ чувственныхъ впечатлѣній. Почему бы не упражняться въ этомъ ежедневно? Отчего не пріучить умъ отвлекаться отъ впечатлѣній, передаваемыхъ ему внѣшними чувствами, такъ чтобы онъ обращался на самого себя, и дѣятельность его была бы сосредоточена въ предѣлахъ его собственной сферы? Всѣ выдающіеся по уму люди поступаютъ такъ, руководимые естественнымъ инстинктомъ. Всѣ великіе мыслители дѣлаютъ это. Возьмите мыслителей, давшихъ міру великія литературныя произведенія, и прочтите ихъ жизнеописанія,—и вамъ постоянно придется встрѣчаться съ тѣмъ фактомъ, что люди эти, будучи заняты усиленной умственной работой, совершенно забывали о своемъ тѣлѣ; случалось, что они, погрузившись въ свои мысли, забывали о ѣдѣ и сидѣли и размышляли цѣлый день, а иногда и всю ночь напролетъ; они забывали о всѣхъ тѣлесныхъ потребностяхъ, даже о снѣ, потому что они отвлекли умъ отъ чувственныхъ впечатлѣній и сосредоточили его на самомъ себѣ.

Такая сосредоточенность есть необходимое условіе всякой успѣшной умственной работы и всякаго плодотворнаго сосредоточеннаго размышленія (meditation). Отсюда, правда, еще далеко до истиннаго умственнаго созерцанія: но это уже первый шагъ по пути къ нему, такъ какъ, чтобы достигнуть его, необходимо отвлекать душу отъ внѣшнихъ впечатлѣній, иначе она постоянно будетъ устремляться къ внѣшнимъ предметамъ, а ее надо обратить внутрь, къ собственному ея средоточію. Поэтому слѣдуетъ прекращать дѣятельность органовъ внѣшнихъ чувствъ; безъ этого невозможенъ никакой успѣхъ въ Іогѣ. Да и съ мірской точки зрѣнія это выгодно, такъ какъ сосредоточенность ума, рекомендуемая въ старинныхъ книгахъ, какъ предварительная ступень Іоги, есть необходимое условіе наиболѣе плодотворной умственной работы. Тотъ, кто умѣетъ сосредоточить свою мысль, тотъ и можетъ оказаться побѣдителемъ на интеллектуальномъ поприщѣ; тотъ, кто можетъ сосредоточить всѣ свои способности въ одной точкѣ, уподобляется у Патанджали острію. Такой именно человѣкъ и способенъ прогрессировать умственно. Тупой предметъ нельзя протолкнуть сквозь препятствія; его надо заострить, и тогда онъ легко проникнетъ сквозь все. Такъ и съ умомъ. Если умъ разбрасывается, гоняясь за внѣшними впечатлѣніями, то энергія его разсѣивается. Нѣтъ той движущей силы, которая могла бы протолкнуть его сквозь препятствія. Но сосредоточьте его въ

одной точкѣ, и тогда дѣйствующая чрезъ него сила поможетъ ему пробиться. Такимъ образомъ даже при обыденныхъ умственныхъ занятіяхъ сосредоточенность мысли является необходимымъ условіемъ успѣха. Если же такую сосредоточенность довести до высокой степени, то достигается вторая ступень, т. наз. „Свапна"; тогда вниманіе бываетъ сосредоточено на внутреннихъ объектахъ, т. е. вы направляете вниманіе на отвлеченныя понятія и идеи, а не на тѣ предметы, которые служили матеріаломъ для нихъ; не на внѣшніе тѣлесные предметы, а на то, что вы извлекли изъ нихъ и усвоили умомъ; вы изучаете внутренніе объекты, т. е. понятія, идеи, дедукціи и отвлеченныя мысли, почерпнутыя изъ внѣшняго міра. Чѣмъ совершеннѣе вы можете дѣлать это, тѣмъ болѣе вы приближаетесь къ завершенію степени сосредоточенности мысли, называемой Свапна, и если вы достигли въ этомъ извѣстнаго успѣха, то вы дѣйствительно сдѣлали одинъ изъ шаговъ, ведущихъ по пути къ Іогѣ, такъ какъ вы пріобрѣли способность сосредоточивать душевныя силы во внутреннемъ органѣ, а разъ вы этого достигли, то для васъ открывается возможность дальнѣйшаго прогресса. Слѣдующая ступень, еще въ предѣлахъ т. наз. „Свапна", состоитъ въ томъ, чтобы не только сосредоточить умъ на однихъ лишь умственныхъ объектахъ, но и удержать его направленнымъ на эти объекты, несмотря на нежелательныя мысли, отвлекающія вниманіе отъ предмета размышленія. Положимъ, что вамъ удалось оградить умъ отъ вліянія внѣшнихъ впечатлѣній, и стимулы, исходящіе отъ внѣшнихъ чувствъ, уже не могутъ отвлечь васъ отъ идеи, на которой сосредоточено ваше вниманіе; но можетъ быть другія мысли еще могутъ сдѣлать это. Можетъ быть самъ умъ еще недостаточно защищенъ отъ такихъ навязывающихся ему мыслей. Онъ уже обезпеченъ отъ отвлекающаго вліянія всякихъ внѣшнихъ стимуловъ. Мысль ваша можетъ быть настолько сильно прикована къ тому объекту, которымъ она занята, что подошедшій къ вамъ и прикасающійся къ вамъ человѣкъ не выведетъ васъ изъ этого состоянія полной сосредоточенности; но можетъ быть въ своей собственной сферѣ умъ еще недостаточно сосредоточенъ, и если ощущеніе не можетъ отвлечь вашего вниманія, то этого еще можетъ достигнуть какая-нибудь идея. Другая мысль еще можетъ навязаться вамъ въ своей собственной сферѣ. Здѣсь мы подходимъ уже къ слѣдующей степени сосредоточенности мысли. Надо умѣть убивать мысли. Въ тотъ же моментъ, когда является какая-нибудь нежелательная мысль, она должна быть устранена. Сначала вы убиваете ее преднамѣ-

реннымъ усиліемъ, т. е. вы отгоняете ее, когда она приходитъ вамъ на умъ. Но уже то, что вы сознаете ея присутствіе, есть признакъ недостаточной сосредоточенности вниманія. Уже тотъ фактъ, что вы замѣчаете ея явленіе, показываетъ, что мысль эта способна произвести на васъ извѣстное впечатлѣніе. Поэтому вамъ надо сознательно убить ее, т. е., лишь только мысль возникаетъ въ вашемъ умѣ, прогнать ее. Успѣха въ этомъ вы достигнете не скоро; но если вы будете упражняться изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, или даже изъ года въ годъ, то въ концѣ-концовъ этотъ процессъ изгнанія навязывающихся мыслей станетъ автоматичнымъ, и вы создадите въ своемъ умѣ такую отталкивательную силу, которую вы всегда можете привести въ дѣйствіе, сосредоточивъ свою мысль, и тогда всякія постороннія навязывающіяся извнѣ мысли будутъ сами собой отражаться этой силой. Это автоматическое устраненіе всякихъ постороннихъ мыслей можно уподобить тому, что происходитъ, когда очень быстро вертится колесо. Если колесо вертится медленно, то вращеніе его можетъ быть остановлено всякимъ тѣломъ, которое ударится объ него; если же колесо вертится очень быстро, то всякое ударяющееся объ него тѣло будетъ само отброшено. И сила, съ которой будетъ отброшено тѣло, будетъ прямо пропорціональна быстротѣ вращенія колеса. Этотъ процессъ устраненія постороннихъ мыслей становится автоматичнымъ, и точно такъ же, какъ вы обезпечили себя отъ вліянія внѣшнихъ впечатлѣній, вы оградите себя и отъ вліяній, исходящихъ изъ самого ума. Иными словами, умъ какъ бы сосредоточивается въ своемъ собственномъ центрѣ, а поверхность умственной сферы, если можно такъ выразиться, автоматично отбрасываетъ все, желающее проникнуть въ нее извнѣ. Таковъ результатъ, котораго вы добились теперь. И этотъ результатъ опять-таки представляетъ извѣстную выгоду съ мірской точки зрѣнія, такъ какъ человѣкъ, достигнувшій совершенной сосредоточенности мысли, не растрачиваетъ даромъ своихъ силъ; онъ не допускаетъ въ свой умъ ненужныхъ ему мыслей, не останавливается на нихъ. Онъ не позволяетъ, чтобы на нихъ понапрасну тратилась умственная энергія и благодаря этому сохраняетъ свои силы. Умъ остается незанятымъ, пока не нуждаются въ его работѣ, и такимъ образомъ не уподобляется какой-то вѣчно работающей, вѣчно движущейся и потому быстро изнашивающейся машинѣ. Напротивъ, въ этомъ случаѣ его можно уподобить машинѣ, вполнѣ подчиненной нашей волѣ и работающей или останавливающейся сообразно съ желаніемъ нашего *я*.

Дальше этой ступени невозможенъ никакой сознательный прогрессъ безъ помощи учителя. Я говорю *сознательный* прогрессъ, такъ какъ безсознательный возможенъ, и учитель можетъ стоять рядомъ съ вами, хотя вы и не знаете его. Есть впрочемъ и еще одинъ путь, могущій привести къ дальнѣйшему прогрессу, хотя, въ извѣстномъ смыслѣ, не сознаваемому, такъ что вы не знаете, помогаетъ ли вамъ кто-нибудь или нѣтъ; но путь этотъ лежитъ не черезъ знаніе. Если вы и далѣе желаете итти по пути знанія, то вы должны найти своего учителя. Есть однако въ мірѣ нѣчто, что могущественнѣе знанія, это—благоговѣйное преклоненіе передъ религіознымъ идеаломъ, ибо въ немъ выражается самая сущность человѣческаго духа. Въ предыдущемъ мною было разсмотрѣно все, что вы можете сдѣлать сознательно, чтобы облегчить процессъ вашего духовнаго развитія; но есть и еще нѣчто, могущее помочь вамъ. Вы можете совершенно раскрыть свою душу лучамъ духовнаго солнца, горящаго въ ней, такъ чтобы лучи эти могли безпрепятственно литься въ нее и очищать и освѣщать ее своимъ свѣтомъ, причемъ ваше низшее *я* оставалось бы совершенно пассивнымъ. Благоговѣніе же именно и есть подобное раскрытіе души. Оно не есть что-либо активное. Оно—просто извѣстное настроеніе души. Чувствовать благоговѣніе значитъ сознавать, что есть нѣчто большее васъ, нѣчто болѣе высокое, болѣе возвышенное, по отношенію къ чему вы не можете быть критикомъ или просто человѣкомъ, желающимъ узнать какъ можно больше о предметѣ, а можете лишь падать ницъ и, благоговѣйно преклоняясь, молча ожидать откровенія. Благоговѣніе позволяетъ проникнуть въ самые сокровенные тайники духа, ибо оно открываетъ доступъ лучамъ духовнаго свѣта, озаряющаго человѣчество; свѣтъ этотъ вѣчно свѣтитъ, не мы сами творимъ его. Пріемы, о которыхъ шла рѣчь выше, суть ни что иное, какъ снятіе съ души одного покрова за другимъ, пока мы не сознаемъ присутствія этого свѣта. Намъ можетъ казаться, что свѣтъ становится все ярче и ярче по мѣрѣ того, какъ спадаетъ покровъ за покровомъ. Но это лишь иллюзія; свѣтъ остается все тѣмъ же, но мы, т. е. наша внѣшняя природа, оказываемся не въ состояніи постигнуть внутренній свѣтъ. Благоговѣніе же прорываетъ всѣ покровы изнутри, и тогда свѣтъ можетъ безпрепятственно лить свои лучи; его дѣло лишь свѣтить. Такова уже природа свѣта, что онъ не можетъ не свѣтить; это мы сами ставимъ ему преграды и не позволяемъ его лучамъ освѣщать насъ. Поэтому-то и бываетъ иногда, что невѣжественный человѣкъ обладаетъ духовнымъ знаніемъ,

превышающимъ интеллектульное знаніе, пріобрѣтенное какимъ нибудь великимъ геніальнымъ человѣкомъ. Этотъ человѣкъ постигаетъ внутреннюю природу вещей. Отчего же это высшее знаніе доступно ему? Оттого, что внутренній свѣтъ, всегда сіяющій, воспринимается этимъ человѣкомъ, которому благоговѣніе отверзло духовныя очи, и взоръ его вслѣдъ за лучами этого свѣта, проникаетъ въ самые тайники святилища духа. Одного знанія недостаточно для того, чтобы совлечь съ духовной истины покровъ за покровомъ. Любовь также необходима для того, чтобы человѣкъ могъ найти самого себя и, прорвавъ послѣдовательно всѣ покровы, въ концѣ-концовъ—проложить себѣ путь къ Богу и припасть къ стопамъ Его. И этого возможно достигнуть не только въ лѣсу или тростниковыхъ заросляхъ, а рѣшительно вездѣ, если только умѣть отказаться отъ всѣхъ мірскихъ благъ. Для этого нѣтъ надобности во внѣшнемъ отреченіи; необходимо лишь болѣе глубокое отреченіе отъ всѣхъ чувственныхъ предметовъ и отъ міра. Это-то отреченіе разумѣетъ Шри-Кришна, когда онъ говоритъ о благоговѣніи. Благоговѣйное созерцаніе состоитъ въ томъ, что человѣкъ раскрываетъ свою душу лучамъ божественнаго свѣта и позволяетъ имъ озарять себя, устраняя всѣ препятствія, которыя имъ ставитъ его личное *я*. Поэтому такое созерцаніе предполагаетъ отреченіе. Это значитъ, что человѣкъ долженъ отказаться отъ всего, что имѣетъ, какъ бы превратиться въ пустоту и ждать, чтобы пустота эта наполнилась божественнымъ свѣтомъ. Это значитъ, что ему надо стать равнодушнымъ къ плодамъ его дѣятельности. При этомъ все, что вы дѣлаете, вы дѣлаете лишь потому, что вы находитесь въ мірѣ, и на васъ лежитъ обязанность совершать извѣстныя дѣйствія. Шри-Кришна говоритъ: „я вѣчно дѣятеленъ!“ Отчего же онъ ни на моментъ не прекращаетъ своей дѣятельности? Оттого, что если бы онъ сдѣлалъ это, то колесо жизни остановилось бы. Точно такъ же долженъ поступать и тотъ, кто благоговѣйно посвятилъ себя служенію Божеству. Пусть онъ совершаетъ извѣстные внѣшніе поступки потому, что они должны служить примѣромъ другимъ людямъ; потому, что Карма назначила ему такое мѣсто въ мірѣ, что онъ обязанъ исполнять извѣстныя обязанности. Когда онъ руководствуется такимъ мотивомъ, то уже не *онъ* совершаетъ эти поступки. Разъ человѣкъ всецѣло посвятилъ себя служенію Богу, его внѣшнія чувства сами собой обращаются къ соотвѣтственнымъ предметамъ, и умъ самъ собой направляется на соотвѣтствующіе объекты; но человѣкъ, исполненный благоговѣнія къ

Богу, не отождествляетъ себя ни со своей чувственной природой, ни съ умомъ. Онъ находится въ единенiи съ тѣмъ истиннымъ я, которое онъ признаетъ своимъ Господомъ. И такимъ образомъ онъ непрестанно воздаетъ поклоненiе Божеству, въ то время, какъ чувства и умъ его заняты предметами внѣшняго и внутренняго мiра. Вотъ что означаетъ равнодушiе къ результатамъ дѣятельности (non-attachment). Человѣкъ, достигнувшiй этого, не придаетъ особаго значенiя никакимъ дѣйствiямъ, которыя совершаетъ его тѣлесная природа. Пусть его внѣшнiя чувства заняты извѣстной работой и пусть они дѣлаютъ свое дѣло какъ можно совершеннѣе; пусть и умъ его занятъ мiрскими дѣлами, принимая участiе въ той работѣ, которую назначено дѣлать человѣчеству. Это не самъ онъ работаетъ; самъ онъ непрестанно воздаетъ поклоненiе у ногъ своего Господа. Пусть внѣшняя природа дѣлаетъ въ то же время свое дѣло; откуда возьмется у нея сила связать этого человѣка какими бы то ни было дѣйствiями? Но чтобы достигнуть такого состоянiя, слѣдуетъ умышленно развивать въ себѣ равнодушiе ко всему внѣшнему; надо научиться не придавать значенiя результатамъ своей дѣятельности, стремясь лишь къ тому, чтобы исполнить свой долгъ, и предоставляя заботиться о результатахъ могучимъ силамъ, дѣйствующимъ во вселенной; эти силы нуждаются лишь въ томъ, чтобы человѣкъ, не отдѣляя себя отъ нихъ, давалъ имъ тотъ внѣшнiй матерiалъ, въ который онѣ облекаются при своей дѣятельности. Для выполненiя этого своего назначенiя человѣкъ долженъ обладать чистой душой; онъ долженъ всѣ помыслы свои направлять на одно реальное. Человѣкъ, благоговѣйно служащiй Божеству, проникаетъ во внутреннюю природу вещей, онъ находится въ постоянномъ единенiи съ сердцемъ вселенной. Самъ онъ всегда находится въ святилищѣ духа, въ то время какъ умъ его и тѣло заняты во внѣшнемъ мiрѣ. Такова сущность истинной Iоги; въ этомъ состоитъ весь секретъ Iоги.

Тѣмъ не менѣе совершенно вѣрно, что на извѣстной ступени снова становится необходимымъ прiобрѣсти знанiе, и тогда для человѣка, посвятившаго себя служенiю Богу, является возможность научиться отъ своего учителя, какъ онъ можетъ сдѣлаться сознательнымъ сотрудникомъ духовныхъ силъ, дѣйствующихъ во вселенной. Быть такимъ сотрудникомъ, не сознавая того, онъ можетъ лишь благоговѣйно посвящая себя служенiю религiозному идеалу. Сознательное же сотрудничество предполагаетъ обладанiе знанiемъ. Это значитъ, что учитель беретъ ученика въ свои руки и научаетъ его, какимъ образомъ онъ можетъ

возможно совершеннѣе очистить себя и оставаться незапятнаннымъ той внѣшней дѣятельностью, которой ему приходится предаваться. Сознательное сотрудничество съ божественными силами есть источникъ неизреченной радости, и не будь вообще возможности такого сотрудничества, жизнь утратила бы всю свою цѣнность.

Я считала бы, что не стоило продержать васъ здѣсь все утро за изученіемъ подобныхъ вопросовъ, если бы мнѣ не казалось, что есть среди васъ хотя нѣсколько человѣкъ, способныхъ воспринять какую-нибудь мысль, исполненную истиннаго благоговѣнія, мысль, которая поможетъ найти путь во внутреннее святилище, освѣтивъ этотъ путь и сдѣлавъ его болѣе легкимъ. Мы обсуждали вопросы о различныхъ покровахъ души, о разныхъ сферахъ вселенной, о состояніяхъ сознанія и о тѣхъ методахъ, при помощи которыхъ возможно ускорить свое развитіе. Все это мы разсматривали съ чисто интеллектуальной точки зрѣнія. Но я не исполнила бы своего долга по отношенію къ вамъ, если бы я такъ и оставила васъ въ интеллектульной сферѣ. Поэтому я рѣшаюсь сказать вамъ слѣдующее о сущности Іоги, совершенно не касаясь той внѣшней формы, въ которую она выливается,—и то, что я скажу, нѣкоторымъ изъ васъ можетъ показаться безразсуднымъ и фанатичнымъ, но что мнѣ за дѣло до этого? Я рѣшаюсь сказать вамъ, что въ одномъ лишь благоговѣйномъ преклоненіи предъ Божествомъ можно найти прочную опору; лишь оно одно даетъ силу; лишь оно одно способно вывести васъ на путь, ведущій въ то внутреннее святилище, въ которомъ является Божество. Лучше благоговѣйно поклоняться Богу, пребывая въ невѣжествѣ, чѣмъ отказываться отъ всякаго преклоненія предъ Нимъ. Лучше принести въ даръ цвѣтокъ или вѣтку какому-нибудь мѣстному божку, подобно тому, какъ это дѣлаютъ невѣжественные бѣдняки, охотно дающіе отъ своей бѣдности, чѣмъ быть умственнымъ гигантомъ, уважаемымъ всѣмъ міромъ, но слишкомъ гордымъ, чтобы пасть ницъ передъ тѣмъ, что выше его, и обладающимъ слишкомъ сильнымъ умомъ для того, чтобы преклонить колѣна передъ духовной жизнью; ибо духъ выше интеллекта, подобно тому, какъ и интеллектъ выше чувственной природы. Духовная жизнь есть высшая жизнь, и она открыта для всѣхъ, такъ какъ духъ есть внутреннее зерно, одинаково присущее всякому, и никому не дано отрицать его присутствіе въ какомъ бы то ни было человѣкѣ. Итакъ, воспитывайте въ себѣ благоговѣніе, благоговѣніе ко всему благородному; воспитывайте въ себѣ способность преклоняться

передъ тѣмъ, что сродно Божеству. И тогда, если тѣло и внѣшнія чувства откажутся служить вамъ, если умъ вашъ утратитъ свою силу и не будетъ въ состояніи дать вамъ ничего новаго, тогда вѣчный духъ,—который есть жизнь вашей жизни, душа вашей души,—воспрянетъ съ новой силой, именно потому, что тѣло и умъ погибли, и, устремившись въ высь—да ему и не надо туда стремиться, ибо онъ уже тамъ, всегда обитаетъ тамъ—онъ увидитъ себя распростертымъ у ногъ своего Бога, тамъ, гдѣ нѣтъ болѣе иллюзіи, нѣтъ разобщенности, нѣтъ страданія; тамъ, гдѣ все—блаженство. Ибо любовь и радость—самая сущность Божества, и онѣ-то и суть наслѣдіе духа, которое больше всего, что можетъ дать намъ преходящій міръ.

Перев. Д. Странденъ.

Кромѣ Раджа-Іога (Царственной Іоги) и Хатха-Іоги (идущей внѣшними путями), въ Индіи есть еще множество іогъ, развѣтвленій и подраздѣленій какъ той, такъ и другой. Вопросу о Іогѣ мы надѣемся со временемъ посвятить особый очеркъ. Интересно, что по представленію Индусовъ жизненный путь благочестиваго человѣка самъ по себѣ также является Іогой. Мы отсылаемъ читателя къ книгѣ А. Безантъ: Три пути, въ которой ярко очерчены основныя черты Карма Марга, Жнана Марга и Бакта Марга, (путь дѣяній, путь знанія, путь любви).

Ред.

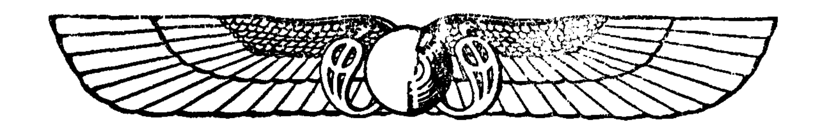
Извлеченія изъ сочиненій христіанскихъ подвижниковъ.

Сердце есть начало и корень нашихъ дѣяній. Чего нѣтъ въ сердцѣ, того и въ вещи нѣтъ.

(Тихонъ Задонскій).

Все въ томъ, чтобы сердце къ Богу горѣло и непрестанно въ сокрушеніи внутренно къ нему припадало.

(О. Феофанъ).

Древняя мудрость.

А. Безантъ.

(Продолженіе *).

Глава VIII.

Перевоплощеніе.

Пробужденіе „тѣла причинности“ какъ проводника сознанія слѣдуетъ въ свое время за пробужденіемъ ментальнаго тѣла, и оно открываетъ передъ человѣчествомъ еще болѣе чудесное состояніе сознанія, раздвигая его взадъ, въ безграничное прошлое, и впередъ, въ неизвѣданныя глубины будущаго. И тогда Мыслитель не только овладѣваетъ воспоминаніемъ прошлаго, не только можетъ слѣдить за своимъ собственнымъ развитіемъ на протяженіи всѣхъ своихъ жизней, воплощенныхъ и развоплощенныхъ; но онъ можетъ также черпать по желанію изъ прошедшаго нашей земли и пріобрѣтать могучіе уроки мірового опыта, изучая скрытые законы двигающейся эволюціи и глубокія тайны, скрытыя въ нѣдрахъ природы. Въ этомъ высокомъ проводникѣ сознанія онъ можетъ достигнуть скрытой Изиды и, приподнявъ край ея покрывала, можетъ уже зрѣть ее лицомъ къ лицу, не подвергая себя опасности ослѣпнуть отъ ея сверкающаго взора; въ сіяніи, исходящемъ изъ нея, онъ проникнетъ наконецъ въ причины мировой скорби и увидитъ конецъ этой скорби, и сердце его, оставаясь полнымъ состраданія и жалости, перестанетъ разрываться отъ безсильной боли. Сила, спокойствіе и мудрость—удѣлъ тѣхъ, которые владѣютъ „тѣломъ причинности“ какъ проводникомъ сознанія и созерцаютъ открытымъ взоромъ славу Добраго Закона.

---

*) „Вѣстникъ Теософіи“ 1909 г., № 1.

Когда же и духовное тѣло (буддическое) становится способнымъ проводить сознаніе, тогда человѣкъ вступаетъ въ блаженство нераздѣльности и сознаетъ въ полномъ и живомъ осуществленіи свое единство со всѣмъ, что есть. Преобладающимъ элементомъ сознанія „тѣла причинности" есть знаніе, а позднѣе и мудрость, тогда какъ преобладающимъ элементомъ сознанія „духовнаго тѣла" есть блаженство и—любовь. Невозмутимость мудрости характеризуетъ первое, тогда какъ нѣжнѣйшее состраданіе изливается неистощимымъ потокомъ изъ другого; если къ этому прибавить богоподобную и неизмѣнную силу, которой отличается дѣятельность *Атмы*, тогда получится понятіе о совершенствѣ, къ которому идетъ человѣкъ. Богочеловѣкъ проявится въ немъ во всей полнотѣ своего могущества, своей мудрости и своей любви.

Низшимъ проводникамъ сознанія доступны лишь небольшія частицы высшаго сознанія, и передача сознанія отъ высшаго проводника къ низшему слѣдуетъ не непосредственно послѣ постепеннаго пробужденія проводниковъ. Въ этомъ отношеніи одинъ человѣкъ отличается значительно отъ другого, и различіе это—въ полной зависимости отъ индивидуальныхъ условій и отъ интенсивности работы. Ибо пробужденіе высшихъ проводниковъ сознанія происходитъ очень рѣдко до вступленія на „путь", когда „ученикъ" проходитъ черезъ періодъ испытаній [1]), при этомъ задача человѣка мѣняется сообразно нуждамъ его эпохи. Ученикъ, и даже стремящійся къ ученичеству, научается отдавать всѣ свои силы служенію на пользу міра; при этомъ участіе низшаго сознанія въ познаніи высшаго опредѣляется нуждами самой работы, какая выпала на долю ученика. Необходимо, чтобы ученикъ пользовался въ полной мѣрѣ проводниками своего сознанія на высшихъ планахъ бытія, такъ какъ большая часть его работы происходитъ именно тамъ; будетъ ли при этомъ его физическій мозгъ сознавать эту работу или не будетъ—это не важно, и стоитъ въ полной зависимости отъ того значенія, которое это обстоятельство можетъ имѣть для успѣха земной дѣятельности ученика. Напряженіе физическаго проводника, когда высшее сознаніе вынуждаетъ его вибрировать отвѣтнымъ образомъ, на существующей ступени развитія очень велико и напряженіе это—за исключеніемъ особенно благопріятныхъ условій—способно вызвать нервное разстройство, и чрезмѣрную чувствительность со всѣми ея нежелательными послѣдствіями. Вотъ отчего большинство обладающихъ высшими

[1]) См. гл. XI „Восхожденіе человѣка.

пробужденными проводниками сознанія, наиболѣе важная дѣятельность которыхъ происходитъ *внѣ* физической сферы, принуждены оставаться вдали отъ шумной городской жизни, если хотятъ провести черезъ физическое сознаніе то вѣдѣніе, которымъ они владѣютъ на высшихъ планахъ. Уединяясь отъ грубыхъ обычаевъ и шума дѣловой жизни, они дѣлаютъ это для охраненія своего физическаго проводника, ставшаго чрезмѣрно чувствительнымъ. Главныя подготовительныя условія для воспринятія физическимъ проводникомъ вибрацій высшаго сознанія состоятъ въ слѣдующемъ: онъ долженъ быть очищенъ отъ грубыхъ составныхъ частей посредствомъ чистой пищи и чистой жизни; всѣ страсти должны быть побѣждены и долженъ выработаться уравновѣшенный характеръ, способный противостоять жизненнымъ невзгодамъ; должна появиться привычка къ спокойному размышленію (медитаціи) о возвышенныхъ предметахъ, отвращающихъ умъ отъ чувственныхъ объектовъ и сосредоточивающихъ его на высшемъ. Слѣдуетъ бороться со всѣми видами торопливости, въ особенности съ безпокойной, легко возбудимой, безпорядочной торопливостью мозга, которая заставляетъ его безпрерывно работать и переходить отъ предмета къ предмету; необходимо развить истинную любовь къ явленіямъ высшаго порядка, любовь, которая бы дѣлала ихъ болѣе привлекательными, чѣмъ явленія порядка низшаго, настолько же желанными, какъ общеніе съ горячо любимымъ другомъ. Въ сущности, вся эта подготовительная работа сходна съ той, которая необходима для сознательнаго отдѣленія „души“ отъ „тѣла“, которую я въ иномъ мѣстѣ выразила такъ:

„Ученикъ долженъ начать съ проявленія чрезвычайной терпимости ко всему, вырабатывать въ себѣ ровное и безмятежное состояніе ума; его жизнь должна быть чиста, и мысли его—цѣломудренны; тѣло его должно быть въ полномъ подчиненіи у души, и мысль его должна имѣть постоянное общеніе съ благородными и высокими предметами. Онъ долженъ всегда оказывать состраданіе, сочувствіе и помощь другимъ, сохраняя равнодушіе къ невзгодамъ и радостямъ, касающимся его самого, и развивать въ себѣ мужество, постоянство и преданность. Онъ долженъ вносить въ жизнь религіозное и этическое начало, которое большинство людей исповѣдуетъ только на словахъ. Научившись настойчивыми упражненіями контролировать до извѣстной степени свой умъ настолько, чтобы онъ могъ удерживаться въ теченіи нѣкотораго времени на одной линіи мысли, ученикъ долженъ перейти къ болѣе труднымъ упражненіямъ и сосредоточиваясь ежедневно на какомъ-нибудь

отвлеченномъ предметѣ или на объектѣ благоговѣйнаго почитанія. Подобное сосредоточеніе означаетъ твердое устремленіе ума на одну опредѣленную точку, безъ уклоненія въ сторону и безъ разсѣянія внѣшними предметами или движеніемъ собственныхъ чувствъ и собственнаго ума. Послѣдній долженъ быть до тѣхъ поръ укрѣпляемъ въ непоколебимости и сосредоточеніи, пока не научится постепенно отвлекаться отъ внѣшняго міра и отъ своего тѣла настолько, чтобы чувства затихали вполнѣ, тогда какъ умъ продолжалъ бы работать съ наибольшимъ напряженіемъ, весь собранный внутрь и устремленный на наиболѣе высокій изъ доступныхъ ему объектовъ. Когда цѣль эта достигнута и умъ способенъ останавливаться на одной точкѣ сравнительно легко, тогда онъ готовъ къ слѣдующему шагу: сильнымъ, но спокойнымъ усиліемъ воли онъ долженъ переброситься выше самой высокой мысли, до которой онъ можетъ подняться, *продолжая при этомъ работать въ физическомъ мозгу*; посредствомъ этого усилія онъ можетъ подняться настолько, чтобы соединить себя съ высшимъ сознаніемъ, результатомъ чего будетъ освобожденіе изъ физическаго тѣла. Когда это достигнуто, человѣкъ, оставаясь бодрствующимъ и не теряя сознанія, оказывается внѣ своего тѣла такъ, какъ будто бы онъ выскользнулъ изъ-подъ тяжелаго бремени, не потерявъ при этомъ ни единой частицы самого себя. Онъ при этомъ не „развоплотился“, но дѣйствительно вышелъ изъ своего плотнаго тѣла въ свѣтломъ „духовномъ тѣлѣ“, которое послушно его малѣйшему желанію и служитъ совершеннымъ и прекраснымъ орудіемъ его воли. Въ этомъ тѣлѣ онъ можетъ свободно передвигаться въ высшихъ мірахъ, но требуется продолжительная и тщательная подготовка высшихъ его способностей для того, чтобы въ этихъ новыхъ условіяхъ наблюденія его отличались точностью и вѣрностью.

Освобожденіе изъ тѣла можетъ быть достигнуто и другими путями: или восторженнымъ переживаньемъ глубокой любви къ божественному идеалу, или же особенными пріемами, которые сообщаются учителемъ своему ученику. Но каковъ бы ни былъ путь, результатъ одинъ и тотъ же: освобожденіе души при полномъ сознаніи, съ сохраненіемъ способности наблюдать въ новой средѣ, далеко превышающей условія плотской жизни. По волѣ своей душа можетъ возвратиться въ тѣло и запечатлѣть въ физическомъ мозгу воспоминаніе обо всемъ пережитомъ [1]“.

[1]) «Conditions of Life after Death» *N Nineteenth Century, November, 1896.*

Кто схватилъ главныя идеи, выраженныя на предыдущихъ страницахъ, тотъ увидитъ, что эти идеи сами по себѣ являются лучшимъ доказательствлмъ того, что перевоплощеніе есть фактъ природы. Оно необходимо, чтобы осуществилось то огромное развитіе, которое подразумѣвается въ выраженіи: „эволюція души". Если оставить въ сторонѣ матеріалистическую гипотезу, по которой душа ни что иное, какъ совокупность особаго рода вибрацій физической матеріи, остается другая гипотеза, по которой каждый разъ, когда родится человѣкъ, создается новая душа и притомъ одаренная или добродѣтельными или порочными наклонностями, или свѣтлымъ разумомъ, или тупостью, сообразно произвольному капризу Создателя. Какъ выражаются магометане—„судьба новорожденнаго виситъ на его шеѣ", ибо судьба человѣка зависитъ вполнѣ отъ его врожденныхъ свойствъ и отъ окружающей его среды, и каждая вновь созданная душа, брошенная въ міръ, предопредѣляется или для счастія, или для страданія, сообразно окружающимъ условіямъ и вложеннымъ въ нее свойствамъ. Если отвергать перевоплощеніе, не остается ничего иного, какъ принять предопредѣленіе въ самой его грубой формѣ.

Или мы должны признать законъ медленнаго развитія человѣка, по которому грубый дикарь въ будущемъ можетъ развить всѣ благородныя качества святого и героя, и тогда міръ предстанетъ передъ нами какъ система эволюціи, мудро задуманная и мудро направленная, или же мы будемъ принуждены видѣть въ немъ хаосъ, въ которомъ чувствующія и думающія существа подвергаются всевозможнымъ несправедливостямъ, получая въ удѣлъ счастіе или страданіе, сознательность или невѣдѣніе, хорошія качества или пороки, богатство или бѣдность, получая то или другое по чьей-то волѣ, неимѣющей никакой внутренней связи съ ихъ сутью, неруководимой ни справедливостью, ни состраданіемъ,— „истинный пандемоніумъ", лишенный разума и логики. И подумать, что такой хаосъ является высшимъ проявленіемъ Космоса, въ низшихъ областяхъ котораго появляются изумительно правильныя дѣятельности, регулируемыя закономъ, который неустанно преобразуетъ первичныя и простыя формы въ формы болѣе совершенныя и болѣе сложныя и который видимо направляетъ все къ совершенству, гармоніи и красотѣ!

Если же признать, что душа дикаря предназначена для дальнѣйшей жизни и для развитія, что она не приговорена на вѣкъ къ состоянію настоящаго своего дѣтства, что развитіе ея продлится послѣ смерти въ другихъ мірахъ, въ такомъ случаѣ эво-

люція души окажется признанной въ принципѣ и останется только разрѣшить вопросъ *о мѣстѣ* ея осуществленія. Если бы всѣ души на землѣ находились на одной и той же ступени развитія, въ такомъ случаѣ можно было бы высказаться въ пользу теоріи, по которой эволюція души, вышедшей изъ дѣтскаго состоянія, должна происходить въ другихъ мірахъ. Но мы имѣемъ вокругъ одновременно съ душами младенческими, души высоко развитыя, рожденныя съ благородными умственными и нравственными качествами. Продолжая то же разсужденіе, мы должны предположить, что они достигли своего развитія въ другихъ мірахъ, прежде чѣмъ родиться на землѣ. И тогда дѣлается непонятнымъ, почему на землю, представляющую такія разнообразныя условія, годныя и для юныхъ, и для зрѣлыхъ душъ, появляются души всѣхъ степеней развитія для *одного* мимолетнаго существованія, чтобы затѣмъ весь остальной процессъ эволюціи продолжать въ иныхъ, сходныхъ съ нашимъ мірахъ, представляющихъ также, какъ и земля, всѣ условія, необходимыя для развитія душъ всѣхъ степеней. Правда, и Древняя Мудрость учитъ, что душа развивается въ нѣсколькихъ мірахъ [1]), она утверждаетъ въ то же время, что воплощается она въ каждомъ изъ этихъ міровъ снова и снова, пока не завершится *вся* эволюція, возможная въ каждомъ изъ нихъ. И самые міры, по ученію Древней Мудрости, составляютъ эволюціонную цѣпь, и каждый изъ нихъ играетъ свою особую роль какъ поле для опредѣленной ступени эволюціи. Нашъ собственный міръ представляетъ поле, подходящее для эволюціи минеральнаго, растительнаго, животнаго и человѣческаго царствъ, и въ немъ происходитъ коллективное или индивидуальное перевоплощеніе во всѣхъ названныхъ царствахъ. Истинно, что дальнѣйшая эволюція, предстоящая намъ, будетъ совершаться въ другихъ мірахъ; но по божественному порядку мірозданія они откроются для насъ только тогда, когда мы овладѣемъ всѣми уроками, которые нашъ собственный міръ можетъ представить для насъ.

Когда мы изучаемъ окружающее насъ человѣчество, многое приводитъ насъ къ тому же разрѣшенію большинства загадокъ человѣческой жизни, т. е. къ необходимости перевоплощенія. Огромное различіе, отдѣляющее одного человѣка отъ другого,

[1]) Но не на иныхъ планетахъ, принадлежащихъ другимъ солнечнымъ системамъ, а въ мірахъ (астральномъ и ментальномъ), которые служатъ переходными ступенями между исходной точкой воплощенной жизни души и ея земнымъ существованіемъ. *Прим. перевод.*

заставляетъ, какъ уже было сказано, предполагать эволюціонное прошлое позади каждой души; и вниманіе читателей было уже остановлено на этомъ неравенствѣ, отличающемъ индивидуальное перевоплощеніе человѣческихъ существъ, каждое изъ которыхъ являетъ собою какъ бы особый видъ.

Сравнительно ничтожное различіе между физическими тѣлами людей, которыя всѣ внѣшнимъ образомъ представляютъ одинъ и тотъ же человѣческій типъ,—представляетъ поразительный контрастъ съ огромной разницей между умственными и нравственными качествами дикаря и наиболѣе благороднаго представителя современнаго культурнаго Человѣчества. Тѣло дикаря обладаетъ нерѣдко превосходнымъ физическимъ развитіемъ и даже черепъ его достаточно вмѣстителенъ, и въ то же время какое огромное различіе между его свойствами и свойствами философа или святого!

Если смотрѣть на умственное и нравственное развитіе какъ на результатъ подвинувшейся цивилизаціи, тогда непонятнымъ становится тотъ фактъ, что наиболѣе способные люди нашего времени далеко отстали отъ умственныхъ гигантовъ прошлаго, и что мы не встрѣчаемъ въ наши дни той нравственной высоты, какою отличались нѣкоторые святые древности. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что геній не бываетъ преемственнымъ, что онъ появляется совершенно внезапно вмѣсто того, чтобы быть завершеніемъ постепенно усовершенствуемой семьи; что при этомъ онъ или совсѣмъ безплоденъ или, если имѣетъ потомство, то передаетъ ему только свои тѣлесныя качества, а не душевныя. Явленіемъ, особенно ярко подтверждающимъ перевоплощеніе, является музыкальный геній: онъ рождается почти всегда въ музыкальной семьѣ, потому что этотъ видъ геніальности нуждается для своего проявленія въ особаго рода нервной организаціи, а нервная организація подлежитъ законамъ наслѣдственности. И какъ часто подобная музыкальная семья, произведя генія и тѣмъ какъ бы выполнивъ свое назначеніе, угасаетъ вслѣдъ затѣмъ и черезъ нѣсколько поколѣній сливается съ самыми обыкновенными семьями. Куда дѣвались потомки Баха, Бетховена, Моцарта, Мендельсона и что общаго у нихъ съ ихъ великими отцами? Да, геній не можетъ передаваться отъ отца къ сыну, подобно физическимъ семейнымъ чертамъ Стюартовъ или Бурбоновъ.

И если не признавать перевоплощенія, какимъ разумнымъ образомъ можно объяснить появленіе „чуда ребенка"? Возьмемъ замѣчательнаго ребенка, который впослѣдствіи сдѣлался докто-

ромъ Юнгомъ, открывшимъ волнообразную теорію свѣта, человѣкомъ, все величіе котораго еще не достаточно признано современниками. Двухлѣтнимъ ребенкомъ онъ могъ уже читать съ значительной бѣглостью и до 4-хъ-лѣтняго возраста онъ два раза успѣлъ прочитать всю Библію. Въ семь лѣтъ онъ одолѣлъ весь учебникъ Уэлькингама „Tutor's Assistant", прежде чѣмъ дошелъ съ учителемъ до его середины; а черезъ нѣсколько лѣтъ, мы находимъ его еще въ школѣ уже овладѣвшимъ латинскимъ, греческимъ, еврейскимъ, французскимъ и итальянскимъ языками, математикой и бухгалтеріей; кромѣ того, онъ занимался токарнымъ искусствомъ и умѣлъ дѣлать телескопы и рядомъ съ этимъ съ восторгомъ занимался восточной литературой. Въ 14 лѣтъ къ нему пригласили заниматься частнаго учителя, съ которымъ онъ долженъ былъ учиться въ обществѣ мальчика на годъ моложе его: когда однажды учитель не пришелъ, молодой Юнгъ самъ сталъ заниматься съ товарищемъ [1]).

Сэръ Уильямъ Руанъ Гамильтонъ выказалъ еще болѣе раннія способности. Онъ началъ учиться еврейскому языку едва достигнувъ трехъ лѣтъ, и въ возрастѣ семи лѣтъ онъ—по заявленію одного изъ ученыхъ Дублинскаго колледжа—выказалъ большее знаніе еврейскаго языка, чѣмъ многіе изъ соискателей ученой степени. Въ тринадцать лѣтъ онъ обладалъ уже значительнымъ знаніемъ по крайней мѣрѣ тринадцати языковъ, между которыми, кромѣ классическихъ и современныхъ европейскихъ нарѣчій, были и персидскій, арабскій, санскритскій, индостанскій и даже малайскій... Четырнадцати лѣтъ онъ написалъ письмо къ персидскому посланнику, который посѣтилъ Дублинъ, и послѣдній выразилъ удивленіе, что въ Великой Британіи нашелся человѣкъ, который могъ написать подобный документъ на персидскомъ языкѣ". Одинъ изъ его родственниковъ говоритъ: „я помню его шестилѣтнимъ мальчуганомъ, когда онъ, отвѣтивъ на трудный математическій вопросъ, весело убѣгалъ со своей маленькой тележкой. Въ двѣнадцать лѣтъ онъ конкурировалъ съ Кольбурномъ, знаменитымъ американскимъ „считающимъ мальчикомъ", котораго тогда показывали какъ чудо въ Дублинѣ, и нерѣдко съ большимъ успѣхомъ". Когда ему минуло восемнадцать лѣтъ, докторъ Бринклей, ирландскій королевскій астрономъ, сказалъ о немъ въ 1823 году: „этотъ молодой человѣкъ не *будетъ*, а уже *есть* первый математикъ своего вѣка".

---

[1]) Life of dr. Thomas Young, by G. Peacock. D. D.

Въ университетѣ его успѣхи были безпримѣрны; по всѣмъ безъ исключенія предметамъ и на всѣхъ экзаменахъ онъ былъ первымъ [1]).

Пусть же вдумчивый читатель сравнитъ этихъ мальчиковъ съ тупыми или даже съ обыкновенными мальчиками, и отмѣтитъ, какъ начиная свою земную жизнь съ подобными преимуществами, они становятся во главѣ умственнаго движенія своего вѣка, и затѣмъ пусть онъ рѣшитъ вопросъ: „могли ли подобныя души не имѣть позади себя прошлаго?“ [2])

Семейныя сходства объясняются обыкновенно закономъ наслѣдственности, но рѣзкія различія въ умственныхъ и нравственныхъ задаткахъ, которыя постоянно встрѣчаются внутри семьи, эти различія остаются необъясненными. Ученіе о перевоплощеніи объясняетъ сходство тѣмъ, что воплощающаяся душа направляется въ такую семью, которая доставляетъ ей путемъ физической наслѣдственности подходящее для выраженія ея особенностей тѣло; несходства же оно объясняетъ тѣмъ, что умственныя и нравственныя качества принадлежатъ самой индивидуальности, и появляется она именно въ этой семьѣ благодаря связямъ, завязавшимся у нея въ прошломъ съ кѣмъ-либо изъ членовъ семьи [3]). Значительнымъ по отношенію близнецовъ является то обстоятельство, что во время младенчества они бываютъ почти неразличимы даже для зоркаго глаза матери и кормилицы. Тогда какъ въ позднѣйшей жизни, когда душа уже поработала надъ своей физической оболочкой, она настолько измѣняетъ ее, что физическое сходство уменьшается, и разница въ характерѣ близнецовъ отпечатлѣвается на внѣшнихъ чертахъ [4]). Въ физическомъ сходствѣ и въ умственномъ и нравственномъ несходствѣ встрѣчаются повидимому двѣ различныя линіи причинности.

Поразительное различіе, съ которымъ люди почти одинаковыхъ интеллектульныхъ силъ воспринимаютъ ту или другую отрасль знанія, есть другой указатель на перевоплощеніе. Однимъ человѣкомъ та или другая истина схватывается сразу, тогда какъ другому она не дается даже послѣ долгаго изученія. Но возможенъ совершенно обратный результатъ, если обоимъ будетъ предъявлена другая истина, которая легко усвоится вторымъ и не будетъ понята первымъ. Два человѣка, привлеченные теосо-

---

1) North British Review, September, 1866.

2) См. гл. IX, о Кармѣ.

3) См. гл. IX, о Кармѣ.

4) „Перевоплощеніе“ А. Безантъ.

фіей, начинаютъ изучать ее; въ концѣ года одинъ изъ нихъ вполнѣ освоится съ ея главными положеніями и можетъ уже примѣнять ихъ, тогда какъ другой все еще чувствуетъ себя, какъ въ лабиринтѣ. Для одного каждое положеніе кажется словно знакомымъ, для другого же—непонятнымъ и страннымъ. Вѣрящій въ перевоплощеніе пойметъ изъ этого, что для одного все ученіе было уже знакомо, тогда какъ для другого оно предъявляется въ первый разъ; одинъ понимаетъ быстро потому, что онъ вспоминаетъ и лишь возстанавливаетъ прежнія знанія; другой воспринимаетъ медленно потому, что въ кругъ его опыта не входили *эти* истины природы, и онъ пріобрѣтаетъ ихъ съ трудомъ въ первый разъ.[1]) Точно также обыкновенная интуиція есть лишь „воспоминаніе факта, который былъ знакомъ въ прежнемъ существованіи, хотя и появляется въ первый разъ въ настоящей жизни";[2]) это—другой признакъ того пути, по которому личность проходила въ прошломъ существованіи. Самымъ большимъ затрудненіемъ для принятія ученія о перевоплощеніи является у большинства отсутствіе воспоминанія о прошлыхъ жизняхъ. А между тѣмъ, тѣ же люди ежедневно сталкиваются съ тѣмъ фактомъ, что они весьма многое забыли даже изъ своей текущей жизни, что первые года ихъ дѣтства теряются въ туманѣ, а воспоминанія младенчества утеряны ими вполнѣ. Извѣстно также и то, что событія прошлаго, которыя совершенно исчезли изъ ихъ нормальнаго сознанія, продолжаютъ сохраняться въ темныхъ изгибахъ памяти и могутъ воскреснуть вновь во всей своей живости во время нѣкоторыхъ болѣзней или подъ вліяніемъ магнетизма. Такъ, умирающій человѣкъ—какъ утверждаютъ точныя наблюденія—можетъ заговорить языкомъ, который онъ слышалъ только въ раннемъ дѣтствѣ и совершенно не помнилъ въ теченіе остальной жизни; точно также въ бреду давно забытое событіе является съ необыкновенной живостью передъ сознаніемъ. Такимъ образомъ, ничто вполнѣ не забывается, но многое ускользаетъ изъ поля нашего бодрствующаго сознанія, наиболѣе ограниченнаго изъ всѣхъ нашихъ сознаній, несмотря на то, что оно признается огромнымъ большинствомъ за единственное. Совершенно также, какъ нѣкоторыя воспоминанія изъ настоящей жизни исчезаютъ изъ круга бодрствующаго сознанія и появляются вновь, когда мозгъ бываетъ чрезвычайно чувствителенъ и способенъ отвѣчать на вибраціи, въ обыкновенное время не воспринимаемыя имъ,—точно также и память

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

о прошлыхъ жизняхъ сохраняется внѣ области, доступной для физическаго сознанія. Она вся сохраняется Мыслителемъ, который одинъ продолжаетъ существовать изъ жизни въ жизнь; ему одному доступенъ весь свитокъ воспоминаній, потому что онъ и есть то единое „Я", которое прошло черезъ всѣ опыты, записанные на этомъ свиткѣ. Мало того, онъ можетъ передать свои воспоминанія и физическому своему проводнику, какъ только послѣдній достаточно очистился, чтобы отвѣчать на быстрыя и тонкія вибраціи Мыслителя. И тогда человѣкъ во плоти можетъ познать свои прошлыя жизни. Вся трудность воспоминанія коренится не въ забывчивости, ибо низшій проводникъ жизни, физическое тѣло, никогда и не раздѣляло прежнихъ жизней своего хозяина; трудность заключается въ томъ, что настоящій проводникъ поглощенъ всецѣло окружающей его средой, вслѣдствіе чего и неспособенъ отвѣчать на тонкія вибраціи, посредствомъ которыхъ проявляется его душа. Кто хочетъ вспомнить свое прошлое, тотъ не долженъ сосредоточивать весь интересъ на настоящихъ переживаніяхъ, онъ долженъ утончать и очищать свою физическую природу, пока она не сдѣлается способной воспринимать впечатлѣнія изъ иной, болѣе тонкой среды.

И все же воспоминаніемъ о прежнихъ жизняхъ обладаетъ достаточное количество людей, уже успѣвшихъ пріобрѣсти необходимую для того чувствительность физической организаціи; для этихъ людей перевоплощеніе перестало быть теоріей и сдѣлалось предметомъ личнаго знанія. Они убѣдились, насколько богаче становится жизнь, когда память прошлаго вливается въ нее, когда друзья быстротечной земной жизни оказываются друзьями далекаго, далекаго прошлаго, и воспоминанія, идущія изъ глубины вѣковъ, помогаютъ укрѣплять привязанности настоящаго. Жизнь пріобрѣтаетъ надежность и достоинство, когда позади нея начинаешь видѣть длинную перспективу и когда привязанности прошедшихъ жизней вновь появляются въ любимыхъ друзьяхъ настоящаго. Значеніе смерти блѣднѣетъ и самая смерть становится на свое настоящее мѣсто, какъ простой эпизодъ въ вѣчномъ существованіи, какъ перемѣна одной суеты жизни на другую, подобно путешествію, которое разлучаетъ насъ физически, но не можетъ разъединить насъ духовно. Связи настоящаго являются для сознанія частью длинной цѣпи, которая тянется въ дали прошедшаго, а будущее пріобрѣтаетъ характеръ радостной увѣренности при мысли, что эти связи сохранятся и въ слѣдующихъ существованіяхъ, образуя звенья той же непрерывной цѣпи.

Отъ времени до времени встрѣчаются дѣти, которыя приносятъ съ собой воспоминанія своего прошлаго, и это бываетъ почти всегда въ томъ случаѣ, когда предыдущая смерть произошла въ дѣтствѣ, послѣ чего быстро послѣдовало новое воплощеніе. На Западѣ такіе случаи бываютъ гораздо рѣже, чѣмъ на Востокѣ, потому что тамъ первое же заявленіе такого ребенка встрѣчается съ недовѣріемъ, вслѣдствіе чего онъ быстро теряетъ вѣру въ свои собственныя воспоминанія. На Востокѣ, гдѣ въ перевоплощеніе вѣрятъ почти всѣ, къ такимъ заявленіямъ ребенка прислушиваются внимательно, и, гдѣ это оказывается возможнымъ, ихъ провѣряютъ. Другое соображеніе, относящееся къ памяти, заслуживаетъ нашего вниманія. Воспоминанія о прежнихъ переживаніяхъ сохраняются, какъ мы видѣли, самимъ мыслителемъ и только имъ однимъ. Но результаты этихъ переживаній, перешедшіе въ *способности*, составляютъ принадлежность преходящей человѣческой личности. Если бы вся совокупность прошедшихъ переживаній переносилась въ физическій мозгъ со всѣмъ огромнымъ количествомъ опытовъ несгрупированныхъ и неприведенныхъ въ порядокъ,—человѣкъ не могъ бы съ пользой для себя руководствоваться выводами изъ прошлаго. Принужденный выбирать между двумя линіями поведенія, онъ бы долженъ былъ отыскивать во множествѣ разбросанныхъ фактовъ своего прошлаго всѣ событія, подходящія къ данному случаю, прослѣдить всѣ ихъ послѣдствія, и, послѣ трудныхъ усилій, придти наконецъ къ заключенію, которое все же могло бы оказаться невѣрнымъ благодаря какой-нибудь пропущенной подробности, при наличности которой измѣнился бы и самый выводъ. Всѣ подробности, мелкія и незначительныя, многихъ жизней составили бы безпорядочную массу свѣдѣній, совершенно безполезныхъ во всѣхъ случаяхъ, когда требуется быстрое рѣшеніе. Несравненно болѣе разумный планъ, осуществляемый природой, состоитъ въ томъ, что мыслитель сохраняетъ всю память прошлаго и его ментальный проводникъ пользуется продолжительнымъ существованіемъ внѣ физической плоти, во время котораго все пережитое сравнивается и всѣ результаты приводятся въ порядокъ; затѣмъ, результаты эти воплощаются въ способности, которыя и образуютъ новое ментальное тѣло Мыслителя. Такимъ образомъ расширившіяся и усовершенствованныя способности могутъ немедленно получить примѣненіе, и такъ какъ онѣ заключаютъ въ себѣ всѣ результаты прошлаго, то и рѣшенія человѣка согласуются съ этими результатами и возникаютъ легко и безъ замедленія. Быстрое пониманіе и ясное сужденіе—не что иное, какъ резуль-

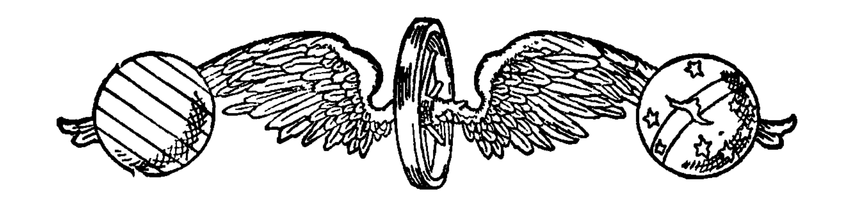
таты прошлаго опыты, переработанныя въ наиболѣе примѣнимую для жизни форму; и только благодаря такому внутреннему порядку пережитой опытъ и становится могучимъ орудіемъ для развитія человѣка.

Какъ бы то ни было, слѣдуя по всѣмъ линіямъ приведенныхъ разсужденій, наша мысль неизмѣнно возвратится къ необходимости перевоплощенія, если мы хотимъ, чтобы смыслъ жизни сталъ для насъ понятенъ и чтобы она не казалась намъ жестокой и несправедливой.

При свѣтѣ ученія о перевоплощеніи, человѣкъ является достойнымъ, безсмертнымъ существомъ, развивающимся ради божественно великой цѣли; *безъ* этого свѣта онъ является соломинкой въ бурномъ потокѣ, бросаемой по прихоти обстоятельствъ, не отвѣчающей за свой характеръ, за свои поступки и за свою судьбу. Освѣщаемый этимъ свѣтомъ, онъ можетъ смотрѣть впередъ безъ страха, на какой бы низкой ступени эволюціи онъ ни стоялъ сегодня, ибо онъ все же поднимается къ божественности и достиженіе высшей ступени есть лишь вопросъ времени. Если отбросить перевоплощеніе, не останется разумной причины вѣрить въ прогрессъ будущаго, не останется и никакой разумной причины вѣрить въ какое либо будущее, ибо—какое основаніе для будущаго у существа, не имѣющаго прошлаго? Это не болѣе какъ пузырь, появляющійся на поверхности океана времени, брошенный въ міръ изъ небытія съ готовыми качествами, хорошими или дурными, принадлежащими ему безъ всякой причины и безъ всякой съ его стороны жизни; съ какой стати будетъ онъ стремиться усовершенствовать ихъ? И не будетъ ли его будущее—если ему предстоитъ вообще какое-либо будущее—такимъ же оторваннымъ, безпричиннымъ и безрезультатнымъ, какъ и его настоящее? Исключивъ перевоплощеніе изъ своихъ вѣрованій, современный міръ лишилъ Бога его справедливости, а человѣка—его упованій; послѣдній можетъ испытывать „удачу“ или „неудачу“, но сила и достоинство, являющіяся вслѣдствіе увѣренности въ неизмѣнномъ законѣ, вырваны у него, и онъ оставленъ безпомощнымъ на поверхности безграничнаго океана жизни.

Пер. Е. П.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ.

Д-ра **Штейнера.**

Глава X *).

О нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ посвященія.

Признакомъ того, что ученикъ достигъ описанной въ прошлой главѣ ступени развитія, или вскорѣ долженъ достигнуть ея, служитъ перемѣна, происходящая съ его сновидѣньями. Прежде его сны были спутаны и произвольны, теперь они начинаютъ принимать правильный характеръ. Ихъ образы дѣлаются осмысленными, такими же, какъ представленія обыденной жизни. Въ нихъ можно распознать законъ, причину и послѣдствіе. И содержаніе сновъ дѣлается инымъ. Тогда какъ раньше воспринимались лишь отзвуки ежедневной жизни, измѣненныя впечатлѣнія окружающаго или состоянія собственнаго тѣла, теперь выступаютъ образы изъ міра, ранѣе невѣданнаго.

Вначалѣ сохраняется *общій* характеръ сновидѣній, отличающійся отъ представленій въ бодрствующемъ состояніи образностью того, что выражается снами. Напримѣръ, снится, что поймалъ безобразное животное и отъ этого прикосновенія испытываешь непріятное чувство въ рукѣ. Просыпаешься и замѣчаешь, что держишь въ рукѣ кончикъ одѣяла. Ощущеніе, такимъ образомъ, выражается не непосредственно, но при помощи выше описаннаго символа. Или снится, что убѣгаешь отъ преслѣдователя и при этомъ испытываешь страхъ. При пробужденіи оказывается, что у спящаго сдѣлалось въ это время сердцебіеніе.

*) См. „Вѣстникъ Теософіи" 1909 г., № 1, стр. 38.

Желудокъ, переполненный неудобоваримой пищей, вызываетъ во снѣ страшные образы; также и происшествія въ окружающей спящаго человѣка средѣ отражаются во снѣ въ символахъ. Бой часовъ можетъ вызвать картину проходящаго съ барабаннымъ боемъ военнаго отряда. Упавшій стулъ можетъ стать поводомъ къ цѣлой драмѣ во снѣ, въ которой шумъ отразится какъ ружейный выстрѣлъ и т. д.

Этотъ символическій родъ выраженія сохраняется и въ болѣе правильномъ снѣ человѣка, эфирное тѣло котораго начинаетъ развиваться. Но онъ же перестаетъ воспроизводить одни лишь факты физической среды или собственныхъ ощущеній. Когда въ въ снахъ, происходящихъ отъ физическихъ причинъ, появляется порядокъ, тогда къ нимъ начинаютъ примѣшиваться такіе образы, которые служатъ выраженіемъ вещей и соотношеній иного міра. Здѣсь впервые сознается то, что недоступно обыкновенному дневному сознанію. Но не слѣдуетъ думать, чтобы такимъ образомъ переживаемое во снѣ могло лечь въ основу какихъ-либо вѣрныхъ сообщеній о высшемъ мірѣ. Такія переживанія въ сновидѣніяхъ можно разсматривать лишь какъ первые *признаки* высшаго развитія.—Вскорѣ наступаетъ новое явленіе, когда сновидѣнія, не подлежавшія до этого контролю разсудка, теперь приводятся послѣднимъ въ порядокъ и сознаются такъ же, какъ представленія и ощущенія бодрствующаго сознанія. Все болѣе и болѣе исчезаетъ разница между сознаніемъ во снѣ и на яву. Спящій въ полномъ смыслѣ слова бодрствуетъ во время сна, т. е. онъ чувствуетъ себя господиномъ и руководителемъ своихъ образныхъ представленій.

Во время сна человѣкъ фактически находится въ мірѣ, совершенно отличномъ отъ міра физическихъ чувствъ. Но человѣкъ съ неразвитыми органами духовныхъ воспріятій не можетъ составить объ этомъ мірѣ никакихъ другихъ представленій, кромѣ сбивчивыхъ. Для него онъ существуетъ лишь такимъ, какимъ чувственный міръ представлялся бы существу, который имѣлъ бы только зачаточные органы зрѣнія.

Вотъ почему неподготовленный человѣкъ не можетъ ничего иного видѣть въ этомъ мірѣ, кромѣ отпечатковъ и отраженій обыденной жизни. Эти же послѣдніе онъ можетъ видѣть во снѣ потому, что его душа запечатлѣваетъ свои дневныя переживанія образно въ ту субстанцію, изъ которой состоитъ этотъ иной міръ. Нужно непремѣнно уяснить себѣ, что человѣкъ, наряду со своей дневной сознательной жизнью, имѣетъ еще вторую, безсознатель-

ную въ астральномъ мірѣ. Все, что онъ воспринимаетъ и мыслитъ, онъ вноситъ въ отпечаткахъ въ этотъ міръ; но отпечатки эти можно видѣть только тогда, когда развиты „цвѣты лотоса".

У каждаго человѣка есть скудные зачатки этихъ цвѣтовъ; при дневномъ сознаніи онъ не можетъ ничего воспринимать ими, потому что сверхчувственныя впечатлѣнія дѣйствуютъ на него очень слабо. Это происходитъ по той же причинѣ, по которой днемъ не видны звѣзды. Онѣ не достигаютъ до сознанія благодаря могучему дѣйствію солнечнаго свѣта. Такъ же слабо проявляются такія духовныя впечатлѣнія въ сравненіи съ могущественными впечатлѣніями физическихъ чувствъ. Когда же во снѣ врата внѣшнихъ чувствъ закрыты, впечатлѣнія эти начинаютъ неясно просвѣчивать и спящій начинаетъ вспоминать тогда о впечатлѣніяхъ, пережитыхъ въ другомъ мірѣ.

Но какъ сказано выше, вначалѣ эти впечатлѣнія—не что иное, какъ то, что вносится самимъ—связаннымъ съ физическими чувствами—представленіемъ въ область духовнаго міра.

Только при вполнѣ развитыхъ „цвѣтахъ лотоса" становится возможнымъ, чтобы то, что принадлежитъ *не* физическому міру, могло бы быть внесено въ потусторонній міръ; развитое эфирное тѣло даетъ возможность вполнѣ воспринимать отпечатки, идущіе изъ высшихъ міровъ. Этимъ и начинается общеніе человѣка съ новымъ міромъ. И теперь онъ долженъ, подъ руководствомъ учителя, достигнуть двухъ вещей: при пробужденіи совершенно ясно вспоминать о сдѣланныхъ во время сна наблюденіяхъ, а когда онъ достигъ этого, научиться дѣлать такія же наблюденія и въ обыкновенномъ бодрствующемъ состояніи. Его вниманіе, обращенное на духовныя впечатлѣнія, должно достигнуть такого совершенства, чтобы эти впечатлѣнія не исчезали и въ присутствіи физическихъ, а сохранялись, не угасая, *наряду* съ послѣдними.

Когда ученикъ достигъ этой способности, передъ его духовными глазами начнутъ выступать нѣкоторыя изъ картинъ, описанныя въ прошлой главѣ.

Теперь онъ можетъ воспринимать то, что существуетъ въ духовномъ мірѣ, какъ причина физическихъ явленій. И прежде всего остального онъ можетъ узнать въ этомъ мірѣ свое высшее Я. Ближайшей его задачей будетъ до извѣстной степени *врасти въ это высшее Я*, т. е. видѣть въ немъ дѣйствительно свою истинную сущность и поступать соотвѣтственно этому сознанію. Все болѣе сознаетъ онъ и проникается живымъ чувствомъ, что его физическое тѣло и то, что онъ ранѣе называлъ своимъ я, есть не болѣе

какъ орудіе высшаго „Я". Къ своему низшему „Я" онъ начинаетъ относиться подобно тому, какъ раньше, будучи ограниченнымъ человѣкомъ, онъ относился къ орудію или къ экипажу, которымъ пользовался. Также, какъ экипажъ, который везетъ его, онъ не можетъ причислять къ своему Я, когда говоритъ: *я ѣду;* также, направляясь къ двери и говоря: *я иду къ двери,* ученикъ долженъ ясно сознавать: *я несу свое тѣло къ двери.* Но онъ не долженъ при этомъ даже и на мгновеніе терять твердую почву физическаго міра, и никогда не долженъ чувствовать отчужденія отъ этого міра. Если ученикъ не хочетъ сдѣлаться мечтателемъ или фантазеромъ, онъ не долженъ, достигнувъ высшаго сознанія, обѣднять свою жизнь въ физическомъ мірѣ, наоборотъ, онъ долженъ обогатить ее, какъ обогащаетъ ее тотъ, кто, путешествуя, вмѣсто собственныхъ ногъ, пользуется желѣзнодорожнымъ поѣздомъ.

Когда ученикъ достигъ такой жизни въ своемъ высшемъ я, тогда, или даже и ранѣе, когда онъ достигалъ высшаго сознанія, ему указывается, какъ пробудить, такъ-называемый, *огонь Кундалини* въ органѣ, находящемся въ области сердца.

Огонь Кундалини есть элементъ высшей субстанціи, который исходитъ изъ названнаго органа, и переливается въ сіяющей красотѣ, по движущимся „цвѣтамъ лотоса", а также по другимъ каналамъ развитаго эфирнаго тѣла. Оттуда онъ излучается наружу въ окружающій духовный міръ и дѣлаетъ его духовно видимымъ, какъ солнечный свѣтъ дѣлаетъ видимыми физическіе предметы, на которые падаютъ его лучи.

Какимъ образомъ пробуждается этотъ огонь Кундалини въ органѣ сердца, объ этомъ можетъ быть рѣчь лишь при оккультномъ обученіи; иначе объ этомъ не сообщается.

Ясно воспринимаемыми станутъ предметы и существа духовнаго міра для человѣка лишь тогда, когда онъ дѣлается способнымъ проводить огонь Кундалини черезъ свое эфирное тѣло, чтобы освѣщать ихъ этимъ огнемъ.

Изъ этого видно, что сознавать предметъ духовнаго міра можно лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы самъ человѣкъ наводилъ на нихъ духовный свѣтъ. Въ дѣйствительности „Я", вызывающее этотъ свѣтъ Кундалини, живетъ совсѣмъ не въ физическомъ тѣлѣ человѣка, а внѣ его, какъ уже сказано было выше. Органъ сердца— лишь область, въ которой человѣкъ можетъ вызвать къ дѣятельности этотъ огонь. Если бы онъ загорался не здѣсь, то вызванныя черезъ его посредство духовныя воспріятія не имѣли бы связи съ физическимъ міромъ. Задача человѣка въ томъ и состоитъ, чтобы

все высшее духовное перевести на физическій міръ, заставивъ *черезъ себя* духовное воздѣйствовать на физическое.

Органъ сердца есть прежде всего тотъ проводникъ, черезъ который „высшее я" превращаетъ „чувственное я" въ свое орудіе, и благодаря сердцу управляетъ послѣднимъ.

Отношеніе ученика къ вещамъ духовнаго міра совершенно иное, чѣмъ отношеніе чувственнаго человѣка къ явленіямъ міра физическаго. Послѣдній чувствуетъ себя на опредѣленномъ мѣстѣ чувственнаго міра, а предметы воспринимаетъ какъ находящіеся *внѣ его*. Достигшій духовнаго развитія—наоборотъ—чувствуетъ себя какъ бы соединеннымъ съ духовнымъ предметомъ своего воспріятія, какъ бы *внутри* послѣдняго. На самомъ дѣлѣ онъ перемѣщается, онъ странствуетъ въ духовномъ пространствѣ съ мѣста на мѣсто. Вотъ почему на языкѣ оккультизма онъ носитъ названіе „странника". Въ началѣ онъ нигдѣ не чувствуетъ себя дома.—Если бы онъ остался при этомъ странствованіи, онъ не могъ бы вѣрно опредѣлить ни одного предмета въ духовномъ пространствѣ. Какъ въ физическомъ пространствѣ каждый предметъ или мѣсто опредѣляется только потому, что имѣется точка отправленія, такъ же должно быть и въ высшемъ мірѣ. И тамъ надо отыскать мѣсто отправленія, которымъ бы можно было духовно овладѣть.

Въ этомъ мѣстѣ нужно основать свою духовную родину, и тогда уже все остальное поставить къ ней въ опредѣленное отношеніе. Совершенно также и человѣкъ, живущій въ физическомъ мірѣ, пріурочиваетъ все къ представленіямъ своей физической родины. Берлинецъ невольно описываетъ Лондонъ иначе, чѣмъ парижанинъ. Но все же съ духовной родиной дѣло обстоитъ иначе, чѣмъ съ физической. Въ этой послѣдней человѣкъ родится непроизвольно, тамъ во время юности онъ инстинктивно воспринимаетъ рядъ представленій, при помощи которыхъ всѣ явленія освѣщаются для него ея свѣтомъ. Но духовную родину человѣкъ образуетъ для себя самъ съ полнымъ сознаніемъ и судитъ онъ, исходя изъ нея, съ полнѣйшей свободой.—Это строительство духовной родины на языкѣ оккультизма называется „построить хижину".

Духовное зрѣніе на этой ступени простирается прежде всего на духовные „противообразы" *) физическаго міра, поскольку эти противообразы находятся въ астральномъ мірѣ. Въ этомъ мірѣ

*) Всякая вещь имѣетъ въ духовной сферѣ какъ бы свой противоположный полюсъ, духовную часть своего существа, скрытую отъ физическихъ органовъ воспріятія. Въ этомъ смыслѣ надо понимать слово „противообразъ". Примѣч. перев.

находится все то, что по своей сущности соотвѣтствуетъ человѣческимъ вожделѣніямъ, чувствамъ, похотямъ и страстямъ. Ибо во всѣхъ окружающихъ человѣка чувственныхъ вещахъ заключаются также и силы, родственныя съ человѣческими. Напримѣръ, кристаллъ принимаетъ свою форму подъ вліяніемъ силъ, которыя для высшаго воспріятія представляются такимъ же стремленіемъ, какое дѣйствуетъ и въ человѣкѣ. Подобныя же силы дѣйствуютъ и въ растеніи, прогоняя растительный сокъ по его сосудамъ, способствуя расцвѣтанію цвѣтовъ и разверзанію сѣмянныхъ коробочекъ. Всѣ эти силы пріобрѣтаютъ для развитыхъ духовныхъ органовъ воспріятія форму и цвѣтъ также, какъ предметы физическаго міра имѣютъ форму и цвѣтъ для физическаго глаза. Ученикъ на описанной ступени своего развитія видитъ не только кристаллъ и растеніе, но также и дѣйствующія въ нихъ духовныя силы. И онъ видитъ животныя и человѣческія влеченія не черезъ физическія проявленія ихъ обладателей, но также непосредственно какъ физическіе предметы, какъ онъ видитъ столы и стулья на землѣ. Всѣ инстинкты, влеченія, желанія и страсти животнаго или человѣка видимы въ видѣ астральнаго облака, въ которое окутано испытывающее ихъ существо, въ видѣ ауры этого существа.

Далѣе ясновидецъ на этой ступени своего развитія воспринимаетъ также и вещи, которыя недоступны чувственному воспріятію.

Онъ можетъ, напримѣръ, видѣть астральное различіе между пространствомъ, наполненнымъ людьми, обладающими преимущественно низкими чувствами, и такимъ, въ которомъ присутствуютъ люди съ высокимъ настроеніемъ. Въ больницѣ не только физическая, но и духовная атмосфера совершенно отлична отъ той, которая наполняетъ танцовальный залъ. Торговый городъ имѣетъ иной астральный воздухъ, чѣмъ университетскій.

Вначалѣ подобныя воспріятія у человѣка, сдѣлавшагося ясновидящимъ, лишь слабо развиты, но постепенно они пробуждаются вполнѣ.

Высшее пріобрѣтеніе ясновидца, достигшаго описанной ступени, состоитъ въ томъ, что ему дѣлаются видимы астральныя воздѣйствія животныхъ и человѣческихъ стремленій и страстей. Дѣйствіе, исполненное любви, сопровождается инымъ астральнымъ явленіемъ, чѣмъ дѣйствіе, порожденное ненавистью.

Чувственное вожделѣніе вызываетъ кромѣ себя еще и безобразный астральный „противообразъ"; наоборотъ, высоко настроенное чувство даетъ прекрасный противообразъ. Эти противо-

образы во время физической жизни человѣка видимы лишь слабо. Ибо ихъ сила умаляется жизнью въ физическомъ мірѣ. Напримѣръ, желаніе какого-либо предмета, кромѣ своего собственнаго отраженія, вызываетъ въ астральномъ мірѣ еще и соотвѣтствующій „противообразъ". Но если желаніе удовлетворяется, или если предвидится такое удовлетвореніе, противообразъ будетъ въ такомъ случаѣ имѣть только самое слабое очертаніе. Своего полнаго отраженія оно достигаетъ только послѣ смерти человѣка, когда душа, повинуясь своей природѣ, все еще питаетъ желанія, но удовлетворить ихъ уже не можетъ, за отсутствіемъ и самаго предмета желанія и соотвѣтствующаго физическаго органа. Человѣкъ, любившій вкусно поѣсть, будетъ также и послѣ смерти стремиться къ вкусовымъ ощущеніямъ. Но теперь ему недостаетъ возможности удовлетворить свою страсть, такъ какъ у него болѣе нѣтъ нёба. Вслѣдствіе этого, желаніе вызываетъ къ жизни особенно яркій „противообразъ", который и приноситъ мученія душѣ. Эти испытанія, переносимыя благодаря „противообразамъ" низшей человѣческой природы послѣ смерти, называются переживаніями въ „Кама-локѣ", иначе въ области желаній. Они исчезаютъ только тогда, когда душа вполнѣ освободилась отъ всѣхъ влеченій, направленныхъ на физическій міръ. Тогда только душа восходитъ въ высшую область (Деваканъ).

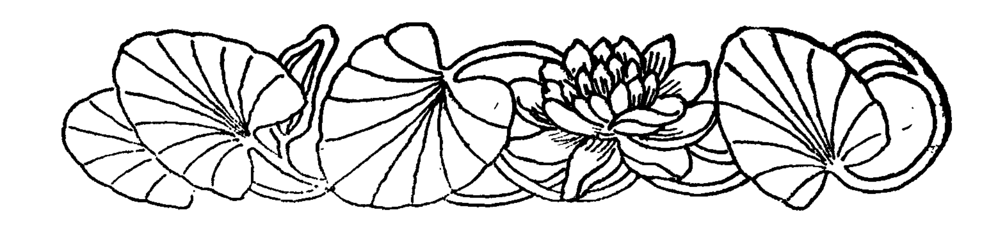
Но, хотя эти „противообразы" у физически живого человѣка и слабы, они все же существуютъ и сопровождаютъ его астрально, подобно тому, какъ комету сопровождаетъ ея хвостъ. И ясновидящій можетъ ихъ видѣть, если онъ достигъ соотвѣтствующей ступени развитія.

Далѣе подобныхъ переживаній ученикъ, стоящій на этой ступени развитія, еще не можетъ пойти. Отсюда онъ долженъ подняться на болѣе высшую степень. О дальнѣйшемъ развитіи будетъ сказано въ слѣдующей главѣ, а также и о переживаніи, которое носитъ названіе „охранителя порога".

Пер. В. Лалетинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ св. писаній Востока.

Кена-Упанишада [1]).

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

I. Природа Брамы.

Ученикъ:

1. Кѣмъ двинутый движущійся духъ приступаетъ къ своимъ дѣламъ? Кѣмъ сформированное производится дыханіе жизни? Кѣмъ произведенное производятъ раздѣльное слово? Какой богъ утверждаетъ и управляетъ зрѣніемъ и слухомъ? [2])

Учитель:

2. Это — тотъ, который есть слухъ уха [3]), дуновеніе духа, звукъ голоса, зрѣніе глаза; когда онъ высвободилъ всеобщій принципъ изъ чувствъ [4]), тогда мудрые, уходя изъ этого міра, становятся безсмертными.

3. Туда—на мѣсто безсмертія—глазъ никогда не достигаетъ, слово не доходитъ туда, и—духъ также. Мы не знаетъ, мы не различаемъ, какимъ образомъ можно было бы объяснить это бытіе.

---

[1]) Переведено изъ „Le Museon" Revue internationale № 1, 1882 по переводу C. de Harlez.—Упанишада — названіе особаго рода лекцій или разсужденій, означаетъ положеніе ученика, сидящаго у ногъ брамана. (Ср. ὑπό, nie(der), sed(ere). Кена—кѣмъ? Это первое слово отрывка. Также называется talavakâva по имени одной философской школы.

[2]) Это—основныя чувства согласно древней философіи браманической Индіи. Каждое изъ нихъ разсматривается какъ сила, имѣющая свое собственное бытіе и производящее дѣйствіе въ тѣхъ, кто обладаетъ ею.

[3]) Основаніе этой истины — пантеистическое. Брама—всеобщее бытіе—дѣйствуетъ во всѣхъ существахъ при посредствѣ силъ, произведенныхъ въ нихъ имъ самимъ и которыя только—отблескъ его сущности.

[4]) Т. е. когда всеобщее бытіе выдѣлилось изъ частичныхъ явленій; или— когда оно высвободило индивидуальное бытіе изъ частичныхъ чувствъ.

4. Оно не похоже на все то, что извѣстно; оно даже превосходитъ все, что неизвѣстно. Такимъ мы узнали его отъ нашихъ предшественниковъ, открывшихъ намъ его такимъ.

5. То, что не дѣлается слышнымъ чрезъ рѣчь, но при помощи котораго слышенъ звукъ голоса, знай, что это и есть Брама, а не тотъ, кого почитаетъ толпа.

6. То, что не можетъ быть понято умомъ, но которымъ—какъ говорятъ—зачатъ умъ, знай, что это и есть Брама, а не то, что обожаютъ.

7. То, что не видимо глазомъ, но при помощи чего видятъ глаза, знай, что это и есть Брама, а не то, что почитаютъ.

8. То, что не слышимо ухомъ, но которымъ созданъ слухъ, знай—что это и есть Брама, а не то, что почитаютъ.

9. То, что не дышетъ чрезъ жизненное дыханіе, но которымъ производится дыханіе, знай, что это и есть Брама, а не то, что почитаютъ.

II.

1. Если ты думаешь: „я знаю это хорошо", то ты, я думаю, мыслишь ошибочно объ этой природѣ Брамы, которую ты знаешь. Она не можетъ быть познана даже богами [1]).

2. Ученикъ: Я не думаю, чтобы я зналъ ее въ совершенствѣ, и не думаю, чтобы я ее не зналъ совершенно [2]). Кто между нами знаетъ это, знаетъ ее и не думаетъ, что не знаетъ ея.

3. Учитель: по истинѣ она извѣстна тому, кто не познаетъ ее, и неизвѣстна тому, кто познаетъ ее [3]). Она не понята тѣми, кто понимаетъ ее [4]); и она понимается тѣми, кто не понимаетъ ее.

4. Думаютъ, что она извѣстна людямъ просвѣщеннымъ, и благодаря этому они достигаютъ безсмертія. При посредствѣ принципа индивидуализаціи достигаютъ они могущества способностей; при посредствѣ знанія пріобрѣтаютъ безсмертіе.

5. Если кто-нибудь знаетъ это, то это для него—преимущество [5]); если же онъ не знаетъ этого, то это — главная причина бѣдствія. Мудрые, которые размышляли о природѣ существъ и узнали ихъ истинную сущность, дѣлаются, уходя изъ этого міра, безсмертными.

[1]) Разсужденіе, намекающее на вторую часть этой же Упанишады.

[2]) Слѣдовательно—я не знаю, знаю ли я ее или нѣтъ, ибо зная ее дурно, я нахожусь въ положеніи того, кто ее не знаетъ.

[3]) Какъ бытіе, различимое благодаря своимъ опредѣленнымъ качествамъ.

[4]) То, что представляетъ собой индивидуальное бытіе—„я".

[5]) Это знаніе дѣлаетъ его природу совершенной и его самого способнымъ къ единенію съ Брамой и—не возродиться вновь.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

III. Явленіе Брамы. Боги не могутъ его понять.

1. Брама совершилъ побѣду для спасенія боговъ [1]). Отъ этой побѣды Брамы боги возгордились. Они разсуждали такъ: „эта побѣда для насъ, это величіе принадлежитъ намъ самимъ".

2. Брама узналъ объ этомъ высокомѣріи боговъ и внезапно предсталъ предъ ними. Но они не узнали его и закричали: „что это за чудесное явленіе?"

3. Они сказали Агни: „постарайся узнать, что это за явленіе?"

4. Я сдѣлаю такъ, отвѣтилъ богъ и подбѣжалъ къ этому чуду. Оно же сказало ему: „кто—ты?" Я—Агни или Ятаведи [2]).

5. „Какимъ могуществомъ обладаешь ты?" - Я могу сжечь все, что существуетъ на землѣ.

6. Брама далъ ему сухую траву и сказалъ: „сожги это!" И хотя Агни набросился на нее со всей своей силой, онъ не могъ ее сжечь. Тогда онъ возвратился обратно. Я не могъ узнать,—сказалъ онъ,—что это за чудо.

7. Тогда боги сказали Вайю (вѣтру). Вайю! иди—ка, узнай это чудо. Хорошо, сказалъ Вайю.

8. И онъ быстро пришелъ къ чудесному явленію. А оно: „кто ты?" Я—Вайю или Матарисва [3]).

9. „Какая сила въ тебѣ?" Я могу сокрушить все, что есть на землѣ.

10. Брама далъ ему сухую траву. „Сокруши это!" Вайю набросился на нее со всей своей силой, но не могъ наклонить ее. Тогда онъ тоже воротился обратно. Я не могу понять, что это такое,—сказалъ онъ богамъ.

11. Тогда они сказали Индрѣ: могущественный богъ, иди, разузнай объ этомъ чудесномъ видѣніи! Я это сдѣлаю, сказалъ онъ, и направился къ нему. Но оно исчезло предъ нимъ.

---

[1]) Боги въ пантеистической Индіи—какъ и человѣкъ—суть только эманаціи великаго „Все", и не знаютъ своего принципа.

[2]) Обычный эпитетъ Агни; смыслъ его точно неизвѣстенъ. Онъ можетъ означать: тотъ, кто знаетъ, или - владѣетъ существами. Потому что огонь проникаетъ все.

Кена-Упанишада находится въ Сама-Ведѣ.

[3]) Matariçva - „развивающійся въ груди своей матери". Это - характерный эпитетъ вѣтра, образующагося въ тучѣ и ее раздувающій.

12. Тогда Индра въ этомъ мѣстѣ атмосферы нашелъ великолѣпно одѣтую женщину — Уму Гаймати [1]). Онъ спросилъ ее, что это за чудесная форма?

IV.

1. Это—Брама, отвѣчала она,—это чрезъ побѣду этого Брамы вы достигли этого состоянія величія. Такимъ образомъ Индра узналъ, что это былъ Брама.

2. Такимъ образомъ эти три бога: Агни, Вайю, Индра возвысились надъ прочими богами, ибо они совсѣмъ близко подошли къ нему; ибо они первые узнали, что это былъ Брама.

3. Такимъ образомъ Индра превзошелъ всѣхъ боговъ, ибо онъ подошелъ къ Брамѣ ближе чѣмъ всѣ прочіе, ибо онъ первый изъ всѣхъ узналъ, кто это былъ.

4. Таково было проявленіе Брамы; такъ онъ сверкнулъ молніей; такъ онъ исчезъ.

5. Таково высочайшее божество; чрезъ него — духъ достигаетъ въ извѣстной степени верховной души; чрезъ него созданіе безъ труда познаетъ (вспоминаетъ) себя.

6. Его имя достойно обожанія [2]). Обожаемое, оно должно быть предметомъ культа. Тотъ, кто знаетъ его — желаемъ всѣми существами.

Заключеніе.

7. Ты меня просилъ: Учитель, скажи мнѣ Упанишаду! Вотъ она. Я ее тебѣ сказалъ всю, Упанишаду Брамы [3]).

8. Ея основаніе—воздержаніе, самоумерщвленіе, святое дѣйствіе [4]). Ея царство—Веды, добавочныя священныя книги [5]); истина.

9. Кто знаетъ ее—Упанишаду—то, уничтоживъ дурную природу, приходитъ навсегда въ безконечное небо, въ міръ торжества [6]).

Перевелъ **О. О. Радецкій.**

---

1) Жена Сивы, представляющая его могущество и мудрость. Какъ таковая, она является посредницей между низшими богами и великими богами: Брамой и Шивой. Она—жительница или — дочь Гималайи (Haimavati), великой горы, проникающей въ небо.

2) Tadvanam—т. е. обожаніе, культъ „Его“, всемірнаго бытія (tad=τό).

3) Излагающую природу Брамы и его непонятность.

4) Эти силы дѣлаютъ человѣка способнымъ узнать эти истины и понять ихъ.

5) Онѣ—резюмэ всѣхъ священныхъ книгъ. Здѣсь—три термина перечисленій въ противоположность тремъ предыдущимъ.

6) Который достигается побѣдой надъ страстями.

Святогоръ.

„Познай самого себя“ сказалъ „Сократъ“.

„То, что наверху—то и внизу“ гласитъ герметическая мудрость.

Подобное познается подобнымъ.

Солнце отражается въ каплѣ росы, и весь сложный, многообразный міръ—какъ въ каплѣ—отражается въ человѣкѣ. Хочешь познать міръ—познай себя, хочешь познать себя — изучай міръ, потому—что подобное познается подобнымъ.

Изслѣдуя соотношенія сторонъ и угловъ въ треугольникѣ, начертанномъ на листѣ бумаги, можно измѣрить разстоянія, отдѣляющія насъ отъ звѣздъ; то что наверху, то и внизу.

Но между человѣкомъ и вселенной, клочкомъ бумаги и далекими солнцами есть цѣлый рядъ промежуточныхъ ступеней, гдѣ дѣйствуютъ тѣ-же законы; существуютъ тѣ-же соотношенія. И уловивъ законъ, дѣйствующій на одной изъ этихъ ступеней, мы тотчасъ можемъ его приложить при изученіи явленій другой ступени. Такимъ образомъ, каждое изученное явленіе, къ какой-бы области оно ни относилось, должно приблизить насъ къ познанію міра и къ познанію самихъ себя. Однимъ родомъ такихъ восходящихъ отъ человѣка ступеней является семья, племя, народъ, раса.

Въ каждомъ изъ насъ помимо чертъ, характеризирующихъ въ немъ отдѣльнаго индивида, есть и другія—черты семьи, народа, племени. Каждый народъ тоже, вѣдь, является опредѣленной, вполнѣ индивидуальной личностью, одаренной собственной, вполнѣ индивидуальной душой.

Какъ ручей сохраняетъ свою самость лишь до своего впаденія въ рѣку, которую онъ питаетъ, такъ и душа человѣческая, сливаясь съ душой своего народа, доходитъ до своего индивидуальнаго предѣла, за которымъ человѣческаго лица уже нѣтъ, а взамѣнъ него вырисовывается другое лицо — лицо народа. И въ немъ, въ этомъ лицѣ, все случайное, извилистое, теряется, дѣлается ровнымъ и цѣльнымъ, хотя каждый узнаетъ въ немъ себя, потому что здѣсь всѣ въ единомъ и одинъ во всѣхъ.

Въ этомъ фактѣ предчувствуется сущность нашего послѣдняго сліянія съ Божествомъ—возвращеніе въ лоно отчее, когда, не исчезнувъ какъ сознаніе, мы все-же сольемся съ Единымъ, составляя съ Нимъ одно, неотдѣлимое уже цѣлое.

„Да будутъ всѣ Едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино. (Іоанна XVII, 21).

Поэтому, кто хорошо знаетъ свой народъ, кто изучилъ его характерныя свойства—тотъ на пути къ познанію самого себя, и къ познанію Бога. Сознаніе, хотя и смутное, необходимости подобнаго самоопредѣленія лежитъ въ каждомъ народѣ, но проявляется оно лишь въ наиболѣе яркія годины крайняго духовнаго напряженія предъ надвигающейся или побѣжденной опасностью. Въ эти годины на общемъ сѣромъ фонѣ массъ вырисовывается одинъ образъ, одинъ человѣкъ, вбирающій въ себя, какъ въ фокусѣ, отдѣльные разрозненные лучи и сливающій ихъ во едино. Этотъ человѣкъ становится духовнымъ центромъ, питаемымъ всей народной массой, онъ выростаетъ зъ высоту и ширину, теряя индивидуальныя черты, упрощаясь и систематизируясь. Онъ уже сверхчеловѣкъ, герой, богатырь.

Вотъ почему народный эпосъ всегда служилъ неизсякаемымъ источникомъ вдохновенія и научнаго изслѣдованія: черпая изъ него, мы черпаемъ изъ цѣлины народной души, изъ самыхъ нѣдръ народной толщи.

Все, что было сильнаго и своеобразнаго въ народѣ — должно было найти свое отраженіе и въ его эпосѣ. Поэтому, если запечатлѣлись въ немъ даже внѣшніе обычаи, обряды, повѣрья, въ немъ же должны найти себѣ мѣсто и великія, какъ общечеловѣческія, такъ и индивидуально народныя мистическія переживанія, полныя глубокаго смысла и для каждаго изъ насъ. Для насъ русскихъ, въ особенности потому, что нашъ народъ, что бы тамъ ни говорили—прежде всего народъ мистикъ, живущій не столько практическимъ умомъ, сколько исканіемъ правды, исканіемъ Бога и живого, непосредственнаго общенія съ Нимъ.

Дѣйствительно, достаточно внимательно всмотрѣться въ нѣкоторыя наши былины, чтобъ увидѣть, скорѣе почувствовать, огромный, къ сожалѣнію совершенно необработанный въ этомъ направленіи матеріалъ.

Въ новомъ освѣщеніи, въ новой переработкѣ предстанутъ старые, какъ міръ—миѳы.

Добрыня Никитичъ, спасая княжну Забаву отъ Змѣища Горынища—не тотъ-же ли Персей, освобождающій вѣчную женственность нашей души отъ пожирающей пасти дракона чувственнаго міра? Эта борьба—борьба всего человѣчества.

Но вотъ встаютъ другіе темные, загадочные образы и между ними, совершенно особнякомъ, жуткій и величавый Святогоръ—богатырь, что „выше лѣса стоячаго, головой упирается подъ облако ходячее".

Онъ не входитъ въ семью богатырей, онъ чужой, особенный. Только и знаемъ мы про него, что живетъ онъ на горахъ высокихъ *и не ѣздитъ на Святую Русь.* Само имя его составляетъ загадку. Нѣкоторые ученые хотѣли произвести его отъ Святъ (святого) Егора, но собственныя слова богатыря, обращенныя къ Ильѣ Муромцу

„А поѣздимъ-ка со мной да по Святымъ горамъ"

указываютъ, что слово „святой" относится не къ личности, а къ мѣстности.

Въ другомъ варіантѣ *) говорится:

На крутыхъ горахъ, на Святыхъ горахъ
Великанъ богатырь Святогоръ *сидѣлъ*

Что это—Аѳонъ—знаменитая гора христіанъ? Имѣется-ли въ виду Святогорская Успенская обитель **), или, наконецъ, священныя горы Гималайскія, исконное обиталище великихъ учителей Востока?

Я склоненъ къ послѣднему.

Вѣдь Святогоръ самъ и всѣми по справедливости относится къ разряду богатырей старшихъ, т. е. наиболѣе древнихъ. Слѣдовательно, начало былины переходитъ уже за христіанскій періодъ нашей исторіи, ко временамъ языческимъ; христіанскія же бытовыя черточки—обмѣнъ крестами при побратимствѣ и др. — мы вправѣ отнести къ позднѣйшимъ наслоеніямъ, столь частымъ въ

*) См. „Книгу былинъ" Рыбникова. СПБ. 1880, стр. 125.
**) Харьков. губ., Изюм. уѣзда, у рѣки Донца.

нашемъ былинномъ эпосѣ. Что касается Аѳона, то это одинокая гора—здѣсь же, въ былинѣ, говорится о „горахъ“, что вызываетъ представленіе о цѣломъ хребтѣ.

О Святогорскихъ отшельникахъ, положившихъ основаніе Святогорскому монастырю, преданіе не восходитъ далѣе XV вѣка, да и самая мѣстность едва ли можетъ вызвать представленіе о „горахъ высокіихъ и щелейкахъ толстыихъ“, которыхъ, какъ извѣстно, на Руси и вовсе нѣтъ.

Связь наша съ Аѳономъ, сколько мнѣ извѣстно, тоже начинается лишь съ Антонія Печерскаго (XI в.), Индія же всегда являлась завѣтной страной, куда не разъ богатыри хаживали:

„Дружина спитъ, Вольга не спитъ,
„Разбудилъ онъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ;
„Гой еси, вы, дружина хоробрая!
„Не время спать, пора вставать!
„Пойдемъ ко *Царству Индѣйскому*“.

Владиміръ, князь стольный Кіевскій, „во ту индѣюшку богатую“ посылалъ оцѣнщиковъ. Ѣзживалъ туда и Добрыня Никитичъ*).

Наконецъ, самъ Святогоръ пребываетъ, повидимому, въ состояніи близко напоминающемъ samadhi индійскихъ іоговъ**).

Онъ „сидитъ“ на горахъ, а если ѣдетъ, то „ѣдетъ самъ *подремливаетъ* сидючи“.

И эта „дремота“ настолько глубока, что Святогоръ не замѣчаетъ приближенія другого богатыря—Ильи, не чувствуетъ даже его удара, лишь за третьимъ разомъ какъ бы безсознательно захватываетъ его рукой и съ конемъ прячетъ въ карманъ, гдѣ тотъ и остается цѣлыхъ *три* дня, пока Святогоровъ конь не заявляетъ, что не подъ силу ему возить двухъ богатырей, да еще съ конемъ.

Проще говоря, Святогора и впрямь „земля“, т. е. низшій, физическій планъ, ужъ не выноситъ, отчего и „не придано“ ему „ѣздить на святую Русь“, а „позволено“ ѣздить лишь по „горамъ да по высокіимъ и по щелейкамъ по толстыимъ“.

Не удивительно поэтому, что „младшій богатырь“ — Илья Муромецъ, принявъ послѣ тридцатилѣтняго испытанія—„сидѣнія“ посвященіе отъ каликовъ перехожихъ, всегда почти олицетворя-

*) Былина о Дюкѣ Степановичѣ.

**) *Прим. Ред.:* Очевидно, авторъ здѣсь имѣетъ въ виду не іога, а просто мага. Весь подвигъ іога имѣетъ одну цѣль: *сліяніе* съ Богомъ. Картины же, которыя вырисовываются въ дальнѣйшемъ изложеніи автора, рисуютъ намъ какъ разъ обратное явленіе.

ющихъ у насъ учителей высшаго порядка, — ѣдетъ къ Святогору поучиться всякимъ „ухваткамъ богатырскіимъ“, набраться у него силы. Святогоръ—дѣйствительно живое воплощенье силы, достигнутой знаніемъ:—онъ бы „всю землю поднялъ“. Онъ больше титана, онъ почти полубогъ, и могъ бы имъ быть, если бъ что-то темное, иеуловимо жуткое не омрачало его облика.

„Сила то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается:
А и грузно ему отъ этой силушки,
Грузно будто отъ тяжкаго бремени“.

И невольно вспоминаются тихія проникновенныя слова Христа: „Иго Мое благо, и бремя Мое легко“. А святогорово иго, его сила грузиа, тяжка, ее и земля черезъ силуноситъ“; не носитъ, потому, что сила эта отнята отъ всего космоса, не служитъ ему, а порабощаетъ, не въ соединеніи, а въ разъединеніи, не въ гармоніи, а въ бунтѣ.

Тамъ, у Христа: „Я въ Отцѣ Моемъ, и вы во Мнѣ, и Я въ васъ“ (Іоаннъ 14,20)—полное единство, полное сліяніе, здѣсь же:

„Кабы мнѣ да земную тягу найти,
Утвердилъ-бы въ небеси кольцо,
Привязалъ-бы къ кольцу цѣпь желѣзную,
Притяиулъ-бы небо къ землѣ-матушкѣ,
Повернулъ-бы землю краемъ вверхъ
И смѣшалъ-бы земныхъ со небесными“.

Не слилъ-бы, а смѣшалъ, перепуталъ, вернулъ-бы къ первобытному хаосу.

И роковое нарушеніе Сильнымъ вѣковѣчнаго закона Гармоніи и Любви вызываетъ тотчасъ столь же роковое дѣйствіе закона кармы въ видѣ маленькой сумочки переметной, на которую наѣзжаетъ онъ въ степи.

„Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку—она не скряиется,
Двииетъ переметомъ ее—не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукой, не подымется.
„Миого годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
А этакого чуда не наѣзживалъ,
Такого дива не видывалъ:
Маленькая сумочка, переметная
Не скрянется, не сворохнется, не подымется“?
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣими руками,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ“.

Всѣ былины о сумочкѣ обыкновенно кончаются смертью богатыря, но чрезвычайно интересное и красивое послѣсловіе приводитъ въ своемъ сборникѣ Рыбниковъ:

На скамью кладетъ Добрынюшка гусельники
Говоритъ самъ таковы слова:
„Гдѣ угрязнулъ Святогоръ въ сыру землю,
Тутъ, какъ, баютъ, онъ и встать не могъ,
Тутъ было ему и преставленіе:
Наказалъ Господь за похвальбу великую".
Говоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:
А неправильно же баютъ такъ.
Ко Святымъ горамъ онъ поворотъ держалъ,
И *понынѣ* на Святыхъ горахъ живетъ,
Да не смѣетъ долу опущатися.
Разъѣзжаетъ лишь по щелейкамъ по каменнымъ".

Здѣсь кара принимаетъ другую, болѣе близкую съ дѣйствительностью форму. Смерть, вѣдь, только освобожденіе, сбрасываніе земной, физической оболочки; незнающимъ она страшна, для знающихъ—лишь отдыхъ, награда. Настоящая кара не смерть, а обособленіе, замыканіе въ кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода.

И по нынѣ на Святыхъ горахъ живетъ,
Да не смѣетъ долу опущатися.

Такимъ образомъ нашъ языческій былинный эпосъ ставитъ гордыню „похвальбу великую" главнымъ камнемъ преткновенія человѣческой эволюціи. Гордыня сгубила свѣтозарнаго сатану, у насъ гордыня губитъ Святогора, она же служитъ причиной гибели „переводитъ" и всѣхъ богатырей на Руси — превращаетъ ихъ въ камни.

Нѣтъ силы человѣческой, которой они не побѣдили бы, а потому

Подавай намъ силу не здѣшнюю
Мы и съ тою силою, витязи, справимся!"
Какъ промолвилъ онъ *) слово неразумное
Такъ и *слетѣли* двое воителей,
И вѣщали они громкимъ голосомъ:
„А давайте съ нами, витязи, бой держать.
„Не глядите что насъ двое, а васъ семеро.
Не узнали витязи воителей.

Налетаетъ на нихъ Алеша Поповичъ, рубитъ ихъ со всего плеча. „Стало четверо и живы всѣ".

*) Алеша Поповичъ.

Рубитъ ихъ Илья Муромецъ „стало вдвое больше и живы всѣ“.

Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть---рубить,
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки
Намахалися ихъ плечи могучія,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные...
А сила все растетъ и растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Испугались могучіе витязи:
Побѣжали *въ каменныя горы*,
Въ темныя пещеры:
Какъ побѣжитъ витязь къ горѣ,
Такъ и *окаменѣетъ*;
Какъ подбѣжитъ другой,
Такъ и *окаменѣетъ;*
Какъ подбѣжитъ третій,
Такъ и *окаменѣетъ*.
Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси.

Невольно здѣсь напрашивается на сравненіе одно мѣсто изъ тріадъ бардовъ, тѣмъ болѣе интересное, что Кельты, по выходѣ своемъ изъ Азіи, двигались съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря къ Балтійскому, т. е. проходили по мѣстности, гдѣ слагались наши былины и появилась впослѣдствіи „мать русскихъ городовъ“ Кіевъ. Вотъ оно: „Тремя вещами человѣкъ обязательно снова опускается до Абреда (кругъ перевоплощенія), даже если во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ привязанъ къ добру: *черезъ гордость* падаетъ до Annwfn (Бездна), криводушіемъ до степени соотвѣтствующаго униженія; отсутствіемъ милосердія до степени подходящаго животнаго. Оттуда онъ снова путемъ перевоплощенія идетъ къ человѣчеству“ *).

При этомъ кругу Annwfn принадлежала „наименьшая возможная степень всякой жизни“, именно царство минераловъ *камни*.

Замѣчательнѣе всего, что въ то время, какъ языческая Русь со всей силой убѣдительности указывала на отрицательную грѣховную сторону гордыни, Русь христіанская особенно подчеркиваетъ положительное, творческое начало противоположнаго качества, а именно Смиренія, ставшаго качествомъ характерно русскимъ. „Въ красотѣ твоей *смиренной*“, говоритъ о Руси Тютчевъ.

---

*) См. „l'Immortalité“ par Alfred Dumesnil Paris 1861,

Въ то время какъ западный рыцарь спѣшитъ сообщить поверженному врагу свое имя, дабы разнеслась слава о немъ, Илья Муромецъ, побѣдивъ татарскихъ царевичей, наказываетъ имъ только чинить „вездѣ такову славу, что святая Русь не пуста стоитъ,— на святой Руси есть сильны могучи богатыри". „Не намъ, не намъ, а Имени Твоему" тысячу лѣтъ спустя Царь-мистикъ выбивалъ на русскихъ медаляхъ въ память побѣды надъ врагомъ.

Смиреніе—главное оружіе, главная сила нашихъ русскихъ святыхъ и чтится какъ Божественная наука (Нилъ Сорскій).

Здѣсь точно смутное воспоминаніе цѣлаго народа, скорѣе цѣлой расы, о чемъ то далекомъ, дѣйствительно случившемся и наложившемъ на его психику неизгладимую печать. Душа расы словно хочетъ напомнить самой себѣ о какой то вѣчно близкой духовной опасности, удержать отъ заглядыванія въ когда то уже извѣданную бездну.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ и другая, не менѣе извѣстная, не менѣе трагичная версія о Святогоровой гибели.

Научивъ пришедшаго къ нему Илью Муромца „всякимъ ухваткамъ богатырскіимъ", Святогоръ разъѣзжаетъ съ нимъ по горамъ.

Ѣздили да забавлялися
Находили тутъ они чудо-чудное,
Чудо-чудное да диво дивное:
Находили плащаницу *) да огромную

И впервые Святогоръ *искушаетъ* Илью:

„Ты ложись-ка въ плащаницу да въ огромную,
Что она тебѣ поладится-ль?"
А ложился было въ гробъ да въ этотъ огромный,
А этотъ гробъ да Ильѣ Муромцу да дологъ есть".

Тогда ложится самъ Святогоръ и проситъ Илью захлопнуть крышку**).

Илья, самый чистый представитель нашего древняго оккультнаго братства богатырей могучихъ, чуетъ страшную опасность, которой подвергаетъ себя Святогоръ, и между богатырями начинается діалогъ, полный глубокаго трагическаго смысла.

Гуломъ отдаленнаго грома доносятся вѣщія слова Ильи:

„Не закрою я тебя, мой большій братъ,
Тою крышкою дубовою, гробовою,
Шутку шутишь ты не малую
Въ *живыхъ собрался хоронить себя*".

*) Гробъ.

**) По Рыбакову. См. также собраніе былинъ Гильфердинга.

Но Святогоръ самъ связалъ роковую цѣпь событій и судьба его должна исполниться („кому въ этомъ гробѣ лежать—тотъ въ него и ляжетъ"). „Хорошо въ этомъ гробѣ жить" говоритъ онъ и самъ закрываетъ надъ собой крышку.

Но когда хочетъ затѣмъ встать, то подняться уже не въ силахъ—кругъ замкнулся. Святогоръ уже не побѣдитель, а плѣнникъ собственнаго гордаго безумія. Сознавъ роковую ошибку, онъ молитъ Илью его спасти, разбить гробъ *его собственнымъ Святогора мечемъ,* и чтобъ придать Ильѣ силу, вдыхаетъ въ него черезъ щель свой богатырскій духъ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, этотъ способъ только ухудшаетъ дѣло;—вмѣсто спасенія, послѣ каждаго удара богатырскаго меча ставится новый желѣзный обручъ.

Воззывалъ богатырь Святогоръ опять:

„Душно, душно мнѣ, мой меньшій братъ,
Ты руби-ка вдоль по крышкѣ по гробовой".
Рубитъ старый вдоль по крышкѣ по гробовой,
Отъ ударовъ искры сыплются,
А куда ударитъ богатырскій мечъ,
Тамъ желѣзный обручъ ставится.

„Задыхаюсь я, мой меньшій братъ", въ послѣдній разъ взываетъ Святогоръ и снова хочетъ дохнуть на Илью, но тотъ уже отказывается отъ наслѣдія всей роковой силы „а то земля и не вынесетъ"—и правъ.

Самъ Святогоръ сознается:

„Хорошо ты сдѣлалъ мой меньшій братъ,
Что послѣдняго наказа не послушался;
Мертвымъ духомъ-бы я на тебя дохнулъ".

Но что это за искушеніе? Что это за сила, бросившая вызовъ „силѣ нездѣшней?

Что это за гробъ, куда она роковой логикой вещей должна лечь.

Кельтская древность снова наводитъ насъ на отвѣтъ легендой о Мерлинѣ.

Мерлинъ—волшебникъ всего запада,—подобно тому, какъ Соломонъ-царь духовъ Востока. Искушеніе является со стороны Водяницы (La dame du lac), соединяемой иногда съ образомъ чародѣйки Вивіаны, которой Мерлинъ повѣдалъ о сдѣланномъ имъ

саркофагѣ. Саркофагъ этотъ, если въ него лечь и произнести опредѣленныя *магическія* заклннанія, закрывается навѣки, и никто уже не въ силахъ его открыть. Прелестница убѣждаетъ Мерлина примѣрить гробъ, но едва влюбленный магъ въ него ложится, женщина произноситъ роковыя слова, крышка захлопывается и Мерлинъ оказывается въ имъ же созданномъ плѣну. При этомъ легенда прибавляетъ очень интересную и важную для насъ подробность: въ плѣну оказывается не только тѣло—оно со смертью Мерлина истлѣваетъ, но и не умирающій его Духъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ пророчествуетъ всѣмъ приходящимъ ко гробу *).

Такимъ образомъ и здѣсь, въ легендѣ о Мерлинѣ, и тамъ въ былинѣ о Святогорѣ, мы встрѣчаемся съ тѣмъ же искушеніемъ *лечь во гробъ*, что, какъ извѣстно, часто служило ритуаломъ принятія въ нѣкоторыя оккультныя братства. Но въ то время какъ за погребеніемъ слѣдовало воскресенье неофита къ новой уже *не личной* жизни, конечное освобожденіе духа отъ послѣднихъ оковъ матеріи для возможности сліянія съ Единымъ Источникомъ вѣчной жизни, здѣсь человѣкъ совершаетъ величайшій изъ доступныхъ ему преступленій—преступленіе противъ Духа, сознательно заключая его въ гробъ *магической* формулой, превращая его тѣмъ самымъ изъ Духа Живого, витающаго по словамъ апостола,—гдѣ хочетъ, въ „Духъ Мертвый"—духъ тлѣна и разложенія.

Конечно тутъ дѣло не въ магіи формулъ и обрядовъ, а въ магіи самоутвердившагося въ собственной силѣ духа, безъ котораго всѣ обряды и формулы лишь огромные могучіе рычаги безъ управляющаго ими механика.

Это я—сверхчеловѣкъ, „сверхчеловѣкъ, а не Отецъ во мнѣ" **), влагаемое Андреемъ Бѣлымъ въ уста Ницше и хоть карикатурное, но выражающее ту же мысль „Человѣкъ—это звучитъ гордо" Максима Горькаго. Но богоборецъ Ницше, борясь, искалъ Бога, требуя и отъ человѣка достойнаго образа и подобія Божества, сверхчеловѣческаго облика. Не то у маленькихъ Ницшіанцевъ, что какъ грибы выросли на стволѣ поверженнаго колоса. Ихъ дерзаніе въ сущности только отголоски все того же стремленія „смѣшать земныхъ съ небесными" и повернуть всю землю краемъ вверхъ, и ни для чего иного, какъ только чтобы посмотрѣть, что

*) Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ между прочимъ упоминается у Аріосто въ его „Rolando-furioso".

**) Вѣсы. 1908. № 8.

изъ этого выйдетъ... Конечно, это имъ не удастся, но „то, что наверху—то и внизу“, а потому то, что внизу не является ли отраженіемъ того, что наверху?

Какъ знать—всѣ эти Санины и прочіе „дерзающіе“—имя же имъ теперь легіонъ—не пріуготовленіе ли пути тому, кто, какъ вампиръ, выпьетъ всѣ эти маленькія душенки, всѣ эти маленькія жалкія силы соединитъ въ одну, *для себя* (а онъ сможетъ это сдѣлать, потому что онѣ, эти силы, тоже утверждали только себя) и съ ореоломъ дѣйствительной, а не призрачной силы на челѣ будетъ творить великія дѣла во имя свое *).

Не знаю. Знаю только, что образъ Святогора намъ данъ не даромъ. Онъ символъ, а символы не умираютъ, какъ не умираетъ то, о чемъ они свидѣтельствуютъ. Исторія повторяется. Западный магъ, сверхчеловѣкъ сковалъ свой духъ въ гробѣ, погубилъ его. Западный титанъ Ницше дерзнулъ собственной силой пройти въ заповѣдныя области—и тотъ же законъ обрушился на него.

Есть версія, по которой Святогоръ, лежа въ гробу, сознаетъ совершенный имъ грѣхъ и проситъ Илью съѣздить къ его, Святогора, отцу,

Къ древнему да батюшкѣ,
Къ древнему да темному,

испросить „вѣчное прощеньеце“ и только, получивъ его, онъ можетъ умереть.

Духъ Мерлина такъ и остался въ заключеніи, духъ же Святогора изъ гроба освобождается этимъ вѣчнымъ прощеніемъ; Русь христіанская—это вѣчное прощеньице—ищетъ у ногъ Христа. Но Христосъ не пришелъ во имя свое, а во имя Отца своего (отъ Іоан. V, 43), потому что Онъ и Отецъ—одно, потому что нѣтъ въ Немъ гордыни, а смиренъ Онъ сердцемъ.

Святогоръ умеръ, но мертвый духъ, которымъ онъ дохнулъ изъ гроба, не умеръ съ нимъ, и даже въ наши дни не мало есть „лизнувшихъ отъ пѣны“, что выступила, какъ гласитъ былина, изъ Святогорова трупа **).

И эта пѣна гордыни, самоутвержденія, пѣна вражды и разобщенности, несомнѣнно должна принести свои плоды и приноситъ уже. И, чуется, близки уже дни, предсказанные Писаніемъ,

*) См. Влад. Соловьева „Краткая повѣсть объ антихристѣ“.
**) См. сборникъ Гильфердинга и Рыбникова.

когда ищущимъ правды Господней придется собрать для борьбы съ грядущимъ княземъ міра сего весь имѣющійся у нихъ запасъ Духа Смиренномудрія, Терпѣнія и Любви.

Е. Кузьминъ.

P.S. Статья была уже переписана и послана въ редакцію, когда мнѣ попалась въ руки книга Н. Бердяева „Новое религіозное сознаніе и общественность“. Тамъ, въ статьѣ „Великій инквизиторъ“, гдѣ авторъ упоминаетъ о Ницше, нѣкоторыя мысли, высказанныя мною въ Святогорѣ, поразительно совпадаютъ съ его мыслями, являясь новымъ доказательствомъ того, что идеи въ буквальномъ смыслѣ „носятся въ воздухѣ“.

Е. К.

Эгоизмъ образуется отъ вниманія къ своимъ внѣшнимъ подвигамъ безъ вниманія къ помысламъ. Кто же начнетъ внимать себѣ истинно, тотъ получитъ неминуемо отъ себя самого самые убѣдительные уроки въ смиреніи. Ибо тогда раскроется, сколько лежитъ нечистоты въ глубинѣ сердца.

(О. Феофанъ).

Человѣкъ грѣшитъ всегда въ нѣкоторомъ самозабвеніи... Грѣшникъ боленъ; онъ всегда мраченъ и какъ-будто боится чего-то.

(О. Феофанъ).

Въ грѣховномъ настроеніи нѣтъ жажды божественнаго.

(О. Феофанъ).

Внутренняя молитва есть плодъ: надо много трудиться, пока она зародится.

(О. Феофанъ).

Итоги молодости всей
Подвелъ я строго и безстрастно,
И совѣсть молвила мнѣ властно:
„Гдѣ жатва жизни? встань и сѣй“!

*
* *

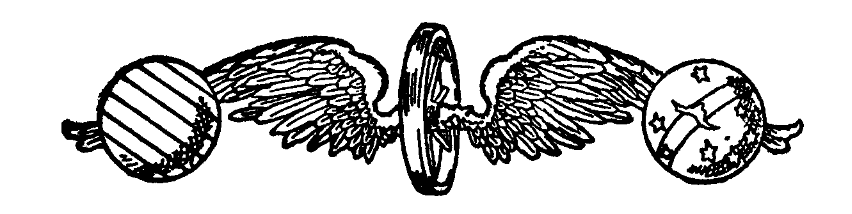
И я подъ старость сѣять вышелъ,
Труду отдавъ себя вполнѣ,
Когда въ душевной глубинѣ
Упреки совѣсти заслышалъ!..

*
* *

Господь! рука моя слаба:
Мнѣ трудно справиться съ посѣвомъ...
О! не карай правдивымъ гнѣвомъ
Донынѣ спавшаго раба!

Викторъ Мюръ.

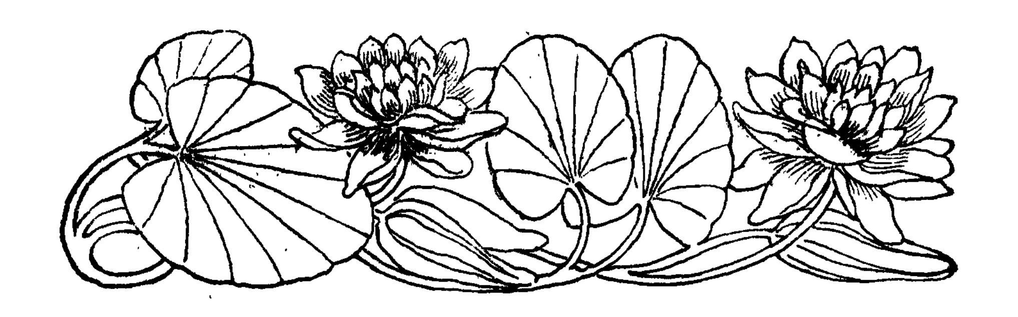

(Навѣяно Апокалипсисомъ).

Знай, твой свѣтъ отъ времени не меркнетъ,
Хоть душа колеблется порой;
Ты стремишься къ пристани далекой,
Гдѣ огонь мерцаетъ предъ тобой.
Хоть подъчасъ такъ горестно и больно
И кругомъ чернѣетъ пелена,
Вѣчный Духъ души не покидаетъ
Въ царствѣ ночи, холода и сна.
О, ты живъ тревогою нездѣшней,
Въ Божій Градъ ты вѣришь всей душой,
Тамъ врата залиты свѣтомъ Агнца,
Ясною и утренней звѣздой.
Письмена любви неугасимой
Въ Книгѣ Жизни радостно горятъ—
Такъ иди дорогою тернистой,
Чтобъ и ты былъ Богомъ воспріятъ.

Вадимъ Гарднеръ.

Страна Волшебной Ночи.

Микаэля Вудъ.

Ты пораженъ, мой другъ и братъ Фергусъ, что я, изъ породы, которая *не* прощаетъ, пощадилъ жизнь Муртага Краснорукаго, того Муртага, который нанесъ мнѣ обиду, не переносимую даже и для тѣхъ, у кого кровь переливается безстрастно въ жилахъ, ибо человѣкъ этотъ предалъ меня, и его измѣна тѣмъ чернѣе, что онъ былъ мой молочный братъ и мы были связаны узами крови, расторженіе коихъ постыдно. Сверхъ того, я довѣрялъ ему, и потому, когда я узналъ о его предательствѣ, моя любовь превратилась въ лютую ненависть, и я гнался за нимъ съ жаждой настигнуть и убить его. Но когда я ворвался въ его домъ, его уже не было, онъ бѣжалъ отъ меня. Я сжегъ его имущество, я сравнялъ съ землей его жилище, я убилъ всѣхъ присныхъ его, которые попались въ мои руки. Одинъ изъ нихъ, желавшій спасти свою собственную жизнь, открылъ мнѣ, что Муртагъ бѣжалъ въ *Домъ Дубовой Равнины* искать тамъ спасенія въ святилищѣ, ибо надѣялся, что я побоюсь нарушить святость мѣста, гдѣ люди отдаютъ свою жизнь Богу и гдѣ царствуетъ законъ мира и благоволенія. Я повѣсилъ человѣка, предавшаго Муртага, моего врага, ибо онъ трусливо измѣнилъ своему господину, а когда я раздѣлался съ предателемъ, я продолжалъ свой путь въ одиночествѣ, оставивъ свиту свою у пылающихъ развалинъ жилища того, кого я искалъ убить. Мои люди падали отъ усталости и нуждались въ отдыхѣ и пищѣ, но я, я весь горѣлъ жаждой мести и я сказалъ въ сердцѣ своемъ, что не будетъ для меня отдыха, пока я не убью своего смертельнаго врага, и я убью его, даже если-бы онъ оказался въ святой церкви, прильнувшимъ къ самому алтарю. Всѣ,

кто зналъ меня въ тѣ дни, когда онъ нанесъ мнѣ смертельную обиду, и даже всѣ тѣ, которые узнали меня позднѣе, когда утихла моя горячая кровь, дивятся, почему я не убилъ его, почему не воспользовался правомъ праведной мести. Они презирали меня, какъ человѣка, перенесшаго глубокое оскорбленіе и оставившаго своего кровнаго врага невредимымъ, и если они не задавали мнѣ оскорбительныхъ вопросовъ, то только потому, что боялись меня.

Но тебѣ, мой другъ Фергусъ, я раскрою всю истину, изъ любви и дружбы, которая связала насъ двухъ, обучавшихся вмѣстѣ искусству войны и охоты, а также и мирной гражданственности, при дворѣ моего славнаго отца. Мало того, ты остался вѣренъ мнѣ, ты не сомнѣвался, что у меня были достойная причина и важная цѣль, когда я поступалъ такъ. И поэтому тебѣ одному я скажу, *что* произошло со мной въ ту волшебную ночь, когда я преслѣдовалъ Муртага Краснорукаго, моего врага.

Одинъ я былъ, когда преслѣдовалъ его, и когда солнце зашло, а туманы поползли сѣрой пеленой, я приблизился къ холму *Царицы Эйтене,* который пользуется дурною славой, ибо когда-то тамъ былъ древній алтарь и происходило богослуженіе язычниковъ, и многіе видѣли порхающіе тамъ огоньки и слышали шопотъ и пѣніе, хотя никого не было вокругъ, кто могъ бы разговаривать или пѣть; и въ другое время я ни за что не рѣшился бы приблизиться къ демонамъ этого проклятаго холма послѣ солнечнаго заката, когда волшебныя чары занимаются надъ нашей страной; но, запомни себѣ хорошенько, братъ мой Фергусъ, въ моемъ сердцѣ въ тотъ день жилъ демонъ несравненно сильнѣйшій, чѣмъ всѣ демоны холма, и я продолжалъ свой путь, направляясь къ *Дубовой Равнинѣ.*

Сухой верескъ перезванивалъ, колеблемый вѣтромъ, холмъ былъ окутанъ темно-сѣрыми тѣнями, сонный ручей медленно извивался вокругъ подножія холма. Я остановился у ручья, я приникъ къ нему, чтобы остудить его холодной болотистой водой свою пылавшую голову; кровь билась и звенѣла подъ моимъ черепомъ, волнуемая и быстрой ходьбой и смертельной ненавистью, раздиравшей мое сердце. Я боялся, что гнѣвъ задушитъ меня ранѣе, чѣмъ я убью врага своего.

Когда я поднялся на ноги, я увидѣлъ сѣрый могильный камень *) на холмѣ, и на немъ стоялъ кто-то и смотрѣлъ на меня.

---

*) Cairn надгробный камень на могилѣ древнихъ вождей сѣверныхъ народовъ.

Несмотря на всю мою ярость, кровь начала стынуть въ моихъ жилахъ; я зналъ, что никто во всей странѣ не осмѣлится стоять на могилѣ Эйтене послѣ захода солнца; но моя упорная воля убить Муртага, моего врага, была какъ бы щитомъ для меня: я задушилъ бы самого Сатану, если бы онъ явился въ человѣческомъ видѣ, чтобы стать между мною и врагомъ моимъ.

Стоявшій на могильномъ камнѣ спрыгнулъ на землю и направился ко мнѣ. Зная, какъ безполезно бѣгство при встрѣчѣ съ *Одинокими*, безполезнѣе даже, чѣмъ при встрѣчѣ съ цѣлой толпой болотной нечисти, которая забавляется тѣмъ, что наводитъ чары на людей, я выдержалъ и неподвижно ожидалъ приближающагося. По его размѣрамъ и походкѣ я былъ убѣжденъ, что передо мной былъ одинъ изъ *Одинокихъ*, а не кто-либо изъ *маленькаго народа Эйтене*.

Когда онъ приблизился, я подумалъ, что онъ такой же человѣкъ, какъ и я; молодой, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, тонкимъ и исхудалымъ, съ большими черными глазами и спутанными черными кудрями; онъ былъ босъ и закутанъ въ одежды, выцвѣтшія отъ солнца и дождей; въ рукахъ у него былъ небольшой ивовый прутъ; по крайней мѣрѣ такимъ показался онъ мнѣ. Онъ стоялъ на другой сторонѣ ручья:

„Привѣтъ и миръ тебѣ, *Угтредъ у Мечей*",—сказалъ онъ; ибо такъ они называли меня, какъ тебѣ извѣстно, благодаря моимъ искуснымъ воинамъ, вооруженными мечами, которые были послушны каждому мановенію руки моей.

„Привѣтъ твой принимаю",—отвѣтилъ я,—„а миръ пусть остается при тебѣ".

На это онъ разразился смѣхомъ, и я почувствовалъ, какъ кровь снова стынетъ въ моихъ жилахъ.

„Охотишься по слѣдамъ"? спросилъ онъ.

„Да",—отвѣтилъ я,—„и я настигну свою добычу и убью ее ранѣе, чѣмъ взойдетъ солнце".

„Твоя добыча—Муртагъ Краснорукій",—сказалъ онъ,—„но онъ уже достигъ *Сада Душъ, соединенныхъ Воедино*.

„Неправда",—отвѣтилъ я,—„онъ въ *Домѣ Дубовой Равнины* ищетъ у святилища спасенія; но я убью его и тамъ, у самаго алтаря, хотя бы душа моя и погибла навѣкъ".

„Да, Угтредъ у Мечей",—сказалъ онъ небрежно,—„ты зовешь это *Дубовой Равниной*, а мы зовемъ *Садомъ Душъ, соединенныхъ Воедино*, ибо ты говоришь однимъ языкомъ, а мы—другимъ. Но на зарѣ человѣкъ тотъ снова побѣжитъ, ибо такіе, какъ онъ, не

знаютъ покоя, а тебя заколдуетъ маленькій народъ Эйтене,- они любятъ такую потѣху — и ты будешь скитаться здѣсь, пока не пропоетъ пѣтухъ, а возможно, что и дождешься своей гибели".

Въ словахъ его была правда: я и безъ того сбился съ пути и, понявъ это, заскрежеталъ зубами.

„Что дашь ты мнѣ, Угтредъ у Мечей",—сказалъ онъ,—„если я приведу тебя къ *Саду душъ, соединенныхъ Воедино*, передъ восходомъ солнца"?

„Но доведешь ли ты меня безъ обмана"?—спросилъ я,—„ибо мерещится мнѣ, что ты—изъ людей Муртага и обманешь меня, если это только удастся тебѣ".

„Нашъ народъ не нарушаетъ даннаго слова",—отвѣтилъ онъ,—„мы были бы безсильны, какъ младенцы, если бы не держались своего слова: я проведу тебя вѣрной дорогой, но ты долженъ слѣдовать за мной черезъ *Страну Волшебной Ночи*, чтобы достигнуть того мѣста".

„А теперь",—сказалъ я ему,—„человѣкъ ты, или принадлежишь къ нечисти Эйтене, я убѣдился, что ты лжешь, ибо я знаю то мѣсто, и нужно итти туда по дорогѣ, ведущей черезъ мою собственную страну, чтобы достигнуть *Дубовой Равнины*".

„Угтредъ у Мечей",—отвѣтилъ онъ,—„я не отдамъ тебѣ назадъ той лжи, которую ты бросилъ въ меня, ибо когда дѣти лепечутъ вздоръ, они не лгутъ, неправда ихъ не умышлена. Слушай же, что̀ скажу я тебѣ: знать скорлупу яйца—не значитъ знать его желтокъ; знать оболочку плода—не значитъ знать его сердцевину; знать наружность человѣка—не значитъ знать *самого* человѣка; знать эти холмы и долины—не значитъ знать *Страну Волшебной Ночи*".

„Скажи мнѣ, вести тебя къ саду, о которомъ я говорилъ?"

„Если ты проведешь меня туда",—сказалъ я,—„я свяжу себя узами крови съ тобою и буду вѣрно служить тебѣ, я, и всѣ мои, во всѣхъ твоихъ битвахъ и я отомщу за твою смерть, если проживу дольше тебя".

„Совсѣмъ не требуется столь великаго дара",—отвѣтилъ онъ.—„Лишь разрѣши, чтобы я дотронулся концомъ этого прута до твоего лба и твоей груди, и тогда ты навѣрно достигнешь *Сада Душъ, соединенныхъ Воедино*, ранѣе, чѣмъ Муртагъ обратится въ бѣгство изъ *Дубовой Равнины*".

Я замѣтилъ лишь впослѣдствіи, что онъ говорилъ постоянно о святомъ мѣстѣ, какъ о *Садѣ*, когда же говорилъ о Муртагѣ, онъ называлъ то же мѣсто *Дубовой Равниной*. И вдругъ на меня

напалъ въ первый разъ въ жизни страхъ. Я стиснулъ зубы и отвѣтилъ:

„Да будетъ по твоему; принимаю твой договоръ, но если ты обманешь, я убью тебя“!

Онъ улыбнулся и перешагнулъ черезъ ручей; онъ прикоснулся концомъ прута между моихъ глазъ и около сердца. У меня закружилась голова, и я упалъ на землю, но я помню, какъ онъ поднялъ меня, и если говорить правду, я не зналъ: вышелъ ли я изъ тѣла, или оставался въ тѣлѣ, и не знаю того и понынѣ.

„Пойдемъ“,—сказалъ онъ.—„Теперь я поведу тебя, Угтредъ у Мечей“.

„Въ *Дубовую Равнину*?“—спросилъ я.

„Въ *Садъ Душъ, соединенныхъ Воедино*“.

Этотъ *Домъ Дубовой Равнины* былъ уединенной церковью, выстроенной изъ дерна, глины и изъ плетней; вокругъ были расположены хижины людей, которые выстроили ее; двѣнадцать ихъ было, и надъ ними—начальникъ: тринадцать всего. Они жили вмѣстѣ въ тихой долинѣ и были они преданы постамъ и молитвамъ, бодрствованію и созерцанію и высокимъ думамъ о великихъ божьихъ тайнахъ. Мой путеводитель шелъ на шагъ впереди меня, и теперь я увидалъ, что тѣло его свѣтилось. Ступни его ногъ освѣщали почву, а ивовый прутъ въ его рукѣ пламенѣлъ словно въ огнѣ. И вся страна—моя собственная, хорошо мнѣ знакомая страна, гдѣ я столько разъ охотился за оленемъ и за дикимъ вепремъ—свѣтилась вся; вездѣ, куда ни взглянешь, воздухъ дрожалъ въ волнахъ блѣднаго свѣта. Мы спустились съ холма и, покинувъ долину Эйтене, подошли къ лѣсу. Это былъ густой, перепутанный лѣсъ. Я совсѣмъ не зналъ этого мѣста, но тотъ, кто велъ меня, нашелъ тропу, и мы быстро пошли по ней. Тропа спускалась внизъ въ долину, а затѣмъ поднималась снова на вершину холма. Деревья окружали насъ со всѣхъ сторонъ, и когда мы шли, я видѣлъ, какъ туманъ медленно подвигался вдоль тропы и, расплываясь, струился по всему лѣсу; но этотъ туманъ не былъ сырымъ и влажнымъ, разстилающимся какъ холодный призракъ надъ землею; это былъ чистый огонь, свѣтящійся, но не ожигающій; туманъ изъ тонкаго трепещущаго пламени, легко несущагося подобно дыханію тончайшей жизни, и я раздумывалъ: не было ли это во истину тѣмъ огнемъ жизни, всегда текучимъ, всегда пробѣгающимъ по странѣ, невидимо для насъ, пока глаза наши не раскроются *Одинокими*, чтобы показать намъ чудеса *Страны Волшебной Ночи*.

Я чувствовалъ, какъ силы мои выростали въ тысячу разъ по мѣрѣ того, какъ мимо меня проносился тотъ пламенный туманъ. Мнѣ казалось, что онъ стремится изъ какого-то невидимаго мѣста, гдѣ пребываетъ великая и страшная сила, и по мѣрѣ того, какъ мы двигались впередъ, силы внутри меня расли въ такой степени, что я съ трудомъ могъ выносить ихъ. Подъ конецъ тропа привела насъ къ открытой круглой полянѣ, окаймленной стѣной изъ деревьевъ; почва была покрыта блѣдной, сухой травой, густой и щетинистой, побѣлѣвшей отъ зимнихъ морозовъ и дождей; внутри круга виднѣлись согнутыя деревца съ безлистными сѣрыми вѣточками и кусты терновника всѣ въ бѣлыхъ цвѣткахъ. И все, что я видѣлъ передъ собой: покрытая травой поляна, и сѣрыя деревца, и молочно-бѣлые цвѣты, все это было словно выдѣлано изъ серебра, мѣстами матоваго, мѣстами блестящаго, и поверхъ всего этого проносился туманъ изъ дрожащаго, волнующагося фіолетоваго пламени. Въ серединѣ круга возвышался алтарь изъ бѣлаго камня въ формѣ креста, а на немъ виднѣлось нѣчто, прикрытое чистой льняной тканью.

Человѣкъ, который велъ меня, остановился.

„То, чѣмъ прикрытъ алтарь",— сказалъ онъ,—„есть облаченье святѣйшаго изъ святыхъ, сошедшаго съ небесъ, которому надлежитъ вознестись съ великой славой. Хочешь ли увидать его одѣяніе, Угтредъ у Мечей"?

И тогда я испыталъ страхъ передъ этимъ мѣстомъ, и я боялся прикоснуться къ одѣянію столь святому, и все же я подошелъ къ алтарю и сорвалъ льняную ткань, и вдругъ! На алтарѣ я увидалъ тѣло человѣка, и человѣкъ этотъ былъ Муртагъ Краснорукій, мой врагъ. И онъ лежалъ словно погруженный въ сонъ.

И тогда моя жажда крови этого человѣка распалилась съ еще большей яростью благодаря волшебной силѣ мѣста и благодаря тому огню, который проносился черезъ меня. Я выхватилъ мечь и вонзилъ его въ грудь спящаго человѣка, и вотъ! то не Муртагъ лежалъ на алтарѣ, а я—Угтредъ у Мечей, и я зналъ, что я закололъ себя самого.

И пока я переводилъ духъ, весь дрожа отъ ужаса, человѣкъ и алтарь исчезли; я стоялъ съ мечомъ въ ножнахъ посреди мерцающаго серебромъ круга, опоясаннаго темными деревьями, и освѣщеннаго двигающимися волнами фіолетоваго огненнаго тумана.

Я обернулся къ человѣку, который велъ меня:

„Я не могу убить тебя"—сказалъ я.—„Ты изъ *Одинокихъ*, живущихъ въ *Странѣ Волшебной Ночи*, и я дивлюсь, какъ могъ ты

осмѣлиться, днемъ или ночью, привести меня къ святому дому христіанскихъ братій".

„Гдѣ ты намѣревался совершить убійство",—сказалъ онъ.

„Но тотъ человѣкъ оскорбилъ меня",—отвѣтилъ я угрюмо.— „Я ненавижу его. Но все же я Христіанинъ, а ты изъ породы *Одинокихъ*".

„Угтредъ у Мечей",—отвѣтилъ онъ мнѣ,—„повѣрь ты вотъ чему: какъ ты не можешь убить меня, такъ же не можешь ты убить и этого Муртага, и себя самого. Ты говоришь, что я изъ породы *Одинокихъ*? Возьми себѣ, что ты сказалъ: не я, а ты изъ породы *Одинокихъ*, ибо ни вверху, ни внизу, ни въ цѣлой вселенной нѣтъ ничего болѣе одинокаго, чѣмъ душа, которая ненавидитъ. И не думай ты, одинокій человѣкъ, что я отвлекалъ тебя отъ твоего врага или ставилъ препятствіе твоей ненависти... Убивай, если хочешь, ненавидь, если хочешь, и собирай жатву ненависти. Что же до твоего изумленія, что я осмѣлился приблизиться къ святому дому христіанскихъ братій, узнай ты истину: небо и земля со всѣмъ, что содержится въ нихъ чистаго и нечистаго, злого и добраго, сливаются въ единый Святой Домъ для душъ, соединенныхъ Воедино, къ которымъ принадлежу и я, и мои братья, и эти люди, достигшіе святости".

Я послѣдовалъ за нимъ въ молчаніи. Его слова звучали въ моихъ ушахъ. Я думалъ о томъ, что небеса накажутъ меня за оскверненіе святилища, но я готовъ былъ и на смерть, до того велика была въ моемъ сердцѣ жажда крови.

И я увидалъ высоко на одинокой горѣ небольшую хижину, въ которой горѣлъ огонь, подобно яркой звѣздѣ. За недѣлю передъ тѣмъ я охотился на кабана въ этихъ лѣсахъ и тогда этой хижины не было на горѣ.

„Кому принадлежитъ эта хижина?" спросилъ я.

„Это хижина Угтреда Святого",—отвѣтилъ онъ,—„милосерднаго къ грѣшникамъ, любителя всего, что живетъ".

„Я не зналъ до сихъ поръ",—сказалъ я,—„что ношу имя святого".

Я посмотрѣлъ на свѣтъ, и какой-то магической властью я, стоявшій въ болотистой равнинѣ близъ покрытаго кувшинками озера, могъ видѣть внутри горной хижины; тамъ сидѣлъ человѣкъ въ льняныхъ одеждахъ; мои глаза и его, въ которыхъ свѣтилось безпредѣльнее терпѣніе, встрѣтились. И вотъ! Хотя онъ и не былъ похожъ на меня, я зналъ навѣрно, что это былъ я, Угтредъ у Мечей, что я сидѣлъ внутри хижины. Я отвернулся и бросился

бѣжать; я бѣжалъ стремительно, словно перепуганный конь, несущійся по равнинѣ. Когда же я остановился и обернулся назадъ, я увидѣлъ и хижину, и свѣтъ на томъ же мѣстѣ горы. Многое изъ всего, что я видѣлъ въ ту ночь, исчезало изъ моего кругозора; но каждый разъ, когда я оборачивался къ горѣ, я неизмѣнно видѣлъ хижину Угтреда Святого, любителя всего, что живетъ, пребывающаго на горѣ, съ окномъ, изъ котораго изливался свѣтъ, подобный лучистой звѣздѣ.

А я, Угтредъ грѣшникъ, ненавидящій Муртага Краснорукаго, трепеталъ отъ ярости и страха, ибо внутри меня была увѣренность, что никогда я не могу сорвать и уничтожить хижину, въ которой Угтредъ Святой пребываетъ въ неизмѣнномъ терпѣніи и ждетъ.

Человѣкъ, обѣщавшій провести меня, былъ рядомъ со мной, но я ужъ не нуждался въ указаніи, я зналъ мѣсто и быстро направился, чтобы скорѣй совершить свою месть. Наконецъ мы достигли вершины холмовъ надъ *Дубовой Равниной*. Эти холмы возвышались кольцомъ надъ долиной; откосы ихъ были покрыты зеленой травой; посреди луговой долины протекалъ потокъ; у потока стояла церковь, построенная въ видѣ креста, а кругомъ—хижины: двѣнадцать стояли въ кругу, тринадцатая въ серединѣ.

„Смотри",—сказалъ стоявшій около меня,—„то *Садъ Душъ, соединенныхъ Воедино*, Угтредъ у Мечей"!

И сказавъ это, онъ дотронулся до меня дважды и трижды прутомъ, который былъ въ его рукѣ, и церковь и хижины исчезли изъ моихъ глазъ.

И тогда я увидѣлъ большой очагъ свѣта, озарившій всю долину, и въ немъ, подобно быстрымъ колесамъ, вращались различные цвѣта, то устремляясь въ пространство, то возвращаясь назадъ въ пламенный центръ; и та сфера никогда не останавливалась, но двигалась движеніемъ, не передаваемымъ человѣческимъ языкомъ; ангеламъ сродное было то движеніе, и не было въ немъ ничего земного. Сверкающіе цвѣта пѣли всѣ вмѣстѣ и издавали прекрасные звуки, сливавшіеся въ стройномъ сочетаніи, болѣе нѣжномъ, чѣмъ самый прекрасный хоръ; отъ большой сферы, съ ея различными цвѣтами и звуками, понеслись впередъ и назадъ, на востокъ и на западъ, на югъ и на сѣверъ, тѣ огненные туманы, которые расходились потоками по всей странѣ. Отъ времени до времени, изъ невидимаго сердца свѣтовой сферы вырывалось голубоватое пламя, подобное отраженному на переливавшемся перламутрѣ лунному свѣту. И когда это случалось, вся большая

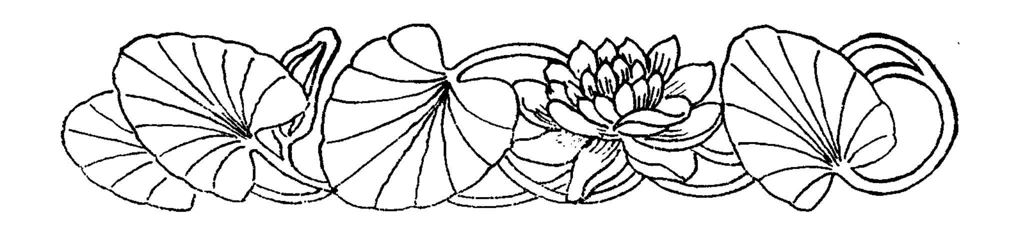
сфера трепетала, какъ живое тѣло, потрясенное невыразимой радостью и блаженствомъ, превышающимъ человѣческое пониманіе; разнообразные оттѣнки загорались ярче, ихъ пѣніе становилось нѣжнѣе, струи огненнаго тумана неслись быстрѣе и быстрѣе.

Когда я узрѣлъ это чудо *Страны Волшебной Ночи*, я почувствовалъ, что оно превышаетъ мои силы; я упалъ на землю и лежалъ тамъ, погруженный въ глубокое забытье. Когда я пришелъ въ себя, я лежалъ на холмѣ, возвышающемся надъ *Дубовой Равниной*. Предразсвѣтное небо было еще темно; изъ церкви доносилось пѣніе братьевъ, которые построили ее,—*Душъ, соединенныхъ Воедино*. Ихъ невидимая жизнь имѣла власть надо мной, хотя она стала снова незримой для меня. и я уже не видѣлъ ея живого пламени, проносившагося по странѣ, когда свѣтъ вырывался наружу изъ нѣдра *Душъ, соединенныхъ Воедино*.

Взглянувъ внизъ, я увидалъ человѣка, со страхомъ прокрадывавшагося изъ церкви и пугливо озиравшагося по сторонамъ. Я зналъ, что это былъ Муртагъ Краснорукій, мой врагъ, но теперь человѣкъ этотъ былъ для меня не болѣе тѣхъ тумановъ, которые сливались въ облака на вершинѣ холма. Я слѣдилъ, какъ онъ осторожно крался, подобно лисицѣ, спасающейся въ свою нору. Сидя на холмѣ, я слѣдилъ за нимъ; когда же онъ исчезъ, я спустился внизъ, приблизился къ церкви и сталъ ждать, когда тѣ, которые пѣли внутри, окончатъ свой торжественный хвалебный гимнъ.

Пер. съ англійскаго Е. П.

Теософія въ Финляндіи.

Финляндская Секція Теософическаго Общества существуетъ лишь съ января прошлаго года, но движеніе теософическое въ Финляндіи родилось уже въ 1897 г. Въ этотъ годъ группой теософовъ въ Гельсингфорсѣ была основана Теософическая библіотека, въ помѣщеніи которой еженедѣльно собирались желающіе ближе познакомиться съ Теософіей. Здѣсь происходили бесѣды и чтеніе рефератовъ на научно-религіозныя темы.

Въ 1901 г. въ Гельсингфорсѣ начались общедоступныя лекціи по Теософіи на финскомъ языкѣ; эти лекціи каждое воскресенье собирали многочисленную и очень разнообразную публику. Съ прошлаго года (1908 г.) воскресныя лекціи читаются на двухъ языкахъ: на финскомъ и на шведскомъ.

Въ 1903 г. возникла издательская теософическая дѣятельность. До настоящаго времени уже издано 25 книгъ, изъ которыхъ 14 на финскомъ языкѣ. Въ 1905 г. былъ основанъ первый теософическій журналъ въ Финляндіи—Omatunto (что значить: Совѣсть). Этотъ органъ имѣетъ въ настоящее время болѣе 1000 подписчиковъ. Онъ носитъ названіе теперь Tietäjä (что значитъ Духовное Вѣдѣніе). Всѣ теософическія книги въ Финляндіи издаются не менѣе какъ въ 2000 экземпляровъ, нѣкоторыя вышли уже вторымъ изданіемъ.

Въ 1906 г. подъ управленіемъ музыкантши-композиторши Иды Любергъ былъ составленъ хоръ, который привлекъ много публики на открытыя теософическія собранія и который объѣхалъ рядъ городовъ въ Финляндіи.

Движеніе сильно расло, но объ оффиціальномъ открытіи Финской Секціи нельзя было еще думать. Между тѣмъ, въ 1906 г. и 1907 г. былъ рядъ собраній, на которыхъ этотъ вопросъ ставился все настойчивѣе и настойчивѣе. 15 сентября 1907 г. онъ наконецъ

былъ признанъ неотложнымъ, и Финская Секція была образована. Всѣ члены Скандинавской Секціи, живущіе въ Финляндіи, немедленно перешли въ Финскую Секцію (около 150 человѣкъ), и вѣтви были открыты въ Гельсингфорсѣ (двѣ), Сорнэсѣ, въ Аггельби, въ Выборгѣ, въ Курикка и въ Нокіа.

Много работавшій на нивѣ Теософіи извѣстный общественный дѣятель, Пекка Эрвастъ, выбранъ генеральнымъ секретаремъ Финской Секціи; къ нему обращаются за свѣдѣніями и помощью всѣ интересующіеся Теософіей въ Финляндіи.

17 ноября 1907 года въ Гельсингфорсѣ была открыта Финская Теософическая Секція. На собраніи присутствовало болѣе 500 человѣкъ. Рѣчи были произнесены на финскомъ и на шведскомъ языкахъ. Собраніе закончилось концертомъ. Публика была оченъ заинтересована какъ рѣчами, такъ и всѣмъ настроеніемъ собранія.

15 марта прошлаго года былъ первый Теософскій съѣздъ въ Финляндіи. Присутствовало 112 членовъ. Настроеніе было свѣтлое и радостное. Полнѣйшая гармонія царила между собравшимися, и всѣ разошлись съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія. Работа съѣзда была плодотворная и интересная, но всѣ чувствовали, что важнѣе всякой работы было то глубокое и свѣтлое настроеніе, которое объединило всѣхъ людей, пріѣхавшихъ изъ далекой окраины въ одну дружескую, тѣсную семью. Здѣсь не было богатыхъ и бѣдныхъ, именитыхъ и простыхъ людей, а были братья и сестры, которые въ духовномъ единеніи черпали силу и вдохновеніе для дальнѣйшей работы.

Нельзя не удивляться результатамъ, достигнутымъ уже теософскимъ движеніемъ въ Финляндіи. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ въ Финляндіи не было еще никакой теософской организаціи. Здѣсь и тамъ были разбросаны теософы, не знавшіе другъ друга; по большей части это были шведы, члены Скандинавской Секціи. Въ настоящее время въ Финляндіи уже образовалось 10 теософскихъ вѣтвей, въ которыхъ работаетъ 350 человѣкъ. Собранія и лекціи происходятъ регулярно. Ежемѣсячный журналъ, органъ Секціи, имѣетъ тысячи читателей; издательская дѣятельность Секціи все расширяется и растетъ. Еще болѣе важно вліяніе Теософіи на другія научныя и духовныя теченія. Многіе доктора богословія начинаютъ интересоваться Теософіей. Въ университетахъ образовался студенческій союзъ „Прометей", свободно обсуждающій и изучающій вопросы религіи. Кромѣ того, образовалось новое передовое общественное теченіе, стремящееся уничтожить классовой

антагонизмъ и мечтающее о соціальной реформѣ на почвѣ взаимнаго пониманія, содружества и любви. Новая духовная волна какъ будто пробѣжала по странѣ и принесла съ собой новыя надежды и новое настроеніе. Между враждующими лагерями и разнообразными общественными и духовными теченіями духъ ортодоксальности начинаетъ уступать мѣсто духу братской терпимости и взаимнаго развитія. Все это, несомнѣнно, плодъ объединяющей работы Теософіи.

Газеты пока еще мало говорятъ о Теософіи, но, если говорятъ, то всегда съ глубокимъ уваженіемъ. Только крайніе, наиболѣе матеріалистическіе и ортодоксальные органы иногда высмѣиваютъ теософское движеніе и высказываютъ къ нему враждебность. Въ обществѣ и въ прессѣ существуетъ уже пониманіе движенія и полное признаніе его глубокаго значенія и свѣтлаго вліянія.

Alba.

---

11 января въ Женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ состоялось открытое собраніе Россійскаго Теософическаго общества.

Александра Васильевна Унковская сдѣлала докладъ о цвѣтозвукахъ. Въ началѣ собранія, предсѣдательница А. Каменская сказала нѣсколько словъ о значеніи этого доклада и о самой А. В. Унковской.

А. В. Унковская извѣстная скрипачка. Въ 1879 г., блестяще окончивъ курсъ консерваторіи (съ дипломомъ и золотой медалью), она вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, Н. В. Унковскимъ, извѣстнымъ въ свое время баритономъ, отдалась музыкальной дѣятельности. Но жизнь въ столицѣ ихъ не удовлетворяла: ихъ тянуло въ провинцію, въ глубь Россіи, гдѣ объ искусствѣ почти ничего не знали, а серьезной музыки никогда не слышали. Въ теченіе многихъ лѣтъ они ѣздили по разнымъ городамъ Россіи; устраивали концерты, ставили оперы и пытались заинтересовать общество задачами искусства, твердо вѣря, что искусству и красотѣ суждено сыграть важную роль въ дѣлѣ одухотворенія человѣчества. Послѣ долгихъ и многотрудныхъ скитаній, супруги Унковскіе основались въ г. Калугѣ и занялись тамъ педагогической дѣятельностью. Послѣ смерти мужа, А. Унковская продолжала начатое дѣло. Своимъ пламеннымъ отношеніемъ къ искусству и своимъ талантливымъ преподаваніемъ ей удалось настолько заинтересовать общество, что въ г. Калугѣ зародилась любовь къ музыкѣ.

Но А. В. Унковская не удовлетворялась одной педагогической дѣятельностью; она продолжала свои самостоятельныя музыкальныя работы. Въ своихъ исканіяхъ она набрела на такія мысли и переживанія, которыя открыли ей новый міръ. Она ясно увидѣла полный параллелизмъ между явленіями цвѣтовыми и звуковыми и постепенно ей стала вырисовываться величественная музыкальная система, въ самой тѣсной связи съ свѣтовыми вибраціями и съ законами чиселъ. Долго въ своихъ исканіяхъ А. В. Унковская была совершенно одинока: ея мыслей никто не понималъ, ея теорія вызывала улыбку или насмѣшку. Два года тому назадъ она встрѣтила на своемъ пути Теософію. Ученіе Теософіи яркимъ свѣтомъ озарило ей смыслъ всей ея работы и помогло привести ее въ стройную систему. Настоящій докладъ есть только краткая схема этой интересной работы, введеніе въ ея методу цвѣтозвуковъ.

Докладъ А. В. Унковской, сопровождаемый объясненіемъ художественно-исполненныхъ рисунковъ и рядомъ музыкальныхъ иллюстрацій, вызвалъ живой интересъ въ публикѣ.

Въ январскомъ № мы помѣстили предисловіе А. В. Унковской къ своей работѣ. Въ теченіе года мы надѣемся дать нашимъ читателямъ послѣдовательное изложеніе этой интересной методы, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ рисунковъ.

Въ Кіевскомъ религіозно-философскомъ обществѣ О. О. Радецкимъ былъ прочитанъ докладъ: „О современномъ теософическомъ движеніи“. По мнѣнію докладчика, Теософія объединяетъ мистическое и раціональное познаніе; въ нее одинаково входятъ элементы вѣры и знанія. Путемъ сравнительнаго изученія религій Теософія ведетъ къ признанію въ основѣ ихъ лежащихъ однѣхъ и тѣхъ же духовныхъ истинъ и, слѣдовательно, къ признанію единаго Пути къ Богу. По мнѣнію докладчика, Теософіи принадлежитъ великое будущее.

Докладъ вызвалъ горячія пренія.

---

20 января въ С.-Петербургскомъ религiозно-философскомъ обществѣ былъ прочитанъ докладъ Д. В. Философова: „Богоисканiе и Богостроительство“. Людей религiознаго сознанiя докладчикъ именуетъ „богоискателями“; людей, видящихъ Бога въ осуществленiи лучшаго порядка вещей на землѣ—„богостроителями“. Онъ отмѣчаетъ тягу къ религiознымъ вопросамъ въ лагерѣ самихъ позитивистовъ; особенно ярко эта тяга сказывается, по его мнѣнiю, у Горькаго и Луначарскаго. Тонко проанализировавъ философiю О. Конта и Фейербаха съ точки зрѣнiя соцiальной этики, онъ указываетъ, что мыслители съ чуткой совѣстью должны были неизбѣжно отшатнуться въ своихъ религiозныхъ исканiяхъ отъ христiанства, носящаго еще имя Христа, но изгнавшаго духъ Христа. Въ этомъ весь смыслъ кажущагося столь парадоксальнымъ заявленiя Фейербаха, что „настоящая теологiя должна быть антропологiей“. Во имя человѣчества онъ возстаетъ противъ отвлеченной религiи, чуждающейся человѣка, точно также какъ наша передовая интеллигенцiя, объятая жаждой преобразить жизнь на лучшихъ началахъ, объявляетъ себя „богостроителями“ и отказывается „искать Бога“, видя Бога въ строительствѣ самой жизни.

Докладчикъ отмѣтилъ кризисъ индивидуализма и мѣтко сопоставилъ религiозный идеалъ Горькаго идеалу Андреева. Между „сверхчеловѣкомъ“ и „сверхчеловѣчествомъ“ нѣтъ настоящаго цемента. Примиренiе между богоискателями и богостроителями можетъ дать только Богочеловѣкъ.

Свой интересный докладъ Д. Философовъ закончилъ вопросомъ: „Какъ богоискателямъ относиться къ богостроителямъ? Враги они намъ или друзья?“ Онъ отвѣтилъ на свой вопросъ: „Между нами еще нѣтъ полнаго пониманiя, но мы вѣримъ, что они будутъ наши друзья“.

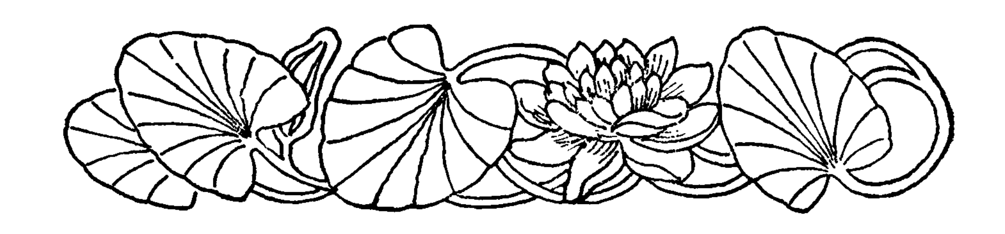
Докладъ вызвалъ продолжительныя и горячiя пренiя *).

---

28 января, въ большой аудиторiи Соляного Городка, А. Каменской была прочитана лекцiя: „Основныя ученiя Теософiи и законы высшей жизни“.

---

*) Къ сожалѣнiю, мы въ настоящемъ № не можемъ дать отчета объ интересномъ рефератѣ В. Иванова: „Русская Идея“, читанномъ въ Религiозно-Философскомъ О-вѣ 30 декабря, такъ какъ у насъ еще нѣтъ подъ рукою всѣхъ данныхъ.

Обзоръ теософической литературы.

Adyar Bulletin открывается съ Замѣтокъ Президента, изъ которыхъ мы узнаемъ о большихъ работахъ и преобразованіяхъ, которыя идутъ въ Адіарѣ. Воздвигается зданіе для собственной типографіи, и съ будущаго мѣсяца изданія теософическія въ Индіи будутъ печататься здѣсь. Первая книжка, которая выйдетъ изъ типографіи, будетъ новогодній № Adyar Bulletin.

Также заканчивается постройка новыхъ флигелей для пріема гостей-теософовъ, желающихъ учиться и жить въ Адіарѣ.

Въ статьѣ „Искусство Мечты" Е. Северсъ говоритъ о той „тайной комнатѣ", которую каждый человѣкъ хранитъ въ своемъ сердцѣ и куда, усталый и грустный, онъ научается спускаться, чтобы помечтать, помолиться и почерпнуть новую силу и вдохновеніе для будничной жизни. Изъ этого святилища человѣкъ всегда выходитъ обновленнымъ и окрѣпшимъ.

Символическій разсказъ Л. Бартлеттъ „Времена года души" выражаетъ мысль, что въ жизни души, какъ и во всемъ остальномъ въ мірѣ, есть опредѣленные періоды, кризисы, переходы. Времена года правильно чередуются, то заливая сердце весеннимъ и лѣтнимъ солнцемъ радости, то нагоняя на него зимнія тучи и зимніе морозы. Но за самой темной ночью снова встаетъ сіяющій день.

А. Шварцъ заканчиваетъ свои замѣтки о матеріализмѣ.

Статья „Теософія и Женственность" Мотибай Батливала отмѣчаетъ особую роль женщины въ дѣлѣ духовнаго подъема человѣчества.

Adyar Bulletin даетъ интересныя свѣдѣнія о международномъ конгрессѣ нравственнаго воспитанія *), о союзѣ Искусства при Теософическомъ обществѣ и о результатахъ 17-ти-лѣтней педагогической дѣятельности теософовъ въ Индіи на островѣ Цейлонѣ.

---

*) О которомъ была замѣтка въ декабрьскомъ № „Вѣстника".

„Annales Théosophiques“ поставило себѣ задачей знакомить читателей съ наиболѣе интересными оригинальными докладами и работами по Теософіи. Въ настоящемъ № („Annales Théosophiques“ выходитъ 4 раза въ годъ) помѣщены 3 интересныхъ работы: Пиѳагоръ и его школа (Ж. Шевріе), Изслѣдованіе чиселъ (Ш. Морель) и Джордано Бруно (А. Ярославскаго).

Шевріе указываетъ на скудость библіографическихъ свѣдѣній о Пиѳагорѣ и на одностороннее пониманіе его критиковъ, изучавшихъ его какъ ученаго, какъ философа, какъ политика, и не умѣвшихъ его понять какъ великаго мистика.

Вторая статья посвящена оккультному пониманію чиселъ. Въ ней упоминается анонимная книга XVIII ст., въ которой дѣлаются при помощи чиселъ въ высшей степени любопытныя сопоставленія. Такъ между рожденіемъ Людовика IX и рожденіемъ Людовика XVI прошло 539 лѣтъ. Прибавляя это число къ датѣ главнѣйшихъ событій въ жизни Людовика IX получаются совершенно аналогичныя событія въ жизни Людовика XVI. Напримѣръ:

Рожденіе Людовика IX 23 апрѣля		1215
	+	539
Рожденіе Людовика XVI 23 августа		1754
Рожденіе Изабеллы, сестры Людовика IX . .		1225
	+	539
Рожденіе Елизаветы, сестры Людовика XVI .		1764
Смерть отца Людовика IX		1226
	+	539
Смерть отца Людовика XVI		1765
Бракъ Людовика IX		1231
	+	539
Бракъ Людовика XVI		1770
Начало царствованія Людовика IX		1235
	+	539
Восшествіе на престолъ Людовика XVI . . .		1774
Важная побѣда Людов. IX и миръ съ Генрихомъ III		1243
	+	559
Важная побѣда Людов. XVI и миръ съ Георгомъ III		1782
Плѣнъ Людовика IX		1250
	+	539
Заключеніе въ тюрьму Людовика XVI		1789

и т. д. и т. д. Эти сопоставленія авторомъ проведены черезъ всю французскую исторію вплоть до эпохи Реставраціи.

Revue Théosophique (Lotus bleu) даетъ окончаніе очерковъ д-ра Т. Паскаля о Состояніи сознанія и окончаніе статьи А. Безантъ, посвященной памяти Е. П. Блаватской и ея тяжелымъ испытаніямъ.

Анонимная статья „Ученіе глаза и ученіе сердца" указываетъ на безплодность самыхъ блестящихъ начинаній, если въ нихъ отсутствуетъ любовь и на жизненность самыхъ скромныхъ начинаній, одухотворенныхъ любовью.

Д. А. Курмъ посвящаетъ статью вопросу о сожженіи мертвыхъ, указывая на всѣ преимущества этого способа погребенія надъ принятымъ обрядомъ закапыванія въ землю. Помимо всѣхъ остальныхъ соображеній, два мотива особенно говорятъ за преимущество сожженія: 1) умершему легче проходить черезъ стадіи астральной жизни, когда его больше ничто не связываетъ съ грубой физической оболочкой; 2) послѣ сожженія усопшіе не могутъ быть легко потревожены, какъ это бываетъ, напримѣръ, при вызовѣ ихъ на сеансы.

Въ виду того, что многіе боятся мнимой смерти и возможности вернуться къ жизни среди пламени, авторъ даетъ практическія указанія, какъ удостовѣриться въ томъ, что смерть дѣйствительно наступила. Онъ рекомендуетъ очень простой способъ: приложить къ ноздрямъ кусочекъ реактивной бумаги. Если смерть наступила, то бумага, подъ вліяніемъ сѣрнистыхъ газовъ, немедленно измѣнитъ свою окраску.

Theosophical Review дѣлаетъ разборъ новой книги проф. О. Лоджа „Человѣкъ и вселенная". Президентъ Бирмингамскаго университета высказывается за полную возможность примиренія науки и религіи и видитъ мостъ между ними въ философіи и поэзіи, которыя учатъ видѣть въ мірѣ живое облаченіе Бога, а въ грубой матеріи—лишь преходящую иллюзію, за которой скрывается единая, живая космическая реальность. При такомъ міропониманіи все бытіе заполняется и пульсируетъ жизнью имманентнаго Божества. Эволюція, по мнѣнію автора, не кончается человѣкомъ: отъ человѣка къ Богу есть восходящая лѣстница все болѣе и болѣе совершенныхъ и одухотворенныхъ существъ.

Въ Эдинбургѣ вышелъ I томъ новой энциклопедіи, издаваемой д-ромъ Джемсъ Гастингсъ и д-ромъ Селби: Энциклопедія религіи и этики.

Статья Г. Хоузинъ проводитъ параллель между Индусскимъ міропониманіемъ и міровоззрѣніемъ Суфи.

Микаэль Вудъ въ разсказѣ „Пропавшая жизнь“ символически выражаетъ мысль, что остановка развитія на физическомъ планѣ не исключаетъ возможности духовной работы въ иныхъ сферахъ бытія.

Статья Т. Сиве „Оккультные методы преподаванія“ затрагиваетъ рядъ важныхъ и глубоко-интересныхъ психологическихъ вопросовъ. Авторъ указываетъ на способность сочувствія, симпатіи, какъ на основное условіе успѣшнаго ученія. Для возбужденія въ себѣ этой способности онъ рекомендуетъ отъ времени до времени браться за новую науку или дѣло, ставя себя въ невыгодныя условія начинающаго. Скрипачу, напримѣръ, полезно попробовать играть, держа смычекъ въ лѣвой, а скрипку въ правой рукѣ. Черезъ пять минутъ такого упражненія явится полное сочувствіе къ начинающему ученику, не знающему какъ ему взяться за игру.

Затѣмъ важно умѣть создать такую атмосферу, въ которой учащійся чувствовалъ бы себя легко и свободно. Еще важнѣе научиться бесѣдовать съ нимъ, а это цѣлое искусство. Большинство людей или говорятъ о пустякахъ, или спорятъ. Чѣмъ горячее споръ, тѣмъ бесѣда считается интереснѣе. Но такая бесѣда мало даетъ душѣ; въ лучшемъ случаѣ она шлифуетъ умъ и языкъ. Тотъ, кто хочетъ сдѣлаться другомъ и помощникомъ людей, долженъ научиться бесѣдовать вдумчиво и дружески, такъ, чтобы собесѣдникъ находилъ радость въ бесѣдѣ и духомъ участвовалъ въ ней. Послѣ каждой такой бесѣды сердца сближаются, а сближеніе ведетъ къ бо́льшему и бо́льшему пониманію.

Статья еще не закончена.

Lotus Journal (журналъ для юношества) даетъ статью А. Безантъ: Жизнь теософа, очеркъ Г. Вайта о солнечномъ миѳѣ, дѣтскій разсказъ: бѣлый голубь (Т. Поль), очеркъ Р. о томъ, какъ слѣдуетъ наблюдать и изучать природу, свѣдѣнія о союзѣ Круглаго Стола и о новомъ дѣтскомъ клубѣ: Друзья животныхъ.

Кружки союза Круглаго Стола образуются по мѣрѣ того, какъ союзомъ выдвигаются новыя этическія задачи. Каждый кружокъ принимаетъ эмблему того мѣсяца, въ которомъ рождается. Эмблема января—нарциссъ, символъ вдумчивости и благоговѣнія. Кружковъ, по числу мѣсяцевъ, будетъ 12, столько же, сколько было рыцарей у короля Артура.

Дѣтскій клубъ „Друзья животныхъ“ выросъ изъ юношескаго союза защиты животныхъ. Въ статьѣ, ему посвященной, предла-

гается вопросъ: какъ мальчикъ или дѣвочка могутъ помочь животнымъ? Авторъ отвѣчаетъ:

Во-первыхъ, можно отказываться отъ того, чтобы держать птицъ или другихъ животныхъ въ клѣткѣ или на привязи и можно убѣждать товарищей этого также не дѣлать. Такъ же слѣдуетъ поступать и относительно коллекцій бабочекъ, птичьихъ яицъ и гнѣздъ. Слѣдуетъ избѣгать ношенія перьевъ, мѣховъ и вообще всего того, что добывается жестокими способами.

Для помощи птицамъ можно имъ готовить гнѣзда, кормить ихъ, особенно зимою, наблюдать за ихъ жизнью и записывать свои наблюденія.

О собакахъ надо заботиться, чтобы онѣ имѣли возможность ежедневно гулять и бѣгать; если ихъ хозяева забывчивы или заняты, можно просить позволенія погулять съ ихъ собакой. Несчастныхъ и бездомныхъ собакъ надо пристраивать къ добрымъ людямъ, которые о нихъ будутъ заботиться.

Кошки также бываютъ часто несчастны и заброшены. О нихъ слѣдуетъ позаботиться.

Очень несчастны лошади, когда попадаютъ въ грубыя руки, особенно если на нихъ лежитъ утомительный и однообразный, а иногда и непосильный трудъ. Если возница съ ними дурно обращается, слѣдуетъ это ему указать, но въ такомъ случаѣ не надо сердиться на него, а стараться ему разъяснить, какъ несправедливо его обращеніе. Добрыя слова дѣйствуютъ всегда сильнѣе гнѣвныхъ. Если ѣдешь въ гору, слѣдуетъ слѣзть и пройти пѣшкомъ, чтобы помочь лошади. При этомъ хорошо съ нею поговорить и ласково ее потрепать. Лошади очень любятъ человѣческій голосъ и ласку.

На собраніяхъ клуба членамъ слѣдуетъ читать другъ другу свои записи и сравнивать свои наблюденія. Такимъ образомъ будетъ больше знакомства съ жизнью нашихъ „младшихъ братьевъ", больше пониманія, а слѣдовательно и возможность имъ давать больше помощи.

Central Hindu College разсказываетъ о праздновании годового акта, на которомъ присутствовали кромѣ Президента, Ректора и учителей, еще представитель вѣдомства Народнаго Просвѣщенія г. Ловеттъ и Магараджа Бенареса, пожертвовавшій землю для постройки колледжа, который закончилъ 12-й годъ своего существованія. Г. Ловеттъ поздравилъ присутствовавшихъ съ блестящими успѣхами школы и сказалъ о глубокомъ впечатлѣніи, которое на него производятъ духовная атмосфера колледжа и на-

строенія учащихся. Магараджа вспомнилъ день, когда его впервые посѣтила г-жа А. Безантъ, и разсказалъ, какъ онъ былъ заинтересованъ ея планомъ устройства Индусской школы идеальнаго типа. Съ тѣхъ поръ прошло 12 лѣтъ, и на пустырѣ, отданномъ въ даръ г-жѣ А. Безантъ, возникло красивое зданіе Central Hindu College съ библіотекой, лабораторіями, общежитіемъ и садомъ. Преподаваніе западныхъ наукъ идетъ рядомъ съ занятіями техническими, но на первомъ планѣ стоитъ изученіе Индусской религіи, Индусской литературы и Индусскихъ искусствъ. Магараджа видитъ въ такой постановкѣ школы начинаніе великаго значенія для будущаго Индіи.

Ректоръ Дж. Арундэль говорилъ о необходимости серьезной постановки преподаванія исторіи Индіи, которая во всѣхъ почти школахъ проходится только въ послѣднемъ, старшемъ классѣ, въ сжатомъ и совершенно неудовлетворительномъ видѣ.

Президентъ, Анни Безантъ, говорила о томъ времени, когда могущественныя націи, какъ Англія, будутъ считать честью и счастьемъ оказывать защиту менѣе сильнымъ народамъ и протекторатъ ихъ будетъ зиждиться на любви, а не на желаніи эксплоатировать чужую землю. Индія должна еще многому научиться подъ этимъ протекторатомъ, многому важному прежде чѣмъ самой стать самостоятельной державой. Учащаяся молодежь должна сосредоточить всѣ свои силы на усвоеніи знаній и на самовоспитаніи и не заниматься преждевременнымъ политиканствомъ. Она упоминаетъ объ интересной рѣчи канцлера сэра Джона Хюветта на торжествѣ Аллагабадскаго университета, въ которой ораторъ высказалъ много широкихъ и глубокихъ мыслей. Съ любовью говорилъ онъ объ Индіи, о развитіи школьнаго дѣла и отмѣтилъ особое значеніе частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія. А. Безантъ видитъ въ этой рѣчи знаменіе времени.

„Theosophist“ даетъ большую статью д-ра Л. Эппела объ аболюціонистическомъ движеніи подъ заглавіемъ „Торговля бѣлыми рабынями и государственная регламентація порока“.

35 лѣтъ тому назадъ Жозефина Бутлеръ, лэди высокаго положенія и обширнаго образованія, стала во главѣ такъ-называемаго движенія „аболюціонистовъ“ и выступила въ открытую борьбу съ проституціей. Д-ръ Л. Эппель разсказываетъ исторію этой борьбы и разбираетъ вопросъ о государственной регламентаціи съ точки зрѣнія медицины. Авторъ доказываетъ, что научно регламентація не выдерживаетъ критики, точно такъ же, какъ и новые пріемы борьбы съ сифилисомъ. Для провѣрки этого метода экспе-

рименты производятся надъ обезьянами, которымъ искусственно прививается эта страшная болѣзнь. Помимо жестокости и безнравственности такихъ пріемовъ авторъ справедливо замѣчаетъ, что борьба со зломъ должна идти не путемъ парализованія его естественныхъ послѣдствій, а путемъ очищенія и преображенія жизни такъ, чтобы зло, не имѣя корней въ душѣ человѣка, вымерло и отпало бы само собой.

Мотилалъ Мисра въ статьѣ о Братствѣ указываетъ на реальную основу братства человѣчества: единство жизни. Мѣшаютъ намъ чувствовать это единство лишь перегородки, которыя мы искусственно воздвигаемъ между собой. По мѣрѣ того, какъ мы будемъ духовно расти, эти стѣны будутъ падать.

Статья Э. Северсъ, „Мое кредо", написана очень горячо. Свою вѣру авторъ формулируетъ такъ: „Я вѣрю, что человѣкъ по происхожденію и существу своему божественъ, что онъ вернется къ Божеству и что онъ находится здѣсь только для того, чтобы накопить цѣнный опытъ".

А. Безантъ въ статьѣ „Исканіе Бога" указываетъ на невѣрную постановку изученія религій, происхожденіе которыхъ традиціонно ведется отъ фетишизма и грубаго анимизма, при чемъ въ религіяхъ видятъ результатъ опредѣленной эволюціи сознанія. Между тѣмъ самыя серьезныя изслѣдованія философскія и археологическія приводятъ къ убѣжденію, что явленія, которыя мы принимаемъ за первобытный фетишизмъ младенческихъ народовъ, суть явленія декаданса, упадка, моментъ утери того эзотерическаго знанія, которое ярко сіяетъ въ религіозныхъ системахъ въ моментъ ихъ рожденія, ибо даются онѣ всегда Сверхчеловѣчествомъ въ помощь не окрѣпшему еще человѣчеству.

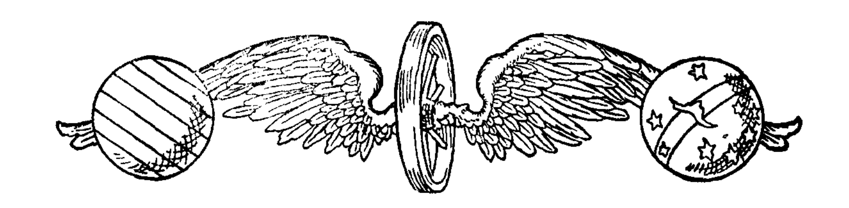
Статья Б. Вадія о религіи Заратустры пытается раскрыть значеніе огня, какъ священнаго древняго символа.

Статья Найтъ Этта, Тайна Безмолвія, посвящена значенію углубленной мысли и внутренняго созерцанія.

Статья „Возрожденіе золотого вѣка" (Lux) касается вопроса о различныхъ духовныхъ теченіяхъ. Онъ указываетъ, что тѣ изъ нихъ, которыя ставятъ себѣ задачей Исканіе Истины и Всеобщее братство человѣчества, совершенно родныя намъ по духу движенія. Особенно останавливается онъ въ своемъ изслѣдованіи на Обществѣ Розенкрейцеровъ.

Въ январьскомъ № Theosophist обыкновенно помѣщаетъ годовой отчетъ всѣхъ Теософическихъ Обществъ и Секцій. Въ настоящемъ году этотъ отчетъ появится въ февральскомъ №.

Alba.

Эфиръ пространства.

Статья **А. Безантъ.**

Въ Theosophist'ѣ печатается рядъ статей объ оккультной химіи. Введеніемъ къ нимъ можетъ служить глава, помѣщенная въ видѣ приложенія къ „Древней мудрости". Мы думаемъ, что нашимъ читателямъ будетъ интересно познакомиться съ послѣдними изслѣдованіями такого выдающагося наблюдателя теософа, какъ г-жа Безантъ, въ тѣхъ областяхъ, куда еще не проникалъ анализъ западной науки. М. К.

Природа того вещества, которымъ—согласно современной научной гипотезѣ—наполнено все пространство, возбудила большіе споры, въ особенности среди физиковъ и химиковъ. Одни утверждаютъ, что это вещество гораздо тоньше самаго разрѣженнаго газа, совершенно не подвержено дѣйствію тренія; другіе—что оно плотнѣе самаго плотнаго твердаго тѣла. Предполагаютъ, что въ этомъ веществѣ мельчайшіе атомы матеріи носятся, какъ пылинки въ лучѣ солнца, и что свѣтъ, теплота и электричество являются его колебаніями.

Согласно изслѣдованіямъ нѣсколькихъ теософовъ, пользовавшихся методами, которыми наука еще не располагаетъ, въ этой гипотезѣ совмѣщено, подъ однимъ наименованіемъ, два разряда совершенно различныхъ и рѣзко разграниченныхъ другъ отъ друга явленій.

Наблюдателямъ удалось войти въ общеніе съ состояніями матеріи выше газообразнаго и отмѣтить, что свѣтъ, теплота и электричество проявляются намъ при помощи колебаній болѣе тонкой матеріи; такъ какъ, въ этихъ болѣе высокихъ состояніяхъ, матерія исполняетъ такимъ образомъ функціи, приписываемыя

эфиру ученыхъ, то изслѣдователи назвали эти состоянія, быть можетъ слишкомъ поспѣшно, „эфирными“; для той же субстанціи, которая отвѣчаетъ второй части научныхъ требованій, они затѣмъ не нашли подходящаго названія.

Назовемъ пока это вещество койлонъ (Koïlon), т. к. оно заполняетъ собою то, что мы привыкли называть пустымъ пространствомъ. Чѣмъ Mûlaprakriti или „первоматерія“ является по отношенію къ непостижимой совокупности міровъ, тѣмъ Koïlon является по отношенію къ нашей вселенной въ частности—не только къ нашей солнечной системѣ, но и къ тому обширному цѣлому, которое заключаетъ въ себѣ всѣ видимыя солнца. Между Koïlon и Mulaprakriti должны существовать градаціи, но въ настоящее время мы не располагаемъ прямыми способами для опредѣленія ихъ численности или для пріобрѣтенія какихъ-либо свѣдѣній о нихъ.

Впрочемъ, въ одномъ старомъ оккультномъ трактатѣ говорится о „духовномъ безцвѣтномъ флюидѣ“, кокорый существуетъ всюду и образуетъ первыя основы, на которыхъ зиждется наша солнечная система. Внѣ ея, этотъ флюидъ можно найти въ его первоначальной чистотѣ только между звѣздами, солнцами вселенной... Т. к. вещество этого флюида отличается отъ того, который мы знаемъ на землѣ, жители послѣдней (т. е. мы), видя сквозь него, воображаютъ себѣ въ своемъ невѣдѣніи, что это пустое пространство, „между тѣмъ, во всей безграничной вселенной пустого пространства не найти ни на ширину одного пальца“. Эфиръ пространства, говоритъ H. P. B., вещество всѣхъ объективныхъ солнцъ, является седьмой степенью уплотненія первоматеріи.

Какова бы ни была наша зрительная сила для наблюденія, Koïlon кажется однороднымъ, хотя, по всей вѣроятности, дѣло обстоитъ иначе, т. к. однородность можетъ быть свойственна лишь первоматеріи. Онъ болѣе плотенъ, чѣмъ какое бы то ни было другое извѣстное намъ вещество и даже безконечно плотнѣе его, если можно такъ выразиться,—настолько плотнѣе, что оно кажется принадлежащимъ къ другому типу или порядку плотности. Но вотъ, что удивительно въ нашемъ изслѣдованіи: можно было бы предположить, что матерія ничто иное, какъ уплотненный Koïlon; ничуть не бывало. Матерія не есть Koïlon, а отсутствіе его,—и на первый взглядъ кажется, что матерія и пространство какъ бы обмѣнялись мѣстами: пустота стала плотнымъ веществомъ, а это послѣднее—пустотой.

Для большей ясности разсмотримъ конечный атомъ физической сферы, такой, какимъ онъ изображенъ въ вышеуказанныхъ приложеніяхъ къ изслѣдованію объ оккультной химіи. Этотъ атомъ состоитъ изъ десяти нитевидныхъ колецъ, расположенныхъ другъ подлѣ друга, но нигдѣ не соприкасающихся. Если одну изъ этихъ нитей отнять отъ атома, какъ бы расправить ее отъ свойственной ей спиральной формы и разложить на плоскую поверхность, то видно, что она образуетъ полный кругъ, окружность котораго представляетъ тонко очерченную, безконечную спираль. Въ этой спирали 1680 круговъ; опять-таки она можетъ быть раскручена и тогда кругъ получится гораздо большій; при повтореніи этого процесса раскручиванія получится еще большій кругъ и это можетъ быть повторено до тѣхъ поръ, пока не будутъ развернуты всѣ семь серій меньшихъ спиралей и не получится огромный кругъ состоящій изъ невообразимо малыхъ точекъ, похожихъ на бисеръ, нанизанный на невидимый шнурокъ. Эти точки такъ непостижимо малы, что ихъ требуется нѣсколько милліоновъ для полученія одного мельчайшаго физическаго атома; опредѣлить ихъ число нелегко, поэтому были употреблены различные методы вычисленія, но всѣ они сходятся на томъ, что число этихъ точекъ очень близко къ почти невѣроятной цифрѣ 14 тысячъ милліоновъ. Такое громадное число, конечно, не давало возможности производить прямого подсчета точекъ, но вычисленіе все-таки возможно на томъ основаніи, что части атома довольно схожи между собой, такъ что ошибки вѣроятно ничтожны.

Атомъ состоитъ изъ десяти нитей, которыя по своему характеру раздѣляются на двѣ группы: 3 изъ нихъ болѣе толсты и рельефны; а семь болѣе тонки; послѣднія соотвѣтствуютъ цвѣтамъ спектра и планетамъ. Всѣ онѣ кажутся одинаковой конструкціи, но вѣроятно силы, циркулирующія въ нихъ, различны, т. к. каждая нить отвѣчаетъ быстрѣе на свою спеціальную серію колебаній. Дѣйствительный подсчетъ открылъ, что въ каждой ниткѣ 1680 спиралей перваго разряда, что соотношеніе различныхъ разрядовъ меньшихъ спиралей между собой равно во всѣхъ разсмотрѣнныхъ случаяхъ, а именно, что оно соотвѣтствуетъ числу точекъ конечной спирали низшаго порядка. Въ такихъ спираляхъ семеричный законъ дѣйствуетъ очень правильно, что же касается трехъ болѣе толстыхъ спиралей, то тутъ замѣтно любопытное измѣненіе. Какъ видно изъ рисунка, эти нити гораздо толще и болѣе рельефны, чѣмъ другія; это зависитъ отъ того, что соотношенія различныхъ порядковъ маленькихъ спиралей между собой и числа точекъ въ

низшемъ порядкѣ повышены (это повышеніе столь мало, что оно едва замѣтно). Такъ какъ это повышеніе не превышаетъ 0,0571428 цѣлаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то является мысль о неожиданной возможности перемѣны въ этой части атома, возможности процесса роста; можно предположить, что объемистыя спирали были въ началѣ похожи на другія.

Такъ какъ наблюденіе намъ показываетъ, что каждый физическій атомъ представленъ 49 астральными атомами, каждый астральный 49-ью ментальными, а каждый ментальный 49 атомами сферы Буддхи, очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ нѣсколькими членами правильной, возрастающей серіи, и естественно предположить, что серія продолжается тамъ, гдѣ мы больше не съ состояніи ее наблюдать. Эта вѣроятность становится еще больше, если мы допустимъ, что одна точка соотвѣтствуетъ одному атому седьмой сферы, т. е. наивысшей (о чемъ говорится въ Древней Мудрости), и если мы предположимъ, что тутъ начинаетъ дѣйствовать законъ умноженія, такимъ образомъ, что 49 точекъ образуютъ атомъ слѣдующей сферы, шестого; 2401—пятаго и т. д., а число, указанное для физическаго атома (496) почти точь въ точь соотвѣтствуетъ результату, полученному при дѣйствительномъ подсчетѣ точекъ. Дѣйствительно, не будь легкаго роста трехъ наиболѣе толстыхъ нитей атома, соотвѣтствіе было бы вѣроятно полнымъ.

Надо отмѣтить тотъ фактъ, что физическій атомъ не можетъ быть разложенъ прямо на астральные атомы. Если усиліемъ воли оттолкнуть за порогъ астральной сферы ту единицу силы, которая заставляетъ кружиться эти милліоны точекъ для образованія сложной формы физическаго атома, то атомъ мгновенно исчезаетъ, ибо точки становятся свободными. Но на высшемъ уровнѣ та же единица силы дѣйствуетъ не черезъ одинъ астральный атомъ, а черезъ группу въ 49 атомовъ. Если повторить этотъ процессъ, т. е. оттолкнуть единицу силы такимъ образомъ, чтобы она изливала свою энергію на ментальный планъ, мы увидимъ, что группа увеличилась до цифры 2401 (49 въ квадратѣ) этихъ высшихъ атомовъ. На буддическомъ планѣ число атомовъ, образовавшихся тѣмъ же количествомъ силы, еще гораздо больше—49 въ кубѣ вѣроятно, хотя въ дѣйствительности ихъ сосчитать нельзя. Вотъ почему нельзя сказать, что одинъ физическій атомъ состоитъ изъ 49 астральныхъ атомовъ или 2401 ментальныхъ; онъ имъ соотвѣтствуетъ въ томъ смыслѣ, что сила, дѣйствующая черезъ него, проявилась бы на этихъ, болѣе высокихъ планахъ тѣмъ, что привела бы указанное количество атомовъ въ движеніе.

Точки или бисерины являются, кажется, составными частями всякой матеріи, о которой мы что-либо знаемъ въ настоящее время; изъ нихъ получаются астральные, ментальные, буддическіе атомы, такъ что мы въ правѣ смотрѣть на нихъ, какъ на основныя единицы, какъ на основу матеріи.

Всѣ эти единицы подобны, сферичны и абсолютно просты по строенію; онѣ служатъ основой для матеріи, но онѣ—не матерія; это не массивные слитки, а полые пузыри; однако они не похожи на тѣ пузыри, которые носятся въ воздухѣ и которые состоятъ изъ тонкой водяной оболочки, отдѣляющей заключенный въ нихъ воздухъ отъ внѣшняго, такимъ образомъ, что оболочка имѣетъ и внѣшнюю и внутреннюю поверхности. Они скорѣе похожи на тѣ пузыри, которые поднимаются въ водѣ (раньше, чѣмъ они достигли поверхности) и про которыхъ можно сказать, что у нихъ только одна водяная оболочка, являющаяся просто слѣдствіемъ того, что воздушное содержимое раздвигаетъ воду. Также точно, какъ подобные пузыри не составляютъ воду, а именно мѣста, гдѣ ея нѣтъ, также точно упомянутыя единицы не составляютъ Koilon, а отсутствіе Koilon'а, единственныя мѣста, гдѣ его нѣтъ, пятна пустоты, которыя, такъ сказать, носятся въ немъ, т. к. внутренность этихъ пузырей пространства есть абсолютная пустота для наивысшей силы зрѣнія, которую мы только способны направить на нихъ.

Поразительный, почти невѣроятный фактъ. Матерія является относительнымъ „небытіемъ", пространствомъ, получаемымъ путемъ отталкиванія безконечно двойственнаго вещества: воистину, Fohat долбитъ отверстія въ пространствѣ, какъ говоритъ Тайная доктрина *), а отверстія эти даютъ воздушную пустоту, пузыри, при помощи которыхъ создаются „твердые" міры.

Что же это такое за пузыри или, вѣрнѣе, каково ихъ содержимое; какая сила способна выдувать пузыри въ безконечно плотномъ веществѣ? Древніе называли эту силу „дыханіемъ"— графическій символъ, указывающій на то, что тѣ, которые его употребляли, наблюдали процессъ сотворенія вселенной, когда Логосъ „дохнулъ на воды пространства", вызвавъ такимъ образомъ образованіе пузырей, изъ которыхъ построены міры. Люди науки могутъ давать какія угодно наименованія этой Силѣ; имена ничего не значатъ.

Для насъ же, теософовъ, рѣчь идетъ о дыханіи Логоса; мы только не знаемъ—Логоса ли нашей солнечной системы или дру-

---

*) Извѣстное сочиненіе Е. П. Блаватской.

того, еще болѣе могущественнаго Существа; послѣдняя гипотеза наиболѣе вѣроятна въ виду того, что въ вышеназванномъ оккультномъ трактатѣ сказано, что всѣ видимыя солнца обладаютъ подобномъ дыханіемъ, какъ веществомъ своимъ.

Слѣдовательно, дыханіе Логоса—та сила, которая наполняетъ описанныя пространства, которая удерживаетъ ихъ открытыми, преодолѣвая страшное давленіе Koïlon'a.

Это Его Сила. Описанныя пространства полны Жизни, полны Имъ, и все что мы называемъ матеріей на какомъ угодно высшемъ или низшемъ планѣ полно божества. Эти единицы силы, жизни—суть нѣкоторымъ образомъ кирпичи, при помощи которыхъ Логосъ строитъ Свою вселенную, Его собственная Жизнь, разсѣянная въ пространствѣ; извѣстно, что въ Bhagavad Gîta говорится: „Я создалъ этотъ міръ изъ части Себя самого". И когда Логосъ пріостановитъ свое дыханіе, воды пространства вновь закроются и вселенная исчезнетъ, ибо она лишь дуновеніе.

Выдыхательный процессъ, вызывающій образованіе пузырей, совершенно отличенъ отъ трехъ эманацій или волнъ Жизни, столь знакомыхъ изучающему теософію, и предшествуетъ имъ. Первая волна Жизни захватываетъ эти пузыри и заставляетъ ихъ кружиться для образованія разныхъ сочетаній, которыя мы называемъ атомами различныхъ сферъ: она соединяетъ ихъ въ молекулы а на физическомъ планѣ—въ химическіе элементы

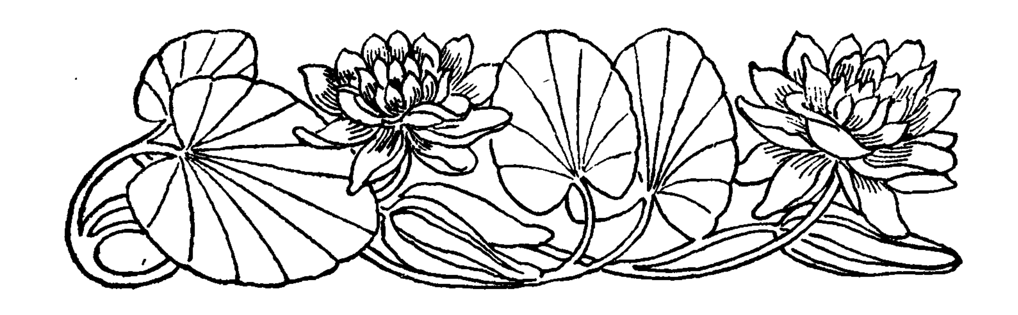
Міры созданы изъ пустотъ подобнаго рода, изъ относительныхъ „нѣтъ" (néants), которые намъ кажутся „ничѣмъ", но которыя представляютъ собою божественную силу. Это матерія, созданная изъ отсутствія матеріи. Какъ справедливо сказано H. P. B. въ Тайной Доктринѣ: „Матерія—только сочетаніе атомныхъ силъ". (VI) Будда училъ, что первоначальное вещество вѣчно и неизмѣнно. Его проводникъ чистый и свѣтящійся эфиръ, безконечное, безграничное пространство, а не пустота, зависящая отъ отсутствія формъ; наоборотъ, оно—основа всѣхъ формъ.

Какъ живо, какъ точно это знаніе напоминаетъ намъ великое ученіе о Маyâ, о преходящемъ характерѣ и нереальности всего земного, о совершенной призрачности всей видимой природы! Когда кандидатъ на посвященіе видитъ (замѣтьте, не только думаетъ, что видитъ, а дѣйствительно видитъ) что то, что ему казалось раньше пустымъ пространствомъ, есть въ сущности твердая масса невѣроятной плотности, и что матерія, казавшаяся единственно осязательной и вѣрной основой вещей, не только тонка, какъ нити Дѣвственницы—въ полотнѣ, сотканномъ „Отцемъ—

Матерью"—но состоитъ въ дѣйствительности изъ пустоты, изъ „небытія" и что она является отрицаніемъ самой матеріи, тогда онъ въ первый разъ понимаетъ всю недостаточность физическихъ чувствъ, какъ руководителей къ истинѣ. Впрочемъ, изъ этого вытекаетъ еще болѣе ясно увѣренность въ имманентности Божества; не только увѣренность, что все одушевлено Логосомъ, но еще та, что даже его видимое проявленіе буквально является Его частью, построено Его собственнымъ существомъ, такъ что матерія и духъ становятся одинаково священными для учащагося, который понимаетъ дѣйствительную природу вещей.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Отдѣлъ духовныхъ исканій.

Цвѣты (Музыкальная фантазія).

Музыка, какъ и жизнь, имѣетъ свою исторію, свои легенды, свои сказки; онѣ идутъ параллельно съ исторіей человѣчества, отражая ее и отражаясь въ ней какъ зеркало въ зеркалѣ. Жизнь человѣческой души, жизнь ея фантазіи, это—жизнь искусства, жизнь музыки; онѣ, какъ параллельныя линіи, идутъ изъ вѣчности въ безконечность. Эти линіи, вмѣстѣ съ человѣкомъ, ползутъ по высокой крутой горѣ, называемой жизнью, онѣ, какъ натянутыя нити, тянутся за нимъ на протяженіи вѣковъ, указывая путь идущимъ позади: онѣ тянутся изъ безднъ невѣдѣнія и мрака, разматываясь съ клубковъ въ рукахъ людей, идущихъ впереди. Эти люди идутъ къ тому началу, сила котораго, создавъ звукъ, свѣтъ и движеніе, сотворила жизнь и согрѣваетъ и освѣщаетъ ее любовью, даруя ей безсмертіе.

Когда человѣкъ позналъ красоту Міра и созналъ въ себѣ образъ и подобіе Творца, онъ почувствовалъ потребность любви и творчества и тогда появились поэты, художники и музыканты, тогда выросли человѣческіе таланты. Стремленіе къ добру и красотѣ раскрыло имъ внутренній взоръ и внутренній слухъ, и люди почувствовали вліяніе невидимыхъ міровъ. Красоту они назвали идеаломъ и у нихъ явилось стремленіе облекать земныя формы красотою невидимыхъ міровъ и обезсмертить ихъ, сдѣлавъ изъ нихъ проводники неумирающихъ впечатлѣній. Человѣчество, въ стремленіи своемъ къ идеалу, все идетъ впередъ по высокой и крутой горѣ; спирально вьется по ней дорога. Путь тяжелъ и опасенъ; легко упасть съ него и, разбившись, очнуться опять внизу. Чѣмъ

выше поднялся человѣкъ, тѣмъ страшнѣе паденіе и тѣмъ круче становится подъемъ; но онъ необходимъ, потому что внизу слишкомъ темно. Свѣтъ на вершинѣ горы, скрывающейся въ небѣ, ласково манитъ къ себѣ. Чѣмъ выше поднимается человѣкъ, тѣмъ ярче горятъ краски, тѣмъ прекраснѣе звучитъ дивная музыка, тѣмъ идеальнѣе становятся формы. Идущій впереди видитъ и слышитъ все яснѣй и онъ передаетъ свои впечатлѣнія идущимъ позади; впечатлѣнія эти доходятъ до нихъ по нитямъ чувствъ и по нитямъ мысли, эти нити связываютъ и объединяютъ людей. И велика отвѣтственность человѣка, идущаго впереди: если онъ падетъ, онъ неизбѣжно выронитъ изъ рукъ врученный ему клубокъ съ руководящими нитями, онѣ запутаются и поведутъ людей по ложнымъ путямъ, завяжутся узлы, затянутся петли, начнутъ душить людей, а когда нитки порвутся, многіе полетятъ въ бездну, увлекая за собой виновника своего паденія. Труденъ путь; иногда заволакиваютъ его темныя тучи; тогда краски погасаютъ, замолкаетъ музыка, глохнетъ мысль, и замирающая въ сердцѣ любовь едва едва поддерживаетъ гаснущую вѣру. Но смѣлые и сильные все идутъ и идутъ впередъ, къ свѣту и выводятъ слабыхъ и робкихъ на путь; тучи же остаются внизу: охлаждаясь, онѣ падаютъ дождемъ отчаянія въ бездну и тамъ замерзаютъ. А у идущихъ впереди все больше и больше раскрывается *внутренній слухъ* и *прозрѣваютъ очи*, все чище становится мысль, любовь все сильнѣй, пока не начнетъ обнимать весь міръ. Отзвуки Божественной музыки несутся все яснѣе и прекраснѣе изъ тѣхъ садовъ, которые растутъ по краямъ дороги жизни. Сады эти, гдѣ цвѣтутъ искусства, разбиты для отдыха человѣка, и въ нихъ растутъ удивительныя растенія и дивные цвѣты, тамъ свѣтитъ радуга, играя звуками совершеннѣйшей музыки, тамъ поютъ цвѣты, а деревья и травы перешептываются риѳмами о Мудрости, о Божественной любви, которая дала жизнь человѣку. Она одарила его способностью стремиться къ истинѣ и въ стремленіи этомъ познавать совершенство безконечныхъ міровъ. Когда человѣкъ поднимается въ кручу, его манитъ отдохнуть въ сказочномъ саду, гдѣ утолятся его голодъ и жажда чудными плодами искусствъ и свѣтлой влагой чистаго источника—знанія. Человѣкъ отдыхаетъ, полный чувства благодарности, онъ тихо мечтаетъ въ прозрачномъ мерцаніи тонкаго свѣта; переливающейся музыки радуги. Цвѣты поютъ и нѣжное благоуханіе ихъ шепчетъ отдыхающему человѣку: цвѣтокъ—это совершеннѣйшая форма природы, благоуханіе цвѣтка—его пѣніе. Почка цвѣтка, это—будущій чудный цвѣтокъ, и его можно сравнить съ

музыкальной нотой природы, вибрирующей свѣтомъ и любовью въ душѣ человѣка, которая, созрѣвая въ ея глубинѣ, выразится подъ конецъ въ чудныхъ музыкальныхъ звукахъ. Все красивое, душистое, милое, можно сравнить съ цвѣткомъ.

Каждый цвѣтокъ выражаетъ настроеніе, душу своей родной земли и потому цвѣтокъ становится символомъ и эмблемой.

Цвѣтокъ своей душистой рѣчью говоритъ человѣку о томъ, кто онъ есть на самомъ дѣлѣ,—онъ говоритъ о складѣ внутренняго человѣка.

Для добраго, чистаго человѣка—цвѣтокъ радость, для легкомысленныхъ людей онъ только украшеніе; порочные люди не цѣнятъ и не любятъ цвѣтовъ. На древнихъ пирахъ цвѣты служили коврами, и эти живыя, душистыя существа топтались ногами участниковъ оргій. Цвѣтами же устилали и путь побѣдителей; цвѣты украшаютъ невѣсту и ихъ же несутъ на могилу любимаго человѣка. Цвѣтокъ, это цѣлый живой, краснорѣчивый маленькій рай на землѣ. Въ своихъ сказкахъ ясновидецъ Андерсенъ говоритъ, что въ каждомъ цвѣткѣ живетъ маленькій эльфъ, душа цвѣтка, и что наши души жили также нѣкогда въ цвѣтахъ, что это наша родина и потому каждый любитъ свой собственный цвѣтокъ. Цвѣтокъ—это маленькое солнце, освѣщающее свой маленькій міръ—траву и листья.

Пусть же каждая нота, спѣтая голосомъ пѣвца, или сыгранная руками музыканта, будетъ подобна совершенному цвѣтку и станетъ частью цѣлаго душистаго букета, составленнаго изъ разнообразныхъ чувствъ, настроеній и влеченій къ прекрасному, и тогда эта душистая музыка заговоритъ живыми голосами тѣхъ чувствъ, которыя живутъ въ душѣ музыканта, и голоса эти вызовутъ въ другой душѣ слезы счастья и отвѣтной любви, они принесутъ ей утѣшенье и надежду. Каждая нота съ своей отдѣльной гармоніей, какъ живой цвѣтокъ, будетъ частью болѣе широкаго аккорда. И зазвучатъ тогда стройными, прекрасными гирляндами и вѣнками музыкальныя фразы; онѣ польются, какъ живое цѣлое, какъ живая симфонія любви и красоты, которая, выражая живую природу и настроеніе души человѣка, станетъ идеальной частью неизъяснимо болѣе великолѣпныхъ, благоухающихъ букетовъ, гирляндъ и вѣнковъ, окружающихъ престолъ Бога-Творца, и живые голоса ихъ правдиво разскажутъ Ему, Вѣчному и Справедливому Отцу, о счастьи, о горѣ, о любви людей, о гордыхъ побѣдителяхъ и о мученикахъ.

Разскажутъ они также и о тѣхъ музыкантахъ, артистахъ и ученикахъ, маленькихъ и большихъ, которые своей любовью сумѣли создать изъ каждой ноты живой, душистый, краснорѣчивый цвѣтокъ. А всѣ затоптанные цвѣты, погубленные, мертвые, будутъ молчать, и молчаніе будетъ обличатѣ человѣка. И тогда Отецъ скажетъ человѣку: „зачѣмъ ты убилъ и затопталъ мои дары“. И тогда тѣ, которые, веселясь и пируя, топтали жизнь цвѣтовъ, и тѣ музыканты, которые дурной музыкой увеселяли пирующихъ и возбуждали въ нихъ дурныя страсти, и тѣ художники, которые создавали дурныя картины—всѣ замолчатъ въ страхѣ и сознаніи, что не съ любовью и благоговѣніемъ отнеслись они къ великимъ Дарамъ своего Отца, а употребили ихъ во зло; сознаніе это погаситъ въ сердцѣ ихъ всѣ огни и въ душѣ ихъ станетъ темно и безмолвно какъ въ безднѣ. И долго будетъ царить въ ней мракъ, пока слезы раскаянья не оросятъ эту пустыню, чтобы въ ней загорѣлся новый свѣтъ, зазвучала и зацвѣла новая жизнь...

А. Унковская.

Молитва—дыханіе духа... Какъ кислородъ, принятый въ дыханіе черезъ кровь, расходится потомъ по всему тѣлу и оживляетъ его, такъ и здѣсь принятіе отъ Бога входитъ во внутренняя наша и оживотворяетъ тамъ все.

(О. Феофанъ).

Обуздывай вниманіе и языкъ.

(О. Феофанъ).

Цѣломудріе требуетъ трезвости внутреннихъ чувствъ..

(О. Феофанъ).

Закономъ положите ничего не предпринимать въ тревожномъ состояніи духа, равно и не говорить.

(О. Феофанъ).

Письмо къ читателямъ.

Выдающіеся люди всѣхъ временъ отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что одни являются только зрителями, только наблюдаютъ дѣйствительность, тогда какъ голосъ другихъ раздается изнутри ихъ души, изъ пережитой ими дѣйствительности, и поэтому голосъ ихъ проникаетъ въ душу человѣка.

Эмерсонъ.

Величіе Толстого состоитъ въ томъ, что для него идеалы заключены не въ матеріальной внѣшней жизни, а истекаютъ изъ человѣческой души.

Д-ръ Р. Штейнеръ.

Въ прошломъ письмѣ я обѣщалъ своимъ читателямъ выяснить мое отношеніе, какъ теософа, къ дѣятельности Льва Николаевича Толстого. Но, чтобы это отношеніе стало ясно и имѣло корни въ дѣйствительности, необходимо опредѣлить переживаемую нами эпоху съ точки зрѣнія *науки духа*, какъ съ полнымъ основаніемъ можно назвать Теософію, которая имѣетъ дѣло съ невидимыми сторонами внѣшнихъ явленій. Съ этой точки зрѣнія, процессъ человѣческой эволюціи идетъ медленно, но неуклонно къ совершенствованію, къ богочеловѣчеству, и средствомъ для достиженія этой скрытой цѣли—лишь въ рѣдкія минуты предчувствуемой душой—служитъ постепенное раскрытіе сознанія. Весь историческій процессъ можно опредѣлить какъ постепенный переходъ человѣческаго сознанія съ низшихъ ступеней на высшія, какъ развитіе всѣхъ его многочисленныхъ граней, начиная отъ еле теплящагося сознанія первобытнаго человѣка и кончая богочеловѣческимъ сознаніемъ отдаленнаго будущаго, къ которому стремится человѣчество. Развитіе яснаго индивидуальнаго сознанія, доведеннаго до совершенства,—вотъ скрытый смыслъ всѣхъ человѣческихъ переживаній, всѣхъ жизненныхъ драмъ, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ народовъ. Сознаніе растетъ и развивается отъ столкновеній съ внѣшнимъ міромъ, отъ противодѣйствія, встрѣчаемаго нашимъ сознающимъ *я* въ мірѣ *внѣ* насъ.

Не будь этого міра и его явленій, не будь этого постояннаго тренія между *я* и *не я*, не было бы ни дѣятельности, ни сознанія, слѣдовательно, не было бы и жизни. Но смыслъ и цѣль жизни не въ этомъ треніи, не въ этомъ противоборствѣ, не въ этой игрѣ всевозможныхъ силъ, которыя своими многообразными воздѣйствіями на наше сознаніе вызываютъ его ростъ и приводятъ въ дѣйствія его различныя свойства и способности. Если бы это было такъ, и вся эта „игра жизни" была безцѣльнымъ калейдоскопомъ, вращающимся по мановенію слѣпой силы,—жизнь сознательнаго существа была бы по истинѣ страшной трагедіей, безсмысленной и жестокой. Но этого нѣтъ и не можетъ быть. Не можетъ быть уже потому, что въ каждой живой душѣ заложено стремленіе къ порядку, красотѣ и гармоніи, и это стремленіе даетъ полную увѣренность, что источникъ міровой жизни разуменъ и благъ, и что все ведетъ насъ къ великой цѣли, временно скрытой отъ насъ, но несомнѣнно стоящей всѣхъ тяжелыхъ испытаній, черезъ которыя проходятъ поколѣнія за поколѣніями на нашей землѣ.

Наука духа, которая съ виду какъ бы отрываетъ насъ отъ дѣйствительности, поднимая наше сознаніе въ міръ идей, на самомъ дѣлѣ одна только и можетъ приблизить насъ къ сути всѣхъ видимыхъ явленій. Историкъ, который интересуется одними внѣшними событіями, увидитъ въ историческомъ процессѣ только одно движеніе, но *почему* это движеніе происходитъ такъ, а не иначе, и куда оно ведетъ, этого ему не будетъ видно. Но если попробовать проникнуть въ исторію человѣчества съ тѣмъ, чтобы угадать, *куда* она насъ ведетъ, можно—даже изъ того ея отрывка, относительно котораго существуютъ историческіе документы,—схватить ея общій смыслъ.

Если окинуть однимъ общимъ взглядомъ всѣ прошедшія судьбы Арійской расы отъ самаго начала и до нашихъ дней,—передъ нами начнетъ раскрываться постепенная смѣна *различныхъ ступеней сознанія*, совершенно аналогичная со ступенями сознанія отдѣльнаго нормально развивающагося человѣка. Конечно, въ подробностяхъ, ступени эти сливаются, какъ сливается основная мелодія въ большомъ сложномъ оркестрѣ: запоминающій одни отдѣльные отрывки получитъ впечатлѣніе пестроты и сложности звуковъ, уловить же основную мысль композитора ему не удастся. То же и съ исторической симфоніей, если позволено такъ выразиться; уловить и понять ея основную мысль чрезвычайно важно, потому что только она и можетъ дать доказательство *единства*

всего человѣчества, того, что оно все, въ своемъ цѣломъ, живетъ и работаетъ для одной и той же цѣли, выполняетъ одинъ и тотъ же разумный планъ жизни. Важно никогда не забывать, что жизнь каждаго человѣка не „случайный даръ“, а участіе въ общемъ творчествѣ, которое будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ лучше выполняется каждая частица этого творчества. Мы живемъ не только для себя, но и для всего міра, и важно, чтобы мы сознавали это.

Нужно только помнить, что на нашу короткую мѣрку личнаго отвѣта различныя ступени сознанія раскрываются на протяженіи огромныхъ историческихъ періодовъ, и что развитіе сложной человѣческой природы происходитъ постепенно, проявляются одна за другой лишь тѣ ея стороны, которыя стоятъ на очереди у большинства человѣчества. Порядокъ, въ которомъ онѣ раскрываются, соотвѣтствуетъ человѣческимъ возрастамъ, и это потому, что человѣчество представляетъ одно цѣлое и каждая человѣческая душа содержитъ въ себѣ всю его полноту въ зачаткѣ.

Но понимать „сознаніе“ слѣдуетъ при этомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, включая сюда и разсудокъ, и отвлеченный разумъ, и нравственное сознаніе, которое проявляется черезъ сердце, совѣсть и волю. Когда мы наблюдаемъ развитіе отдѣльнаго человѣка, мы знаемъ, что въ дѣтствѣ представленія его неопредѣленны, совѣсть говоритъ неясно, воля совсѣмъ еще не развита; что въ юношескомъ возрастѣ ярче всего расцвѣтаетъ критикующій разумъ и самоутвержденіе; въ зрѣломъ возрастѣ развивается нравственное сознаніе и воля, а подъ конецъ жизни,—если только она не прошла для человѣка даромъ,—весь опытъ обобщается, и человѣкъ проявляетъ терпимость и сочувствіе ко всему живому.

Тотъ же путь проходитъ и все человѣчество, и то, что мы называемъ его культурами, служитъ для проявленія стоящей на очереди ступени сознанія. Народы, въ которыхъ свойства этой новой ступени выражаются наиболѣе ясно, становятся во главѣ историческаго процесса и играютъ руководящую міровую роль.

Самая древняя культура Арійской расы отличалась характеромъ созерцательнымъ; высоко поднятое надъ земнымъ сознаніе было устремлено на „великое Цѣлое“, оно сливалось съ вселенной и Богомъ. Религіозныя идеи древнихъ Индусовъ сводились къ идеѣ *единства*, какъ высочайшаго закона вселенной. Ученія эти создавались Святыми (Rishis) Индіи и давались младенческому человѣчеству для руководства. Эту ступень широкаго космическаго сознанія можно съ полнымъ основаніемъ сравнить съ младенческимъ

періодомъ человѣчества, а двѣ послѣдующія культуры (др. Персидскую и др. Египетскую)—съ дѣтствомъ и ранней юностью. Вторая культура уже теряетъ первоначальное единство сознанія, въ немъ появляется дуализмъ, идея добра и зла, потребность побѣдить злое начало, необходимость бороться, дѣйствовать. На этой ступени сознаніе начинаетъ погружаться въ земное. Третья культура даетъ начало всѣмъ наукамъ древности, возникаетъ астрологія, алхимія, математика, механика. Всѣ три первыя культуры имѣютъ общія черты: подчиненіе духовному авторитету, единство науки и религіи, связь земного съ невидимыми мірами, отсутствіе самостоятельности, слабо развитая индивидуальность.

Звеномъ, соединяющимъ первыя ступени сознанія съ новой эрой, являются древніе Семиты, которые вносятъ въ міръ ясно выраженное *личное начало.* Слѣдующая ступень, которую можно назвать цвѣтущей молодостью человѣчества, блистательно выражена древними греколатинскими народностями. Это—эпоха могучаго искусства, когда вся свѣжесть и весь энтузіазмъ молодыхъ силъ человѣчества воплощается въ земномъ творчествѣ. Греческій культъ красоты, титаническая борьба съ богами, въ которой выражается возникающее дерзновеніе личной воли, а позднѣе развитіе гражданскаго права у древнихъ Римлянъ, имѣвшее задачей огражденіе личности въ новыхъ условіяхъ государственной жизни,—все это поднимаетъ *личное начало*, подготовляя народы къ христіанской эрѣ. „Христосъ открылъ цѣнность каждой отдѣльной души человѣческой и никто уже не въ состояніи уничтожить значеніе этого открытія". Эти слова Гарнака (Wesen des Christentums) прекрасно опредѣляютъ главный смыслъ наступившей христіанской культуры.

Ея задача, выполненная западно-европейскими народами,—перенести центръ тяжести на личность, на ея индивидуальное развитіе. Отъ широкаго, но неопредѣленнаго сознанія, обнимавшаго все „великое Цѣлое", которымъ Арійскіе народы обладали на зарѣ своей жизни, сознаніе переходитъ—все болѣе съуживаясь—къ ясности, къ острому анализу, къ точнымъ научнымъ методамъ,—и главной его задачей становится проведеніе всего духовнаго богатства человѣчества черезъ матеріальную культуру. Все вниманіе европейскихъ народовъ обращается исключительно на одно земное, на технику, промышленность; наступаетъ вѣкъ машинъ; все духовное погружается глубоко въ физическое.

Геніи служатъ всегда проводниками тѣхъ идей, которыя стоятъ на очереди, они даютъ своей эпохѣ тотъ импульсъ, который нуженъ именно для даннаго времени.

Если объединить всю западно-европейскую дѣятельность послѣдняго вѣка въ нѣчто цѣлое, мы увидимъ, что всѣ передовые люди, дававшіе опредѣленный колоритъ своей эпохѣ, выполняли всѣ одну и ту же миссію: внѣдрить сознаніе человѣка въ чисто земное, оторвать его отъ невидимыхъ міровъ, воплотить отвлеченныя идеи въ возможно болѣе конкретные образы. Кантъ оформливаетъ разрывъ духа и разума, провозглашая что *суть вещей непознаваема*, и отводитъ ей область вѣры. Разрывъ науки и религіи, формы и жизни, земного и потусторонняго, совершается окончательно. Человѣчество вступаетъ въ зрѣлый возрастъ. Какія же новыя задачи ожидаютъ его? Какова будетъ та новая ступень сознанія, на которую оно готовится перейти?

Только проникнувъ въ общій смыслъ историческаго процесса, можно понять и истинную задачу своей эпохи, и роль современныхъ народовъ, и можно вѣрно отвѣтить на поставленный вопросъ. Вся задача западно-европейской цивилизаціи направлялась къ тому, чтобы довести матеріальность сознанія и личное начало до полнаго своего выраженія, до внутренней необходимости поворота на восходящую линію, на которой личное должно развернуться въ „*сверхличное*", какъ выразился д-ръ Штейнеръ въ одной изъ своихъ лекцій.

Въ настоящій моментъ западная культура дошла до своего апогея; дальше по тѣмъ же линіямъ идти уже некуда. Но этихъ словъ не слѣдуетъ понимать какъ порицаніе. Культура эта была необходима для человѣка, для перехода его на высшую ступень внутренней свободы и нравственнаго сознанія, и она въ совершенствѣ исполнила свою роль, развивъ аналитическій разумъ, утончивъ нервную систему, выработавъ самостоятельность, обогативъ жизнь человѣческую великими открытіями и важными завоеваніями въ области природы. Безъ этой подготовки движеніе человѣчества впередъ было бы невозможно, и безъ кипучаго разнообразія западно-европейской земной дѣятельности, безъ всѣхъ ея испытаній и потрясеній, мы еще не скоро достигли бы той зрѣлости духа, которая необходима для осуществленія высшихъ нормъ жизни. И все же, если прежнее направленіе западнаго творчества продлится далѣе, чѣмъ это необходимо для развитія, если будутъ попытки задержать движеніе жизни на прежнемъ уровнѣ, та же культура, которая такъ много послужила развитію, станетъ ея тормозомъ.

Человѣческая жизнь та же, что потокъ: онъ долженъ свободно стремиться впередъ, и если его искусственно задержать, неизбѣжно образуется застой и начнется разложеніе.

Передовая волна человѣчества, которая всегда опережаетъ сознаніе остальныхъ, чувствуетъ это очень опредѣленно, и мы видимъ новыя вѣянья повсюду: въ литературѣ, въ драмѣ, въ наукѣ и искусствѣ, а главное—въ тревожномъ исканіи новыхъ началъ жизни. Эта тревога—вѣстникъ *новой ступени сознанія*, которая идетъ на смѣну отживающей матеріальной культуры. Признакомъ этой новой ступени будетъ *духовное сознаніе*, руководимое закономъ любви; въ науку оно внесетъ ученіе о духѣ, въ религію свободу, въ общественной строй взаимопомощь и братство, въ международныя отношенія общее разоруженіе и сближеніе народовъ. Время, когда это наступитъ, зависитъ не отъ внѣшнихъ событій, а отъ сознанія тѣхъ, которые творятъ земную жизнь; и народъ, который пойдетъ во главѣ остальныхъ народовъ, будетъ тотъ, въ которомъ ранѣе другихъ пробудилось духовное сознаніе.

Въ эпоху внутренняго перелома, подобную нашей, когда пережитая ступень уже перестала удовлетворять общественную совѣсть, появляется всегда геніальный человѣкъ, который какъ въ яркомъ фокусѣ воплощаетъ въ себѣ еще смутныя, но уже зародившіяся стремленія современнаго человѣчества. Для нашей эпохи такимъ человѣкомъ является Левъ Николаевичъ Толстой. Недавно происходившее празднованье дня его рожденья показало, что онъ принадлежитъ не намъ однимъ, но и всему міру. Нѣтъ страны на землѣ, гдѣ бы его не знали и не прислушивались къ его голосу.

Въ чемъ тайна его обаянія надъ лучшими людьми всѣхъ странъ и народовъ?

Человѣчество давало не мало геніевъ; какъ яркія звѣзды зажигались они на общественномъ горизонтѣ, то обобщая въ одну стройную систему всю научную работу своего вѣка, то давая сильный толчокъ сознанію людей, то внося новыя начала въ науку и искусства. Геніальность Льва Николаевича совсѣмъ особаго свойства: изъ нея исходитъ вся сила его духовнаго творчества, въ ней—источникъ его необыкновенной жизни и небывалаго вліянія на весь міръ. „Геній совѣсти“ можно бы назвать его, опредѣляя однимъ словомъ ту роль, которую сыграло его творчество въ сознаніи современниковъ. Онъ будилъ совѣсть неустанно, съ потрясающей искренностью, не сдаваясь ни на какіе компромиссы, не уступая ни пяди изъ своихъ вѣрованій, не останавливаясь ни передъ какими послѣдствіями. Необычайное вліяніе Льва Николаевича и исходитъ изъ того, что онъ сосредоточилъ всю жизнь

своего духа на *цѣльной вѣрѣ*, пренебрегая и злобою дня, и современными теченьями, что онъ призывалъ—минуя условныя правды—къ *вѣчной правдѣ*, вѣря въ нее съ такой великой силой, что эта сила зажигала всѣхъ слушавшихъ его и поднимала ихъ надъ мракомъ и грѣхомъ текущей жизни. Какъ могучій благовѣстъ вѣры въ неумирающую красоту человѣка звучатъ его слова: „если бы люди только поступали какъ требуетъ того сердце и разумъ, сразу бы разрѣшились всѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдаютъ измученные люди всего свѣта". Вотъ эта способность—даже среди мрака—смотрѣть не отрываясь на загорѣвшійся передъ нимъ свѣтъ и неустанно призывать къ этому свѣту и другихъ, это поглощеніе всей души безъ остатка одной великой идеей и даетъ ему такую власть надъ душой человѣка.

Нужды нѣтъ, что эта цѣльность дѣлаетъ его прямолинейнымъ и не считающимся съ духомъ времени: съ точки зрѣнія обыкновеннаго человѣка, это—недостатокъ.

Но у учителя жизни, у ясновидца новой ступени сознанія—своя особая психологія и его нельзя понять, прикладывая къ нему обыкновенную мѣрку. Его нужно брать всего, цѣликомъ, какъ собирательное духовное явленіе и не забывать, что великая вѣра должна озарять такимъ великимъ свѣтомъ, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ временныя явленія, какъ бы они мучительны не были. Въ этомъ—причина его неуступчивости духу времени и его спокойствіе передъ цѣлыми тучами непониманія, которыя со всѣхъ сторонъ несутся на него. Когда онъ говоритъ о „религіозномъ сознаніи", начинаютъ подводить итоги той „религіи, которая привела къ инквизиціи, къ стѣсненію свободы совѣсти и мысли"...; или когда онъ говоритъ: „не противьтесь злому"—передъ смятеннымъ умомъ возникаетъ призракъ уступчивости и покорности, не смотря на то, что вся его жизнь была на нашихъ глазахъ сплошной борьбой съ царящимъ зломъ, мужественной и неутомимой. И если бы люди воспринимали нравственныя явленія одной логикой, между великой совѣстью Льва Николаевича и современниками раскрылась бы непереходимая бездна. Но этого нѣтъ, потому что человѣкъ воспринимаетъ не только ограниченнымъ разумомъ, но и высшимъ сознаніемъ и сердцемъ, и оно то и дѣлаетъ для насъ Льва Николаевича дорогимъ и необходимымъ, и заставляетъ весь міръ любить и почитать неутомимаго будителя совѣсти.

Идти въ уровень съ современными понятіями онъ не можетъ уже потому, что *его* сознаніе поднялось выше сознанія современнаго міра, и все его вниманіе устремлено на то, что другимъ еще

ие видно. А ему уже видно что „*новое пониманіе жизни состоитъ въ томъ, чтобы каждый человѣкъ подчинялся только одному высшему закону любви, который даетъ высшее благо какъ каждому отдѣльному человѣку, такъ и всему человѣчеству. Только сознаніе людьми въ себѣ высшаго духовнаго начала и вытекающаго изъ него истиннаго человѣческаго достоинства можетъ освободить людей отъ порабощенія однихъ другими. И сознаніе это уже растетъ въ человѣчествѣ и всякую минуту готово проявиться* *).

Въ такое время какъ наше, когда старое уже изживается, а новое еще не выяснилось, нужна именно такая цѣльная вѣра, такой неколеблющійся свѣтъ, отъ чистой силы котораго разгоралось бы то лучшее, что уже зажглось въ глубинѣ человѣческой совѣсти, и что подниметъ сознаніе людей на высшую ступень.

Другъ читателя.

Прежде всего, даже прежде молитвы о душѣ своей, должно отъ всего сердца помолиться за враговъ своихъ.

(Авва Зенонъ).

Худое слово и добрыхъ дѣлаетъ худыми, а доброе слово и худыхъ дѣлаетъ добрыми.

(Св. Макарій).

Душа тому принадлежитъ, съ кѣмъ въ общеніи и единеніи она своими хотѣніями.

(Макарій Египетскій).

Какъ солнце держитъ планеты и водитъ ихъ за собою, такъ весь духовный міръ, стало и наши души, должны держаться Бога и водиться Имъ.

(О. Феофанъ).

*) Изъ статьи, напечатанной въ № 284 „Русскихъ Вѣдомостей", 1908 г.

L'Education de soi-même. D-r Paul Dubois. (Самовоспитаніе). Deuxième édition. Masson et C-ie, éditeurs. Libraires de l'Academie de Médecine, 120, Boulevard Saint-Germain. Paris.

Va, petit livre, et choisis ton monde,
Aux adversaires—respect;
Aux indifférents—pitié;
Aux frères d'armes – salut.

Ступай, моя книга, ищи своихъ читателей,
Противникамъ —уваженіе,
Равнодушнымъ—сожалѣніе,
Братьямъ по оружію—привѣтъ.

D-r Paul Dubois профессоръ невропатологіи въ Бернскомъ университетѣ.

Въ введеніи къ своей книгѣ P. Dubois говоритъ, что, имѣя дѣло съ многочисленными больными неврастениками, онъ пришелъ къ заключенію, что неврастенія, этотъ бичъ человѣчества, не является извнѣ какъ чума или туберкулозъ, а что люди сами творцы этой болѣзни.

Это болѣзнь не физическая, а психическая, не только слабость нервовъ, а прежде всего слабость ментальная. Ее правильнѣе назвать не неврастеніей, а психостеніей.

Причины ея онъ видитъ въ неправильномъ воспитаніи, беря это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Во первыхъ: насъ не учатъ мыслить. Въ школѣ намъ набиваютъ голову готовыми знаніями, даютъ пережевывать готовыя сужденія, не научая давать имъ собственную оцѣнку.

Мы окружены со всѣхъ сторонъ, такъ называемыми, предвзятыми идеями, предразсудками, фанатизмомъ всякаго рода, застывшими, кристаллизованными мыслями и идеями. Въ этой атмосферѣ мы живемъ и движемся, слишкомъ мало отводя мѣста свободной, творческой мысли.

Во вторыхъ, у насъ недостатокъ моральнаго ясновидѣнія (clairvoyance morale). Увлекаемые стремленіемъ къ удовольствіямъ, самолюбіемъ, честолюбіемъ, однимъ словомъ нашими страстями, мы за-

бираемся въ такія дебри, такъ запутываемся, что выходъ изъ всего этого чрезвычайно труденъ и здѣсь обыкновенно не помогаютъ ни собственный опытъ, ни уроки, ни опытъ другихъ.

Человѣкъ снова и снова впадаетъ въ тѣ же ошибки и, страдая по собственной винѣ, отъ себя самого,—онъ обвиняетъ обстоятельства, судьбу или другихъ людей. Намъ не достаетъ дара предвидѣнія и яснаго видѣнія въ области моральной.

Врачъ, какъ духовникъ, выслушивая ежедневно исповѣди людей, констатируетъ постоянно это удивительное заблужденіе и поражается этому малому развитію моральнаго ясновидѣнія. Врачъ, имѣя дѣло съ отдѣльными личностями, съ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ, страдающимъ, несчастнымъ,—если отнесется къ нему съ живой симпатіей, заставитъ его разсуждать правильно, направитъ его мышленіе, то онъ всегда найдетъ въ человѣкѣ, даже самомъ простомъ, наименѣе образованномъ, неуравновѣшенномъ, цѣлыя сокровища логическаго мышленія и разумнаго пониманія въ области моральной.

Надо помочь человѣку высвободить его истинную сущность.

Несчастья человѣческія, нервныя и психическія заболѣванія, такъ называемая неврастенія,- въ огромномъ большинствѣ случаевъ зависятъ отъ того, что человѣческій мозгъ мало приспособленъ къ самостоятельному свободному мышленію, и отъ того, что ему не достаетъ моральнаго воспитанія.

Задача врача невропатолога не столько физически лечить больного человѣка, сколько воспитывать его или вѣрнѣе помогать ему въ дѣлѣ самовоспитанія.

Мы всѣ болѣе или менѣе чувствуемъ . необходимость избавиться отъ нашихъ недостатковъ, культивировать наши достоинства, мы радостно привѣтствовали бы моральный прогрессъ всего человѣчества, но мы заранѣе отчаяваемся, думая о медлительности процесса нравственной эволюціи, и большинство людей отвѣчаетъ скептической улыбкой на всякое предложеніе моральной ортопедіи, примѣняемой къ отдѣльному человѣку.

Конечно, не съ такимъ настроеніемъ можно работать для общаго блага людей. Надо прежде всего вѣрить въ возможность улучшенія, вѣрить въ совершенствованіе духа человѣческаго, съ неустаннымъ терпѣніемъ взращивать каждый ростокъ, впередъ радуясь драгоцѣнной и обильной жатвѣ.

Человѣкъ съ такимъ настроеніемъ не останавливается больше въ своей работѣ, для него она не тягостна, въ ней видитъ онъ радость въ настоящемъ и надежду въ будущемъ.

Дальше Дюбуа говоритъ, для чего же это стремленіе, къ чему эта постоянная работа объ усовершенствованіи своего собственнаго духа и разума и другихъ людей? Да для того, чтобы достигнуть наибольшаго счастья, возможнаго на землѣ. Единственный двигатель всѣхъ поступковъ людей, это желаніе счастья.

Весь вопросъ въ томъ, что надо знать, гдѣ искать это блаженство, котораго такъ жаждетъ человѣчество! Религія намъ говоритъ, что счастье должно быть не отъ міра сего, и убаюкиваетъ мечтой о вѣчномъ блаженствѣ въ раю. Философы готовы дать отвѣтъ разсужденіемъ о смыслѣ жизни, о цѣнности и цѣли жизни,—метафизики дерзаютъ поднять покрывало потусторонней жизни.

Я не вижу, говоритъ Дюбуа, во всемъ этомъ рѣшенія вопроса и считаю, что жизнь имѣетъ одну цѣль: быть прожитой, и это великое искусство прожить жизнь хорошо. Вотъ чего намъ недостаетъ—искусства жить. Люди стремятся—кто къ достиженію богатства, кто славы, кто семейныхъ радостей, кто положенія въ свѣтѣ и т. д., и достигнувши того или другого, человѣкъ на нѣкоторое время считаетъ себя счастливымъ, довольнымъ. Всѣ эти стремленія понятны и законны, но достиженіе того или другого временнаго желанія не есть еще счастье. Истинное счастье не въ достиженіи желаній и хрупкость такого временнаго и частичнаго счастья слишкомъ очевидна. Оно построено на внѣшнихъ обстоятельствахъ и можетъ быть въ любой моментъ разрушено внѣшними же обстоятельствами. Конечно, мы можемъ и въ правѣ добиваться всякихъ благъ матеріальнаго характера, въ этомъ лежитъ экономическое развитіе и прогрессъ интеллектуальный, но берегитесь ставить все ваше счастье на карты, которыя въ любой моментъ могутъ быть перетасованы чьими нибудь руками или разлетѣться при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра!

Я не слишкомъ довѣряю, говоритъ Дюбуа дальше, благу нашей цивилизаціи, пока она даетъ намъ только матеріальныя преимущества, большее или меньшее благополучіе въ области питанія и жилища и даже въ удовольствіяхъ и радостяхъ, доставляемыхъ нашему уму и чувствамъ.

Истинное счастье не въ этомъ. Оно въ насъ самихъ; въ глубинѣ нашего внутренняго *я* и не имѣетъ другого смысла, какъ только въ удовлетвореніи нашихъ высшихъ стремленій, въ культурѣ Истины, Красоты, Добра!

Это душевное состояніе можетъ быть создано только постояннымъ и непрерывнымъ развитіемъ нашего нравственнаго я; мы никогда не достигаемъ совершенства, но по крайней мѣрѣ мы идемъ по пути, ведущему къ нему, и счастье наше, единственно истинное, единственно

ненарушимое,—находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ нашимъ внутреннимъ, моральнымъ развитіемъ. Какъ ни огромна титаническая работа человѣка, который, благодаря своему интеллекту и неустанному труду, открылъ многія тайны природы, покорилъ ея силы и заставилъ ихъ служить себѣ, онъ самъ остается скованнымъ несчастіемъ, которое самъ создаетъ себѣ, остается въ сѣтяхъ, которыми самъ опуталъ себя. Его убожество выступаетъ еще ярче и кажется еще ужаснѣе при сравненіи съ богатствами, собранными человѣческими же знаніями и техникой. Для всякаго, кто глубоко задумается надъ этими вопросами, станетъ ясно и очевидно, что нѣтъ иной возможности счастья, какъ только въ нравственномъ развитіи и совершенствованіи человѣческой личности.

Тѣ именно добродѣтели, которыя, съ точки зрѣнія религіи, обезпечиваютъ намъ блаженство въ будущей жизни на небѣ,—необходимы для нашего счастья здѣсь на землѣ. Очень возможно и вѣроятно, что люди, живущіе интенсивной религіозной жизнью, способны скорѣе пріобрѣсти состояніе душевнаго равновѣсія, стойкости, внутренняго мира и счастья, имѣя надежду и увѣренность награды въ будущей жизни. Но то же самое, ту же мощь духовную и нравственную мы можемъ найти и въ людяхъ, никогда не думавшихъ и не разсуждавшихъ о религіи, или же у тѣхъ, которыхъ размышленія и жизненный опытъ привели къ агностицизму, т. е. раціональному скептицизму, не позволяющему имъ придавать характеръ увѣренности предположеніямъ и гипотезамъ, какъ бы пріятны и заманчивы они ни были.

Развитіе и совершенствованіе моральнаго начала въ человѣкѣ возможно лишь самовоспитаніемъ. Каждый шагъ, дѣлаемый нами по этому пути, способствуетъ нашему собственному счастью и имѣетъ значеніе для всѣхъ людей, такъ или иначе съ нами связанныхъ и находящихся въ сферѣ нашего вліянія. Нравственное совершенство достигается воспитаніемъ мысли и характера.

Дюбуа даетъ описаніе механизма мысли и дѣйствія и дѣлаетъ психологическое изслѣдованіе мысли и дѣйствія, развивая теорію детерминизма. Наши мысли и дѣйствія, говоритъ онъ, не являются результатомъ нащей свободной воли, свободнымъ волевымъ актомъ, а обусловлены наслѣдственностью, воспитаніемъ, средой, вліяніемъ окружающихъ и т. д. Мы мыслимъ и дѣйствуемъ по линіямъ, уже заранѣе намѣченнымъ и опредѣленнымъ не нами, не нашей волей, хотя мы и воображаемъ, что имѣемъ собственную иниціативу. Наши поступки направляются нашей мыслью, которую не мы сами создаемъ, а наслѣдственность и воспитаніе. Такимъ образомъ, по мнѣнію Дюбуа, мысли иаши не свободны и какъ бы предопредѣлены заранѣе. Мы должны

освободить мысль, развить инициативу мысли и сами создавать свои мысли.

Человѣкъ мыслитъ много, непрестанно мыслитъ. Если взять, что человѣкъ спитъ 8 час., то 16 час. онъ непрестанно мыслитъ, да и во время ночного отдыха его сновидѣнія являются результатомъ тоже мышленія. Иногда хочется пожелать хотя минуту отдыха этой ментальной машинѣ, говоритъ Дюбуа. Но мысли наши обыкновенно безконтрольно блуждаютъ, идеи смѣняютъ одна другую въ непрерывномъ чередованіи или же одна какая-нибудь идея овладѣваетъ нами и мы въ полной ея власти (навязчивыя идеи).

Дюбуа приводитъ совѣтъ одного католическаго аббата, который говоритъ, что для свѣтскихъ людей, обыкновенно или легкомысленно прожигающихъ жизнь или слишкомъ погруженныхъ въ дѣловую жизнь,— лучшій совѣтъ, который бы онъ могъ дать,—это вмѣнить себѣ въ обязанность, не нарушимую ни въ какихъ случаяхъ,—$^1/_4$ часа размышленія утромъ и 5 мин. по меньшей мѣрѣ вечеромъ.

Дюбуа называетъ этотъ способъ мышленія pensée méditative; онъ говоритъ, что способъ этотъ прекрасенъ, хотя напоминаетъ монастырскія правила, но въ нашей жизни, такой занятой и столь безпокойной, трудно удѣлить и эти несчастныя 20 мин. въ день. Для настоящаго же воспитанія мысли эта короткая медитація недостаточна. Размышленіе необходимо постоянное, оно должно сопровождать каждый нашъ поступокъ, всякое наше дѣйствіе. За воспитаніемъ мысли слѣдуетъ воспитаніе характера.

Тутъ Дюбуа даетъ цѣлую лѣстницу добродѣтелей, необходимыхъ человѣку, напоминающую Іоанна Лѣствичника:

Терпимость, снисходительность, смиреніе, умѣренность, терпѣніе, бодрость духа, цѣломудріе, искренность, доброта, альтруизмъ, идеализмъ. Каждой изъ этихъ добродѣтелей Дюбуа посвящаетъ отдѣльную главу въ своей книгѣ.

Затѣмъ онъ указываетъ на слова одного пастора, который говоритъ: „помните, что существуютъ только двѣ обязанности, которыя человѣкъ долженъ выполнить:

1-ая—дать своей личности всю цѣнность, какую она только можетъ имѣть, и

2-ая—отдать эту личность на служеніе ближнимъ", и прибавляетъ, что лучше нельзя и выразить эту идею. Въ послѣдней главѣ своей книги, озаглавленной „Идеализмъ", Дюбуа говоритъ о безполезности раздѣленія людей на спиритуалистовъ и матеріалистовъ, на дуалистовъ и монистовъ и о постоянной ихъ борьбѣ. Приводя слова ап. Павла: „Обрѣзаніе ничто и необрѣзаніе ничто, но все—въ соблю-

деніи заповѣдей Божіихъ",—онъ говоритъ, что точно также можно бы сказать: „спиритуализмъ ничто и матеріализмъ ничто; все въ томъ, чтобы достойно прожить свою жизнь, работая для счастья и блага всѣхъ".

Единственную руководящую силу въ жизни Дюбуа видитъ въ томъ, что онъ называетъ нравственнымъ Идеаломъ (Idèal moral); онъ говоритъ, что этотъ Идеалъ все тотъ же, будетъ ли онъ, по мнѣнію однихъ, предписанъ свыше Провидѣніемъ, создавшимъ насъ и управляющимъ нашей судьбой, или же, по мнѣнію другихъ—нравственный Идеалъ, созданный силою чистаго мышленія,—важно одно: быть ему вѣрнымъ.

Если Дюбуа пришелъ къ такому высокому настроенію, идеализму и любви къ людямъ, которыми проникнута вся его книга, путемъ матеріализма и агностицизма, то дѣйствительно не важно названіе пути, которымъ человѣкъ идетъ къ Идеалу. Агностицизмъ Дюбуа, приведшій его къ величайшему альтруизму, не лучше ли того спиритуализма, производящаго, по словамъ ап. Павла, „раздѣленіе и соблазны"?*)

А. В.

„**Мелодіи**", *А. Чертковой,*—5 выпусковъ:

1-й и 2-й—„Пѣсни дѣтства"; 3-й—„Пѣсни юности"; 4-й— „Слезы людскія; 5-й—„Пѣсни братства".

Эти мелодіи, чистыя, свѣтлыя вибраціи звуковъ, мыслей, словъ; онѣ проникаютъ въ душу волнами вѣры, надежды и любви, складываясь въ формы мыслей добра и міра.

Милыя, простыя, задушевныя мелодіи А. Чертковой аранжированы проф. Танѣевымъ, Н. С. Жиляевымъ и А. R. Crippss; эти имена говорятъ сами за себя и о томъ, что гармонизація и музыкальная форма безукоризненны; но помимо этого чувствуется, что душа мелодій, какъ и душа народной пѣсни, рвется на просторъ, стремясь свободно выразиться и въ заглавіяхъ пѣсенъ, въ ихъ звукахъ и словахъ, чувствуется эта чистая и глубокая душа, душа человѣка, горящая вѣрой, надеждой и любовью къ человѣку, человѣку—брату.

А. Унковская.

---

*) Какъ теософы, мы не можемъ считать безразличнымъ, къ какому міровоззрѣнію примыкаетъ человѣкъ, къ матеріалистическому или спиритуалистическому ужъ потому, что далеко не безразлично, по какому руслу течетъ наша мысль, но А. В. правъ, отмѣчая, что основное настроеніе человѣка выражается не именемъ теченія, къ которому онъ примыкаетъ, а всѣмъ отношеніемъ его къ жизни и людямъ. Если Дюбуа, не смотря на свой теоретическій позитивизмъ, приходитъ къ выводамъ противоположнымъ тѣмъ, которые дѣлаетъ матеріализмъ, то мы вполнѣ имѣемъ право назвать его „безсознательнымъ идеалистомъ". *Ред.*

Могущество мысли въ образованіи характера. *Ральфъ Вальдо Трайнъ.* Пер. съ англійскаго Е. С. Кіевъ. 1908 г. Цѣна 20 коп.

Какъ много людей вѣчно жалуется на Судьбу, забывая русскую пословицу, что „всякъ самъ своего счастья кузнецъ". Каждый изъ насъ долженъ найти свой центръ, найти Бога въ сердцѣ своемъ (это основной мотивъ всѣхъ религій) и, исходя изъ этого центра, думать, говорить, жить и любить. Вниманіе человѣка должно быть направлено на тѣ мысли. которыя зарождаются въ его сознаніи. Культура мыслей есть главная задача правильно поставленнаго воспитанія. Авторъ даетъ добрый совѣтъ установить контроль надъ своими мыслями и сообщаетъ методъ, какъ это сдѣлать. Брошюра полезна каждому, кто хочетъ работать надъ своимъ самоусовершенствованіемъ. Опасная нота звучитъ въ призывѣ автора къ мысленному воздѣйствію на другихъ людей, такъ какъ сила „внушенія" есть орудіе Лѣваго Пути и влечетъ за собою серьезную отвѣтственность для того, кто примѣняетъ эту силу для недобрыхъ цѣлей.

Международный языкъ Эсперанто. *Н. Кабановъ*, съ письмомъ *Л. Н. Толстого.* Изданіе „Посредникъ" Москва, 1908 г. Цѣна 12 коп.

Установленіе международнаго языка внесло бы большое облегченіе въ сношеніе людей между собой, способствуя ихъ единенію и пониманію другъ друга. Съ этой точки зрѣнія установленіе единаго языка должно быть привѣтствуемо всѣми, кто исповѣдуетъ въ душѣ принципы братства и стремится къ сближенію народовъ и повышенію человѣческой культуры. Изъ всѣхъ попытокъ создать такой единый международный языкъ наилучшею слѣдуетъ признать изобрѣтеніе языка „Эсперанто", корни котораго взяты изъ разныхъ европейскихъ языковъ и потому языкъ этотъ крайне легокъ для европейца. Грамматика его также очень проста и исчерпывается 16 легкими правилами. Достаточно нѣсколькихъ дней, чтобы научиться читать на этомъ языкѣ,— нѣсколькихъ недѣль, чтобы научиться говорить и писать. Нѣсколько болѣе труднымъ представится, вѣроятно, изученіе этого языка для представителей семьи Восточныхъ народовъ,—чѣмъ и объясняется, вѣроятно, слабое распространеніе этого языка. Фирма „Посредникъ" издала нѣсколько брошюръ въ качествѣ пособій по изученію „Эсперанто".

Такова: „Первая эсперантская книга для чтенія съ грамматикой и словаремъ", содержащая въ себѣ переводныя произведенія Л. Н. Толстого, Тургенева, Гаршина, Мамина-Сибиряка и др. писателей. Цѣна книги вполнѣ доступна (25 к.).

К. Кудрявцевъ.

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**

Указатель статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Теософіи“ за 1908 годъ.

Статьи по теософіи.

Статьи о теософическомъ движеніи и литературѣ.

Статьи по вопросамъ, соприкасающимся съ теософіей.

Научное обозрѣніе.

Отдѣлъ духовныхъ исканій.

Письма къ читателямъ (Другъ читателя).

Отзывы о книгахъ.

Изреченія.

Стихотворенія и беллетристическія произведенія.

Мелкія статьи и замѣтки.